АБРАМ ГАННИБАЛ

Дьёдонне Гналлманку

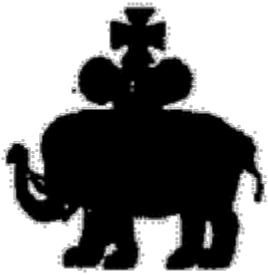
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АБРАМ ГАННИБАЛ
Дьёдонне Гналлманку

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation



К 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина вниманию читателей предлагается первая полная биография Абрама Петровича Ганнибала (около 1696—1781), знаменитого предка великого русского поэта. Судьба этого человека кажется невероятной: чернокожий пленник, проданный в рабство в Стамбуле, он становится крестником и неотлучным секретарем Петра Великого, получает образование во Франции и всю свою жизнь посвящает служению России в качестве военного инженера, а затем генерал-аншефа русской армии. Автор книги, африканский исследователь Д. Гнамманку, предлагает свою версию происхождения прадеда Пушкина, которая, несомненно, вызовет интерес и в России.

- Дьёдонне Гнамманку
  -
  - ОТ РЕДАКЦИИ
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА 1.
    - «Под небом Африки моей»
    - В Стамбуле
  - ГЛАВА 2.
    - Ибрагим в Москве
    - Школа войны
    - Ординарец царя
  - ГЛАВА 3.
    - Дорога в Европу
    - Франция Людовика XV
    - Письма домой
    - В школе Артиллерии в Лафере
    - Жертва реформ Ло
  - ГЛАВА 4.

- Сподвижник Петра I
- Библиотека Абрама
- Любовные интрижки
- Смерть императора и воцарение Екатерины
- Учитель математики будущего царя
- Книга

○ ГЛАВА 5.
- Друзья княгини Волконской
- Роковой указ Меншикова
- Ганнибал!

○ ГЛАВА 6.
- Под началом графа Миниха
- Внебрачный ребенок и дело об отравлении

○ ГЛАВА 7.
- Новое пристанище
- Настоящая любовь. Настоящая семья
- Ревельский подполковник
- Ревель. 1741 год

○ ГЛАВА 8.
- Елисавет
- Ревель. 1742 год
- Ганнибал — защитник интересов России
- Дело фон Тирена
- Происки Гольмера
- В Финляндии
- Кавалер
- Тень Евдокии

○ ГЛАВА 9.
- Технический директор русской армии
- Ганнибал — директор работ в Кронштадте и глава Инженерного корпуса
- Генерал-аншеф русской армии

○ ГЛАВА 10.
- Отставка. Суйда
- Гордый отец
- Завещание Ганнибала
- Кончина патриарха

○ ЭПИЛОГ

○ ПРИЛОЖЕНИЯ
- ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
- ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
- ПРИЛОЖЕНИЕ 3.
- ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
- ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А.П. ГАННИБАЛА
- ЛИТЕРАТУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243

- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254

Дьёдонне Гнамманку
АБРАМ ГАННИБАЛ:
Черный предок Пушкина

Жизнь ®
замечательных
людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК
761

«Молодая гвардия», 1999 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин.

В. Набоков («Памяти Гумилева»)

Вслед за счастливым возвращением из эмиграции двухтомной «Жизни Пушкина» А. В. Тырковой-Вильямс, снискавшей в короткий срок признание специалистов и читательскую любовь, серия «ЖЗЛ» представляет на суд книголюбов еще один пушкинский выпуск.

Книга Д. Гнамманку выдержала два издания подряд на французском языке и теперь вправе рассчитывать на радушный прием у нас в России. Работа молодого африканского ученого несомненно вызовет живой интерес, сопровождаемый, по всей вероятности, новой волной споров: и касательно места рождения героя (абиссинская традиция вряд ли одномоментно рухнет, даже несмотря на тщательную аргументированность центрально-африканской версии), и по поводу моральных качеств Абрама Ганнибала (безусловная авторская симпатия и уважение к своему герою имеют в данном случае весьма серьезные альтернативы, достаточно вспомнить контрастирующие по духу и интонации суждения В. В. Набокова, Н. И. Павленко и др.).

Отрадно, что Солнце нашей поэзии согревает Божией милостью не нас одних. Казалось бы, нет ничего удивительного в том, что о жизни знаменитого русского африканца, черного прадеда нашего любимого поэта, взялся поведать африканец, и все же… так и хочется, воскресив в памяти известные слова Ф. Достоевского, пофантазировать в праздничные пушкинские дни на тему *ответной* всемирной отзывчивости. Впрочем, такая ли уж она фантазия? Может быть, хрестоматийное «наше всё» и впрямь достойно ныне расширительного (по линии притяжательного местоимения) толкования. Если это хотя бы чуть-чуть так — лучшего подарка для многогрешной русской души к 200-летнему юбилею ее национального кумира придумать невозможно.

Через Пушкина много на свете волшебства. Не только творчество и биография, но даже и родословная поэта чудотворна. Иначе как объяснить почти родственную близость изысканного жирафа, что бродит «далеко, далеко, на озере Чад»,

и снежных хлопьев кружащейся над берегами Невы метели?

Андрей Петров

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Что нам известно об Абраме (Ибрагиме) Ганнибале? «Арап Петра Великого». Прадед Пушкина. Черен. Родом, кажется, из Абиссинии. Нраву жестокого. Страсти африканские. Кажется, генерал-аншеф. За что? За какие заслуги? Ведь знаменит вроде бы лишь потомком-поэтом…

Все совершенно иначе. Удивительный, необычайно благородный и порядочный человек. Блестящий военный инженер. Выдающийся математик. Хорошая семья. Многочисленное потомство: четверо сыновей и три дочери. Сам Абрам Петрович и двое сыновей его — Иван и Петр — много сделали для военной славы России…

«Черный барин» — так звала его дворня. Россия стала для него второй родиной, а он — ее верным сыном. Но каково пришлось ему в России, где и сейчас мы невольно оглядываемся на человека с другим цветом кожи, провожаем его глазами. В этом, конечно, нет расизма, однако неосознанное любопытство и удивление есть. А ведь в XVIII веке чернокожие были в диковинку даже в просвещенной Европе.

Читая письма, написанные Абрамом Ганнибалом в разное время, и документы, касающиеся его судьбы, невольно проникаешься симпатией и уважением к этому человеку. Судьба его сложна и причудлива. Абрам привезен был в Россию ребенком. Крестник Петра, его воспитанник и благодарный ученик, один из вернейших «птенцов гнезда Петрова»… Послан был Петром учиться во Францию. Несмотря на многочисленные тяготы, лишения и недоразумения, получил там блестящее математическое и военно-инженерное образование. По возвращении стал воспитателем и учителем Петра Алексеевича, государева внука. Автор учебника по геометрии и военно-инженерному делу. Сослан в Сибирь. Снова возвышен. Снова забыт. И вновь — признание неоценимых заслуг.

Тяжелые испытания выпали на его долю и в личной жизни: измена, клевета и поношение со стороны первой жены — красавицы-гречанки Евдокии Диопер — сопровождали его долгие годы. Бытует и сегодня мнение о жестоком, «африканском» характере Ганнибала. Известно, что бил он первую жену нещадно… И нам нетрудно поверить в это: все мы знаем другого африканца с необузданными страстями — венецианского мавра Отелло. Но так ли это? Прочитайте книгу. Оказывается, и любовь он обрел истинную, и семейное счастье со второй своей женой — шведкой Христиной-Регионой Шеберг. Не можем сказать: «Они

жили счастливо и умерли в один день». Но почти так: старый генерал Абрам Ганнибал пережил супругу менее чем на три месяца.

Предлагаемая читателю книга — первая полная биография Абрама Ганнибала. Что примечательно, она написана африканцем. Потому мы часто смотрим на героя книги с неожиданной стороны. Ее автор — Дьёдонне Гнамманку — небезызвестен в современной пушкинистике. В этой книге представлена новая гипотеза происхождения Ганнибала, которая, несомненно, вызовет интерес и в России. Конечно, через триста лет — примерно столько лет тому назад родился наш «арап» — трудно что бы то ни было доказать (архивы тех времен дошли до нас лишь фрагментарно). До сих пор в России общепринятой считалась версия абиссинского (эфиопского) происхождения прадеда Пушкина. Однако гипотеза Д. Гнамманку достаточно аргументированно опровергает ее.

Работая над переводом, мы позволили себе несколько расширить некоторые главы за счет документального материала. Дело в том, что в оригинале книги документы, касающиеся жизни героя, часто приведены в сокращенном переводе. Так что переводчикам пришлось провести некоторое время в библиотеках, чтобы найти оригинальные тексты этих документов… И не поднималась рука сокращать их или пересказывать, настолько характерны они и интересны для отечественного читателя, так ярко описывают эпоху и самого героя.

Мы чрезвычайно признательны за помощь в работе над переводом, консультации и ценные советы А. Б. Давидсону и А. И. Коваль. Особенную благодарность нужно выразить В. А. Плунгяну, который принял самое горячее участие в обсуждении рукописи.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Судьба Абрама Петровича Ганнибала — русского африканца — необычна. В России XVIII века, да и в других европейских странах того времени ни один выходец из Африки не добивался такого почета, такого высокого положения. Его характер сформировался под влиянием многих культур: африканской, турецко-исламской, католической, в ее французской, утонченной версии и, наконец, православной. Он был необыкновенно талантлив и стал единственным в Российской империи чернокожим генералом.

Однако не это стало главным в его необычной судьбе.

Главным стало то, что жизнь его оказалась тесно переплетена с судьбами двух славнейших личностей в российской истории: величайшего созидателя и величайшего разрушителя, великого поэта и великого Императора, русского Христа и русского Антихриста.

Он стал прадедом первого и крестником второго.

* * *

Даже если б в его жизни не случилось ничего более, помимо столь неожиданного скрещения судеб, его все равно знали бы и чтили в России. Петр Великий так же знаменит в России, как Людовик XIV или Наполеон во Франции. Все, кто окружал Петра, озарены его славой — а Ганнибал был не просто его крестником, но его воспитанником и товарищем по оружию.

При этом, если военная слава Петра I сравнима со славой Людовика XIV или Наполеона, то место, которое занимает Александр Пушкин в духовной жизни России не сравнимо с местом или, вернее, с чувством, которое испытывают англичане, французы, немцы по отношению к своим национальным поэтам и писателям — Шекспиру, Мольеру или Гёте соответственно.

По отношению к Пушкину в России сложился почти религиозный культ, и каждый, кто так или иначе причастен к его судьбе, уже по одному этому почитается почти как святой.

Если не понимать этого, трудно правильно осознать значение личности Абрама Петровича Ганнибала для русских. Но что же все-таки разрушил Петр I и создал Пушкин?

* * *

История Российского государства сурова. Так же, как и Францию или Германию, Россию сопровождали постоянные потрясения: войны с соседями, внутренние распри. Но она держалась. И не силой оружия — его всегда не хватало, да и было оно не лучше, чем у противника, — а силой духа. Силой, которая питалась глубокой верой народа в Бога и в Царя, помазанника Божия, бывшего символом Отечества.

Именно это взаимное доверие, которое поддерживалось между народом, царской властью и Церковью, на протяжении веков определяло специфику государства Российского. Церковь никогда не претендовала на управление мирскими делами, мирская же власть — по крайней мере до Петра — не вмешивалась в дела духовные. Несмотря на то что народу приходилось терпеть как от первой, так и от второй, он свято верил обеим и в минуту опасности поднимался на защиту от вражеских нашествий.

Традиционная эта гармония была подорвана на стыке XVII и XVIII столетий известными реформами Петра. Смысл их был не только в том, чтобы «догнать Европу», то есть направить экономическую и социальную жизнь России по пути ускоренного промышленного и торгового развития, но и в том, чтобы подавить Церковь и подчинить себе тела и души своих подданных.

Авторитет Церкви и, соответственно, духовная жизнь народа сильно от этого пострадали.

* * *

В годы ослабления Церкви и неистребимой жажды духовности русская литература приняла на себя защиту и утверждение фундаментальных христианских ценностей. Именно это придало ей то высокое духовное содержание, ту великую красоту, которые освещали ее дорогу, от Пушкина, Гоголя и Достоевского до Блока, Пастернака, Ахматовой и религиозных философов XX века.

Именно Пушкин первый встал на этот путь. В первую очередь это относится к творчеству. Но и ценою собственной жизни он подтвердил приверженность самым возвышенным принципам христианского гуманизма, чести и величия души.

* * *

Все, что касается жизни Пушкина, священно. Вот почему в России с таким интересом изучают его генеалогию, тем более столь необычную. Но по этой же причине имя прадеда Пушкина — Абрама Ганнибала — окружено легендами и поспешными «открытиями». Одна из таких легенд имеет отношение к мнимому эфиопскому происхождению Ганнибала. Появившись совершенно случайно, этот миф с удивительным упорством сопротивлялся фактам, он переходил из книги в книгу; ведь о Ганнибале написано в России немало!

Каким же фактам противостоит этот миф?

Их, по крайней мере, два: Ганнибал, по его собственным словам, родился в городе Логоне, или Лагоне, столице княжества, которым правил его отец. Город и одноименное княжество находятся, согласно картам XVIII века, в районе озера Чад. Нигде более в Африке не находим мы города с таким названием. Несмотря на такое прямое свидетельство, родину Ганнибала искали везде, но только не здесь. То в деревушке Лого в окрестностях Хамассена в Эритрее, то в другой деревушке по имени Лого, на берегу реки Мареб (Эритрея), путая эти топонимы с названием, которое сообщил сам Ганнибал.

Понадобился другой африканец, на этот раз славист, чтобы отбросить установившееся предвзятое мнение и, спокойно изучив карту своего родного континента, найти город и княжество Логон.

Город Логон стоит на берегу одноименной реки, которая на местном языке обозначается словом «лагане». Вот и еще один факт, который, по непонятным причинам, до сих пор не привлекал внимания. Ганнибал, в рассказе о своем похищении, вспоминал сестру по имени Лагань (!), которая бросилась в воду и долго плыла за кораблем, увозившим мальчика в рабство…

Дано ли его сестре имя Лагане в честь реки? Или, может быть, мы имеем дело с путаницей в воспоминаниях Ганнибала (имя сестры, слово «лагане», означающее «река», и название народа — лагане, или лагуане)? В любом случае нужно быть слепым, чтобы не обратить на это внимания!

Хочу добавить, что, прочитав рукопись, я не изменил ни слова в исследовательской работе, представленной молодым ученым Дьёдонне Гнамманку. Этого и не требовалось. Прочтите и рассудите сами.

Леонид Аринштейн,

Санкт-Петербург, апрель 1995 г.

* * *

Благодарности:

В первую очередь я хотел бы поблагодарить профессора Жан-Пьера Бенуа (INALCO), который подал мне идею написать эту книгу в октябре 1992 года.

В июле-августе 1993 года я побывал в Стамбуле и городах бывшего СССР для разысканий в архивах.

Эти поездки состоялись благодаря поддержке:

Ассоциации RICHE AFRIQUE, в особенности Катрин и Ксавье де Бэйзер, основателей Ассоциации.

Жиля Деланта, который путешествовал вместе со мной; именно благодаря его помощи я смог ознакомиться со многими документами по истории Османской империи.

Я также хочу выразить глубокую признательность

Марине Васиной за постоянную помощь и поддержку в процессе написания книги,

Кристофу Вонджи (ЮНЕСКО) и Франсуазе Балогун, которые прочли рукопись и высказали мне свои замечания и пожелания по улучшению книги,

Леониду Аринштейну, любезно согласившемуся написать предисловие к книге,

Дуду Дьену (ЮНЕСКО) за бесценную поддержку,

профессору Эликия М'Боколо за поддержку и внимание,

Ирине Юрьевой, которая помогла мне быстро получить разрешение российских издателей на воспроизведение иллюстраций.

Эта книга написана при поддержке ALESTE HOLDING Ltd.

Моим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В России, где память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала[1] известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию». Это слова Пушкина из примечания к первому изданию романа в стихах «Евгений Онегин».

В августе 1825 года, в одном из писем П. А. Осиповой Пушкин пишет: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда». Двоюродный дедушка — это Петр Абрамович Ганнибал. Ему уже исполнилось 83 года. И действительно, он умер не более чем через год. Но кем был его отец? Кого Пушкин называл своим прадедом?

От двоюродного дедушки поэт получил письменные документы. Они-то и вдохновили его начать в 1827 году исторический роман (который, к сожалению, так и остался незаконченным) о знаменитом своем прадеде. «Арап Петра Великого» стал первым русским историческим романом. Это также первый классический роман, написанный в России, в котором главным действующим лицом был африканец. Во многих стихах и поэмах Пушкин упоминает о своем африканском происхождении. Об африканской ветви своих предков он всегда говорит с гордостью: «…прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его, генерал-аншеф, отец Ганнибала, покорившего Наварин и проч… был негр, сын владетельного князька…»

Среди документов, полученных Пушкиным от Петра Ганнибала, была челобитная на имя императрицы Елизаветы, писанная самим прадедом. В этом письме содержатся важные сведения о его происхождении:

«Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатнаго дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города; в 706 году[2] выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву в дом блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и крещен в православную, Греческаго исповедания веру; а восприемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею высочайшею персоною; и от того времени был при Его Императорском Величестве неотлучно».

Приведенный документ имеет неоценимое значение. Ведь не будь его, невозможно было бы ответить на вопрос: кем был этот человек? Откуда он? Как оказался в России? Загадка происхождения тем самым была наполовину решена.

Трагическая смерть помешала Пушкину осуществить множество проектов, среди которых не последним было намерение написать полную биографию Абрама Ганнибала. Тем не менее он успел обессмертить имя своего предка в незаконченном романе «Арап Петра Великого», некоторые главы которого увидели свет еще при жизни поэта в 1829, 1830 и 1834 годах. В 1873 году русский историк Хмыров написал биографию Абрама Ганнибала.

Жизнь этого человека подобна настоящему авантюрному роману, а его вклад в развитие науки и в особенности военно-инженерного дела трудно переоценить. Более того, насколько нам известно, ни один африканец в Европе XVIII века не добивался таких почестей и такого высокого положения. Абрам Ганнибал был самым влиятельным и самым состоятельным африканцем в Европе эры Просвещения. И притом он оставался большим гуманистом.

Жертва работорговли, он был вывезен из родного княжества Логон в древнем Центральном Судане (на севере нынешнего государства Камерун) и продан в рабство в Стамбуле в 1703 году. Его привезли в Россию, где он стал крестником, а потом верным соратником царя-реформатора Петра Великого. Получив образование во французской военной школе и прожив несколько лет в Париже, он сделал головокружительную карьеру в России при императрице Елизавете Петровне. Он стал, пожалуй, русским Вобаном[3] той эпохи: генерал-аншеф императорской армии, глава инженерного управления и технический директор всех фортификационных работ… В 1726 году Ганнибал закончил основательный труд по геометрии и фортификации, предназначенный для обучения военных инженеров. Именно он ввел в России преподавание гражданской архитектуры в военно-инженерных школах.

После Хмырова многие русские авторы (М. Вегнер в 1937 году, Г. Леец в 1980-м, И. Фейнберг в 1983-м) брались за биографию того, кого историк и публицист Натан Эйдельман назвал «гениальным предком гениального поэта». В XIX и XX веках Абраму, или Ибрагиму Ганнибалу были посвящены десятки статей в прессе, русских биографических словарях и энциклопедиях. Однако вопрос о местонахождении его африканской родины оставался открытым. Версия «хамито-эфиопского» происхождения высказана Д. Анучиным в 1899 году.

Она получила наибольшее распространение, но все же вызывала сомнения среди ученых-пушкинистов, так как противоречила мнению самого поэта о его африканских корнях. Вот уже почти век версия Анучина является общепризнанной. А поскольку антрополог Анучин, полный расистских предрассудков, в 1899 году категорически утверждал, что эфиопы, или абиссинцы, несмотря на черный цвет кожи и кудрявые волосы, не принадлежат к негроидной расе, получалось, что Пушкин ошибался, считая деда своей матери негром! Но разыскания в Эфиопии так и не помогли ничего добавить к тому, что известно о детстве Абрама Ганнибала. Факт особенно важный: в Эфиопии не найдено города, называвшегося Логон (или Лагон), в котором родился черный предок Пушкина. Загадка осталась.

Сегодня она разрешена, причем в пользу мнения Пушкина. И книга эта может рассматриваться как первая полная биография Абрама Ганнибала, в том смысле, что африканская глава, отсутствовавшая в предыдущих версиях, в ней, наконец, присутствует. Тем самым возможна стала полная реконструкция долгой и бурной жизни знаменитого африканца, ставшего русским, который провел некоторое время в Турции, получил образование во Франции, прожил почти полвека с любимой и достойной уважения женой-шведкой и род которого подарил России двух генералов и величайшего поэта.

ГЛАВА 1.
ИЗ ЛОГОНА В СТАМБУЛ

Родом я… из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Лагоне…

А. Ганнибал, из прошения императрице Елизавете Петровне. Санкт-Петербург, 1742.

«Под небом Африки моей»

В Центральной Африке, на границе современных Чада и Камеруна, на берегу реки Логон (или Логоне) стоял живописный и хорошо укрепленный город. Жили в этом городе котоко[4]— народ, известный в истории Африки искусством сооружения крепостей и укреплений. Славились они и ремеслами, в частности изделиями из бронзы. Столицу свою называли Логон Бирни, что означает «крепость», «укрепленный город». По свидетельствам путешественников, которым довелось побывать здесь, Логон был необыкновенно красив. Итальянец Джиованни Ананья, посетивший эти места в XVI веке, упоминает Логон среди главных городов котоко[5]. В 1824 году английский офицер Денхем посещал Логон и был принят Миарре (князем) Салихом V. В 1852 году Генрих Барт, известный путешественник и исследователь Африки, «посещает Логон в правление Юсуфа… и, наконец, Нахтигаль, по пути в Багирми, был принят в этом городе Миарре Маруфом, сыном Юсуфа…»{1} Вот описание, составленное Бартом: «Мы вошли в столицу княжества Логон, которая называется Логон Бирни, или… Карнак Логон на языке канури[6]… чем дальше мы продвигались, тем красивее становился город… И меня особенно поразил грандиозный характер центральной улицы (дендаль), которая вела к дворцу султана на юг и на противоположной стороне — к дому Кегамма (ибалагуана)…

Моя комната находилась над палатами ибалагуана. Архитектура его превосходна, поражает своим великолепием. Дворцовый ансамбль состоит из множества флигелей, образующих прямоугольные дворики с большим количеством боковых строений. Над ними возвышались верхние этажи, в которых просторные залы переходят один в другой… Дворец султана — огромное здание, обнесенное стеной в 14 футов высотой… К моему великому удивлению, в первом дворе стояли две чугунные пушки… Я прошел через вереницу других, длинных и чистых дворов, а затем вошел во двор аудиенции, где и находился трон…»{2}

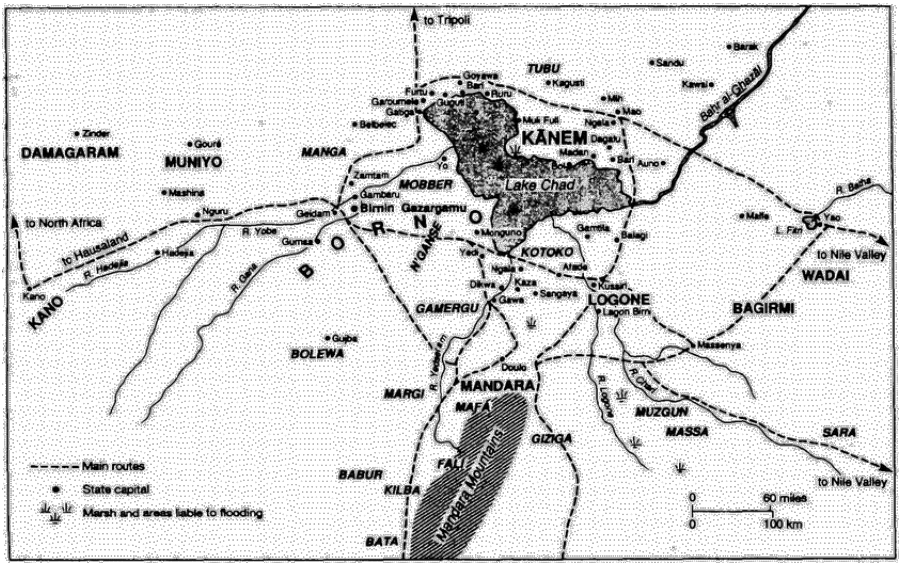
Итак, Логон являлся столицей одноименного княжества. В конце XVII — начале XVIII века в Логоне правил Миарре Бруха (Бруа?, Брува?). Его считают основателем города, потому, вероятно, что к 1700 году он его существенно перестроил{3}.[7] Это небольшое княжество стало в XIV веке политически независимым. В XVII и XVIII столетиях оно находилось в ленной зависимости от своего крупного соседа, могущественной империи

Борно. Некоторые историки считают, что Логон до XIX века был провинцией Борно.

Именно в этом городе в конце XVII века (вероятно, в 1696 году) и родился мальчик. Впоследствии он станет известен миру как Абрам Ганнибал. *«Родом я, нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города»*[8]— так пишет он в 1742 году. А поскольку именно Миарре Бруха правил в это время в Логоне, то надо полагать, что он и был отцом маленького Ибрагима. Существует романтическая история, бытовавшая среди его потомков и пересказанная самим Пушкиным, о сестре по имени Лагань{4}. Она бросилась в воду в отчаянной попытке догнать корабль, на котором похитители увозили брата. Итак, мы знаем только два слова родного языка маленького африканца: Логон и Лагань. Два эти слова и сейчас встречаются в языке жителей этого княжества. Имя местного племени — лагане (лагуане) — странным образом похоже и на имя сестры Ганнибала. Барт также упоминает в своем рассказе, что жители Логона называли реку Логон «Лагам на Логон». Одного из князей, потомков Миарре Бруа, звали Ана Логон{5}. Кроме того, Логон был портовым городом. Это подтверждает рассказ одного из сыновей Ганнибала: он утверждал, что отец его, сын князя, был вывезен (в 1703 году) из Африки по реке.

Известно, что у котоко, населявших берега реки Логон, было три крупных города — Гулфей, Куссери и Логон{6}. А Ганнибал как раз и говорил, что под властью отца находились два других города. Князь правил с помощью совета во главе с иба-лагуаном, или премьер-министром.

До конца XVIII века, то есть до принятая ислама частью княжеской семьи, жители Лагона придерживались традиционных верований. В большинстве же соседних государств уже не одно столетие исповедовали ислам. Это служило поводом для частых нападений на Лагон со стороны соседей-магометан. Они-то и уводили жителей в рабство{7}.



Княжество Логон и сопредельные земли в XVI-XVII вв.

Среди государств-соседей Борну и Багирми вели наиболее оживленную торговлю с Турцией. Борну считалось тогда четвертым по значению государством исламского мира. Одному из правителей, Али-Хаджи, в 1484 году было даровано в Мекке звание калифа. И даровал его сам Абд-аль-Азиз бен Якуб из династии Аббассидов. В 1555 году, после победы турок в Феццане, между Османской империей и Борну был подписан договор о торговле и сотрудничестве{8}. Государство Борну поставляло золото, благовония, изделия из кожи, слоновую кость и рабов в обмен на огнестрельное оружие, бумагу, европейские товары, а также рабов-европейцев. В XVII-XVIII веках главным источником африканских рабов и евнухов для Османского двора был, кроме территории нынешней Эфиопии, регион озера Чад. Еще один мусульманский сосед Лагона — султанат Багирми — считался в этот период крупным поставщиком евнухов.

В XVII-XVIII веках торговля рабами была весьма прибыльным делом, и ей занимались многочисленные государства центрального Судана. Жертвами подобной торговли были преимущественно неисламизированные народы, так как всякий «неверный» мог, независимо от происхождения и цвета кожи, быть продан в рабство. Но как отличить мусульманина от «неверного»?

Читаем в книге историка Каке: «На практике решение это было не так просто. После знаменитой победы марокканцев над войсками империи Сонгай (западный Судан) при Тондиби

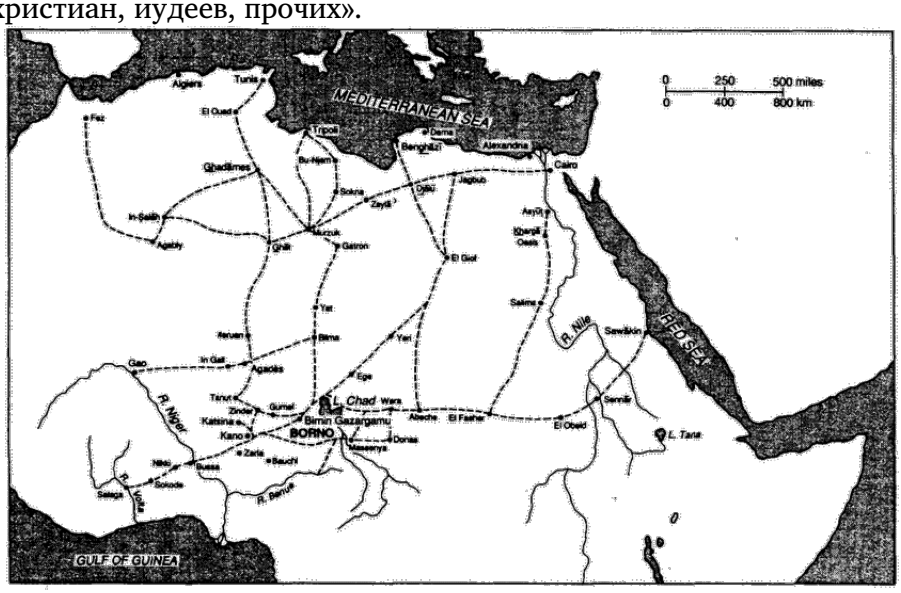
победители привели домой 40 верблюдов, груженных золотым песком, и 1200 пленных. Один из пленников, Ахмед Баба, знаменитый юрист, ставший впоследствии советником в Томбукту, именем ислама воззвал к султану и был вознагражден — султан освободил его.

В 1611 году Ахмед Баба принял посланцев из Туа. Они были в ужасе от бесконечных караванов с «черным товаром», следовавших транзитом через их оазис, и обратились к нему за советом…

Можно ли заниматься работорговлей, не обрекая тем душу свою на мучения? Те, кто занимался этим, прекрасно знали, что в Судане много мусульман; не следует ли задуматься над тем, что среди тех несчастных, что ты отрываешь от своего очага, есть и братья по вере?

На эти вопросы Ахмед Баба ответил в своем труде «Лестница для тех, которые потеряли свои права и стали рабами»[{9}].

Он утверждал, что суданца или просто африканца, «добровольно принявшего» ислам, нельзя продать в рабство: «Иная религия — вот то единственное, что позволяет обратить в рабство. Положение черных немусульман таково же, как и других: христиан, иудеев, прочих».



Торговые пути, связывавшие центральноафриканский регион с Северной Африкой и долиной реки Нил

Но не должен ли всякий чернокожий стать рабом — ведь он происходит из народа, на котором лежит «проклятие на род Ханаанов»?(Бытие, 9:20-27). Юрист отвечает на этот вопрос

однозначно: негра-мусульманина нельзя сделать рабом: «Напротив, всякий неверный может быть продан в рабство, если он отказывается принять ислам: независимо от того, принадлежит ли он роду ханаанову, или нет. С этой точки зрения нет разницы между расами»{10}.

«Рабство,- уточняет Ахмед Баба,- вполне законно. Это священная война против неверных, но вестись она должна по определенным правилам. Начинать надо с того, что потребовать от язычников принять ислам. Если они отказываются — предложите заплатить выкуп, и тогда они смогут сохранить свою религию. Только два выхода дано неверному. Если же он отвергает их, позволительно сделать его рабом»{11}.

В 1680—1707 годах султан Багирми Абд эль-Кадер часто нападал на Лагон и другие немусульманские поселения на берегах реки Логоне{12}. Как раз на это время и приходится рождение Абрама Ганнибала. Вполне вероятно, что в один из подобных набегов сын Миарре Бруа, равно как и другие жители города, был взят в плен и продан в рабство. В этом не было ничего удивительного. Торговые пути из Центрального Судана проходили через северо-африканские города. Бенгази и Триполи в Ливии являли собой огромные невольничьи рынки{13}.

Жертвами становились по большей части дети от семи до шестнадцати лет. Их меняли на лошадей, огнестрельное оружие и белых рабов, которых везли из тех стран Европы, что были под властью Турции. «…С XV века в продолжение четырех столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши[9] лишились от 3 до 5 миллионов жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство»,- пишет русский историк Керсновский. И далее: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь»{14}.

И вот жертва этой торговли живым товаром, дитя из Логона, семилетний мальчик вырван из родной почвы и в 1703 году привезен в Стамбул.

В Стамбуле

В Стамбуле лето 1703 года было ознаменовано бурными политическими событиями: восстанием янычар и отречением султана Мустафы II в пользу своего брата Ахмеда III. Сразу же по восшествии на престол последний потребовал дань с тех европейских стран, что были под властью Османской империи.

Дань — тысяча детей-рабов, которые должны были использоваться как в качестве прислуги при дворе, так и для службы в армии. Детей привезли в Стамбул, обратили в ислам и отдали в обучение: одних — прислуживать при дворе, других — учиться военному делу. Из последних формировали отряды янычар.

В турецкой армии и при дворе в Стамбуле, среди солдат, прислуги и евнухов, негры и арабы-африканцы не были редкостью — они исчислялись тысячами. Особенно это стало заметно в первой четверти XVIII века в османской армии. В то время из общего числа солдат турецкой армии (534 100 человек) почти пятую часть (103 тысячи) составляли чернокожие и другие африканцы из Египта.

В XVI—XVIII веках африканские негры не только прислуживали во дворце. Они становились также чиновниками. Из Африки, в особенности из Эфиопии и района озера Чад, везли не только евнухов, но и детей, которые впоследствии занимали различные государственные посты{15}. Так, в 1587 году негр по имени Кизлар Агази стал командиром дворцовых алебардщиков. Это очень высокий административный пост. В подчинении командира дворцовых алебардщиков находились многие высокопоставленные чиновники, среди них даже казначей, В его руках была и религиозная власть: он был попечителем мечетей и других богоугодных заведений Мекки и Медины. Только он мог говорить с султаном в любое время дня и ночи{16}…

Вполне вероятно, что именно приход к власти нового султана спровоцировал всплеск работорговли не только в Европе, но и в Африке.

В Стамбуле детей отбирали согласно физическим данным и характеру. Лучших, а также детей из знатных семей отправляли во дворцы Галаты, Эдирне и Манисы как дворцовую прислугу. Были созданы школы, в которых этих детей учили читать, писать и чтить законы ислама. Самые способные продолжали обучение: они изучали Коран, арабскую, турецкую, персидскую литературу, арифметику, каллиграфию, музыку. Юных рабов обучали и владению оружием, метанию копья, искусству боя, верховой езде

и т. д. Такое обучение длилось от двух до восьми лет{17}.

Вместе с другими детьми знатного происхождения сын логонского князя попал в сераль султана Ахмеда III. Он получил имя Ибрагим. Но недолго суждено ему жить в Стамбуле. Летом 1704 года, вместе с еще двумя негритятами, он будет тайно перекуплен купцом Саввой Лукичом Владиславичем-Рагузинским[10], который состоял тогда на службе России. Официально — для графа Толстого, русского посла в Стамбуле, и для главы посольского приказа Федора Головина. В письме графу Головину, отправленном из Стамбула 21 июля 1704 года, купец пишет: *«Настоящее писание до вашего превосходительства дойдет с слугою моим Андреем Георгиевым, которого я посылаю купно с тремя молодыми арапами. Сие есть двух вашему превосходительству, а третьего послу вашему, которых я купил не без большого бедства… Дай Бог, чтоб они во здравии и в целости дошли. Я чаю, что они вам приятны будут, для того что они зело черны и хороши суть, они не турки, не обрезаны суть. Ваше превосходительство может содержать тех, которые вам полюбяца, а третий послу да оставится, для того он сам за всякого деньги заплатил»*{18}.[11]

А вот и письмо Толстого своему начальнику:

«…Господин Сава Владиславич сказал мне, что милость твоя изволил ему приказать купить двух человек арапов. И по твоему, государя моего, повелению он, Сава, арапов двух человек купил и я их с его Савиным человеком отпустил к милости твоей, государя моего, чрез Мутьянскую (Молдавскую) *землю и дал им проезжей лист, чтоб им от Киева до Москвы давать подводы. А к господарям к мутьянскому и к волоскому* (валахскому) *и к господину стольнику мутьянскому писал я от себя с прошением, чтоб оных управили безопасно довесть до Киева. И надеюсь, что при помощи Божией до милости твоей, государя моего, оные довезены будут сохранно.*

А господин Савва отпущен от меня на одном бастименте (корабле) *в Азов…*

Петр Толстой,

челом бью

из Константинополя, июля в 22 день 1704-го»{19}.

Вывозить невольников из Стамбула в начале правления Ахмеда III было весьма опасно. Именно поэтому Савва Рагузинский счел кружной путь по суше более надежным, хотя морской, через Азов, который полностью контролировался турками, был короче[12]. И вот он отправил купленых негритят в сопровождении своих слуг из Стамбула в Москву. Было это в

августе 1704 года.

Прежде чем достичь границ Великороссии, они должны были проехать через Болгарию, Валахию и Украину. Путешествие длилось более двух недель…

ГЛАВА 2.
ЧЕРНЫЙ КРЕСТНИК БЕЛОГО ЦАРЯ

…Император Петр Великий в 1705 году… крестил… Африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина.

Надпись на мраморной плите в стене церкви Параскевы-Пятницы в Вильнюсе.

Ибрагим в Москве

13 ноября 1704 года Андрей Васильев и Константин Иванов прибыли в Москву с тремя арапчатами. Сразу же они явились в Посольский приказ, где были допрошены о происшествиях в дороге.

Когда двоих арапчат доставили в дом главы Посольского приказа графа Головина, государя не было в Москве. Вот что пишет переводчик Посольского приказа своему начальнику: *«…я из тех трех выбрал двух, которые лучше и искуснее, родных братьев, и отдал их… матушке вашей… А третьего, который поплошее, оставил Петру Андреевичу… Меньший, именем Аврам, крещен… а большой еще в бесурманстве»*{20}. Граф Головин был близок к государю. Потому, вернувшись в Москву 19 декабря 1704 года после побед при Дерпте и Нарве, Петр поселяется в доме графа. Здесь он впервые увидел арапчат.

Царь Петр был твердо убежден, что государство Российское не сможет развиваться нормально без образованного и сведущего в науках дворянства. Дело в том, что вплоть до конца XVII века школ на Руси практически не было. Те немногие из россиян, кто имел какое-то образование, получили его в Славяно-Греко-Латинской академии, где упор делался на изучении священных текстов. Петр же задумал открыть к 1700 году первые светские школы. Для этого он пригласил лучших иностранных преподавателей, например, английского профессора Андрея Фарварсона[13], которому поручено было открыть школу математики и навигации. Это было уже в 1701 году.

Но российские бояре, да и дворяне отказывались посылать своих детей в эти школы. Новые науки, которые молодой царь насаждает в России, «не для русского ума» — так полагали они. Отпрыски же их предпочитали, как и встарь, либо делать военную карьеру, либо спокойно жить в огромных родовых имениях. Этих молодых людей совершенно не привлекало изучение наук с какими-то диковинными названиями: география, геометрия, арифметика. И тогда Петр издает указ: всякий молодой боярин, с десяти лет и до поступления на военную службу, в течение пяти лет обучался бы грамматике, арифметике и геометрии. Правда, число учеников от этого не возросло. Скорее, наоборот. Учение настолько тяготило юношей, что многие из них убегали из школ, которые, к слову сказать, более походили на тюрьмы. Так, в Морской академии в каждом классе в дверях стояли отставные солдаты с розгами в руках, чтобы наводить порядок, буде в том надобность.

Петру приходилось лично вершить судьбы сыновей самых знатных российских вельмож. Стоит упомянуть в качестве примера отпрысков двух министров, а также сына графа Мусина-Пушкина, которые были отправлены обучаться наукам к отцам-иезуитам по личному распоряжению царя.

Почему же «по личному приказу царя и для самого царя» Головин должен был доставить арапчат? «Зачем же плелась эта стамбульская интрига? Почему царю Петру срочно понадобились темнокожие мальчики?» Ответим на этот вопрос, поставленный Н. Эйдельманом, его же собственными словами.

«Вообще, иметь придворного «арапа», негритенка, при многих европейских дворах считалось модным, экзотическим… Но Петр не только эффекта ради послал секретную инструкцию — добыть негритят «лучше и искуснее»: он хотел доказать, что и темнокожие «арапчата» к наукам и делам не менее способны, чем многие упрямые российские недоросли. Иначе говоря, тут была цель воспитательная: ведь негров в ту пору принято было считать дикими, и чванство белого колонизатора не знало границ. Царь Петр, как видим, ломает обычаи и предрассудки: ценит головы по способностям, руки — по умению, а не по цвету кожи…»{21}

Приведем также слова Г. Бахтина: «Петр Великий, отдавая достоинствам почесть, не предубеждался лицеприятием или пристрастием; низкого и высшего состояния люди, свои и чужестранные, в решении сем не имели у него перевеса: свидетельствуют и многие из низкого звания возведенные на высшие достоинства…»{22}

Заметим, что в это же время на службе у Петра находились еще трое чернокожих, принятых на службу в Амстердаме: один — художник, другой — корабельный мастер, третий — морской офицер{23}.

Итак, Петр приказал начальнику Посольского приказа Ф. Головину доставить ему арапчат. Тот переадресовал это поручение в Стамбул, русскому посланнику П. Толстому. Последний, в свою очередь, обратился к Савве Рагузинскому, который направлялся как раз в «Блистательную Порту» (так тогда называли Османскую империю). Савва закупал там хлопок, разные ткани и прочие товары для торговли в России. 30 января 1705 года, по возвращении, Савва Рагузинский был немедленно принят государем. Тот расспрашивал его о положении дел в Османской империи. Вероятно, был разговор и об арапчатах, привезенных купцом из Стамбула.

И вот Петр увидел арапчат. В императорских архивах мы находим запись о том, что 18 февраля 1705 года было выплачено более 15 рублей на пошив кафтана для арапа Абрама. Кроме того,

его начали сразу обучать русскому языку.

В феврале того же года Петр отправился в Воронеж, чтобы лично наблюдать за постройкой верфи. В течение двух месяцев он работает там не покладая рук вместе с графом Апраксиным.

В конце апреля царь собрался ехать из Москвы в Полоцк: там расквартированы на зиму гвардейские полки. Но помешала жестокая лихорадка. Три недели пришлось провести государю в постели. Среди ординарцев, которые находились при больном, упомянут и Абрам. С этих пор он в личном услужении у государя.

Многое говорит за то, что российский государь все больше привязывается к своему любимцу. Весной 1705 года он пригласил голландского художника Шхонебека, чтобы тот запечатлел его вместе с Абрамом; речь идет о редкой гравюре «Петр Великий и маленький арап». На этой аллегорической картине изображен Петр — победитель шведов, а рядом с ним негритенок. Это и есть первый портрет известного впоследствии Абрама Ганнибала. Было ему тогда всего 9 лет.

Решение крестить его — причем стать ему крестным отцом и дать свое имя (хотя Абрам уже был крещен по дороге из Стамбула) — также свидетельствует об особой привязанности царя к своему арапу. В дороге из Стамбула он получил имя Абрам, что соответствовало имени, полученному при обращении в ислам — Ибрагим. Однако повторное крещение было решено отложить — Петр ожидает случая, чтобы совершить этот обряд в наиболее торжественной обстановке. Арапчонку отныне приказано находиться при царе неотлучно. Летом 1705 года Абрам отправляется в Полоцк, а затем в Вильну в свите своего могучего покровителя. С тех пор они неразлучны. На протяжении всего царствования Петра не было, пожалуй, человека, жизнь и судьба которого были бы так переплетены с жизнью государя. Алексею, наследнику престола, которому, казалось бы, следовало продолжать дело Петра, отец был, напротив, совершенно чужд и непонятен. Что же касается Абрама, то он — истинный «птенец гнезда Петрова». Он, как мы убедимся впоследствии, будет всегда верен делу Петра, даже через полвека после его смерти. А тогда путешествие это стало одним из самых сильных впечатлений новой жизни — жизни в России.

В июле государя застало в Вильне известие о победе над шведами, одержанной генералом Боуром под Митавой. Сюда же доставлены военные трофеи. Организованы большие торжества, а 13 июля в церкви Параскевы-Пятницы служили благодарственный молебен по случаю одержанной победы. Присутствовали сам государь, военные, свита и многочисленные горожане. До наших дней мемориальная доска на этой церкви, установленная, правда,

значительно позже, гласит:

В сей церкви

Император Петр Великий

в 1705 году слушал

благодарственное молебствие

за одержанную победу

над войсками Карла XII,

подарил ей знамя,

отнятое в той победе

у шведов,

и крестил в ней

Африканца Ганнибала,

деда знаменитаго поэта нашего

А. С. Пушкина.

Итак, генерал Боур — не единственный виновник торжества в этот знаменательный день. В центре внимания оказался и наш арапчонок. Обряд крещения был не просто церковной формальностью. Другой, символический смысл имел этот акт: показать, что Абрам — не просто «арап» в свите монарха, как то было принято при дворе в Европе, но его духовный сын. Счастливым оказался сей союз: требовательный, заботливый отец — и послушный, любящий сын. Он знаменовал собой союз двух культур, двух народов, двух континентов, настоящее родство могущественного европейского монарха и маленького мальчика из самого сердца Африки. Ни Петр, ни кто-либо другой не могли и предполагать, что маленький арап положит начало роду, давшему России множество выдающихся личностей, а главное, величайшего поэта России.

Этот день, 13 июля, стал официальным днем рождения Абрама{24}. При крещении он получил новое имя — Петр, Петр Петрович Петров. Он счастлив, что стал крестным сыном столь прекрасного, молодого и могущественного государя. Однако просит, чтобы его и впредь называли Абрамом. Он не хочет терять имя, которое, видимо, напоминает ему имя, данное при рождении (Brouha?). И царь, к его великой радости, уступает. Таким образом маленький девятилетний мальчик, крестник царя, пытается сохранить то единственное, что связывает его с родной Африкой, родным городом Логоном, с матерью и отцом, с его

корнями.

Школа войны

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Пушкин, «Полтава».

18 августа 1700 года подписан мирный договор между Россией и Османской империей. А на следующий день Россия уже объявила войну Швеции, которой правил тогда молодой король Карл XII. В сущности, расчет Петра был прост: нельзя вести войну одновременно против двух могущественных держав. За отсутствием союзников было решено отложить войну с турками. Однако же и Швеция, обладавшая сильнейшей тогда в Европе армией, которую многие считали непобедимой, да и просто боялись, была не самым уступчивым противником. Шведы это хорошо доказали Петру в сражениях с русской армией.

Северная война — это противостояние двух великих держав: Швеции и России — гигантской страны, желавшей заявить о себе в Европе как о новой силе, с которой придется считаться. Примечательно, что юный африканец станет одним из непосредственных свидетелей, а позже и участником этой войны.

В ноябре 1700 года восьмитысячная шведская армия наголову разбила возле Нарвской крепости впятеро ее превосходящую (более 40 тысяч) русскую армию. Это катастрофа. Русские подавлены столь ужасающим исходом.

Но государь не падает духом. Он верит в силу русского народа, в то, что он сможет снова подняться на бой. Петр реорганизует армию. Это поражение только подстегивает его.

И вот начинаются первые, пусть незначительные, но победы. Уже через год, в декабре 1701 года, русская армия под водительством Шереметева одержала первую победу над шведами близ Эрестфера на ливонской границе. Петр тогда восклицает:

«Слава Богу, мы можем наконец бить шведов!»[25] Успех следовал за успехом. Граница у Нотебурга на берегах Ладоги и у Ниеншанца на Неве теперь в руках русских. 16 мая 1703 года Петр решил заложить в Ниеншанце (на месте первой русской морской победы) свою новую столицу — Санкт-Питербург. Заветная его мечта — открыть для России «окно в Европу» — начинает сбываться.

В то лето 1704 года, когда русский посол в Константинополе граф Толстой с помощью Рагузинского организовал тайную доставку трех негритят в Россию, Петр Первый берет реванш в борьбе с Карлом XII, королем Шведским. За победой русской армии под предводительством генерала Шереметева при Дерпте следует взятие Нарвы. Там, где за четыре года до этого шведы наголову разбили толпу плохо вооруженных людей, слабо представлявших себе, что такое искусство осады, теперь действовала организованная и хорошо вооруженная армия, в рядах которой имелись военные инженеры, выписанные, правда, из-за границы.

18 октября 1706 года ознаменовалось Калишской победой А. Д. Меншикова, который разбил оставленный Карлом XII в Речи Посполитой отряд из 7-8 тысяч шведов и 20 тысяч поляков.

Почти сразу же после крещения в Вильне Абрам Петров зачислен барабанщиком в один из лучших полков русской армии, в котором сам Петр служил в звании капитана, — в гвардейский Преображенский. Ему нет еще и десяти. Теперь он во всех военных кампаниях неотлучно следует за своим приемным отцом.

Первое боевое крещение Абрам принял в возрасте двенадцати лет. 30 августа 1708 года он был вместе с Петром, когда русское войско под командованием М.М. Голицына одержало победу над шеститысячным отрядом генерала Росса близ села Доброе.

Через месяц, 28 сентября, Абрам Петров участвует в походе двенадцатитысячного отряда, ведомого лично Петром. Русские нанесли тогда жестокое поражение вражеской армии численностью 16 тысяч человек, под предводительством генерала Левенгаупта близ деревни Лесная. Участие юного Абрама в этой баталии обессмертил французский художник Пьер Дени Мартен (1663-1742). До нас дошла копия этого полотна, сделанная Николя де Лармессеном (1684—1755). На картине Лармессена, посвященной сражению при Лесной, видим Петра I на коне во главе войска. Справа же внизу картины за лошадью Меншикова стоят четверо. Меж ними один чернокожий. У него на голове белый тюрбан. Это и есть барабанщик Преображенского полка Абрам Петров.

Быть полковым барабанщиком — не самое безопасное дело.

На войне враг не смотрит, кто ты есть. И притом барабанщик — такой же солдат, каких пало множество на полях сражений. Именно там, у Лесной, в дыму сражения и началась для Петрова крестника школа войны. В этом сражении было убито более тысячи и ранено более трех тысяч русских солдат. Здесь юному Абраму из Логона открылся весь ужас войны.

Вскоре Абрам опять участвует в грандиозном сражении — битве под Полтавой. Более семидесяти тысяч человек сошлись на поле боя. Вот как описывает это сражение в своей книге «Россия Петра Великого» Константин де Грюнвальд: «27 июля 1709 года произошла, наконец, встреча двух армий в сомкнутом строю. Пред стенами Полтавы, которую уже не раз осаждали шведы, стояли в боевом порядке пятьдесят пехотных батальонов, одиннадцать драгунских и казачьих полков под командованием Шереметева против строя войск Карла XII. Численного превосходства не было ни у одной из сторон: с каждой стороны в бой вступило примерно по 30 тысяч человек. Но в лагере шведов царило уныние. Надежды короля на помощь с Украины не оправдались; турки уклонялись от боя. Станислав Лещинский со своим войском также не прибыл на поле боя. Шведы были измотаны из-за долгого марша по опустошенной стране, а также из-за фланговых атак, предпринимавшихся Петром. И вот уже у них не просто мало пива и водки, а ощущается нехватка хлеба и боеприпасов. И, в довершение всего, Карла XII ранило в ногу вражеской пулей: он командует баталией, лежа на носилках.

Настроение же русских, напротив, превосходно. Армия располагает резервом в десять тысяч человек, которые пока не вступили в бой… Они научились делать то, о чем на Западе еще только говорили: воздвигать редуты[14], а решимость в их сердцах зажгли слова государя: «Пришел тот час, когда решаются судьбы Родины. О ней должны быть ваши помыслы, за нее вы должны сражаться… а что до Петра, знайте, он не дорожит своей жизнью, лишь бы Россия жила во славе и преуспеянии»{26}.

Под Полтавой русская армия окончательно разгромила шведов. Королю пришлось бежать в Турцию. День 27 июня стал для России днем великой победы. За девять лет Северной войны русская армия стала самой грозной в Европе. Петр счастлив и горд. Он торжественно поздравляет всех с победой — генералов, офицеров, солдат; он навещает раненых и обещает наградить всех. Рядом с ним Меншиков, который, во главе кавалерийских полков, сыграл весьма немаловажную роль в победе над шведским войском.

Через несколько дней Петр отправляется в Киев. С ним едет и Абрам, которому уже исполнилось тринадцать лет. Вместе с

государем он слушает речь Феофана Прокоповича в Софийском соборе. «Он [Прокопович] произнес такую поразительную речь, что Петр был тронут; он никогда в жизни ничего подобного не слыхал. Царь приказал напечатать это похвальное слово вместе с переводом его на латинский язык, чтобы во всей Европе его могли прочитать»{27}. Сохранилась картина с аллегорическим изображением императора, победителя турок при Азове и шведов под Полтавой, и чернокожего юноши. По всей вероятности, этот юноша и есть Абрам Петров, единственный африканец, который всегда сопровождал Петра[15].

Русская армия очень быстро освоила многое из того, что называют искусством войны. Мощь армии подтвердилась уже на следующий год. В 1710 году шведы потеряли Ригу и Пернов. Взятие Выборга и Кексгольма, расположенного на Ладоге, обеспечило защиту Петербурга. В сентябре того же года стал русским Ревель (нынешний Таллин). Среди плененных при взятии города шведов оказалась семья некоего капитана Матиуса Шеберга. Он позже вступит среди прочих в русскую армию. Но не потому нам интересен этот шведский офицер: четверть века спустя судьба сведет его с другим офицером русской армии — молодым арапом.

До конца Северной войны еще далеко. «Победа русских под Полтавой была для всей Европы громом среди ясного неба. Авторитет России неслыханно вырос. Некое равновесие, установившееся тогда в Европе, было нарушено: два внешних бастиона Франции, Швеция и Польша, разбиты. Теперь Россия диктовала правила игры в Северной Европе. Но последней надеждой «системы Ришелье» оставались враги Российского государства во главе с Карлом XII, которым сейчас стоило поторопиться и втянуть в войну Турцию»{28}.

20 ноября 1710 года Турция объявляет войну России. Посол граф Толстой заключен в Семибашенный замок в Стамбуле. Начался новый виток Северной войны. Теперь перевес оказался на стороне врага. Турецкая армия во главе с великим визирем Балтаджи-Пашой обладала подавляющим численным превосходством (более чем в 6 раз) над русской. Русская армия окружена на реке Прут. Теперь она полностью во власти великого визиря.

Русская армия совершенно беспомощна. Петр даже отправляет в Сенат свой, как он считает, последний указ, в котором приказывает в случае его пленения не считать его более императором и не верить указам, которые дойдут до России от имени пленного царя.

Но происходит чудо: начинаются переговоры. Причины

подобного великодушия великого визиря остаются загадкой: может быть, здесь сыграли свою роль великолепные дары, присланные Екатериной, ливонской супругой Петра[16], а может быть, янычары принудили Балтаджи-Пашу начать мирные переговоры.

Все эти драматические события оказали влияние на формирование личности юного Абрама. Военным наукам он был обучен наилучшим образом — на войне. В конце 1712 и начале 1713 года снова начались сражения со шведами. Уже в следующем году произошла чрезвычайно важная морская баталия у мыса Гангут.

В архивах, касающихся военных кампаний Петра 1714 года, находим упоминания о присутствии Абрама Петрова в свите: 31 мая 1714 года Абрам Петров поднимается на корабль с государем. На следующий день *«1-го [июня] Его Величество кушал на корабле, и был у Трубецкого на корабле Пернове и на Аглинском торговом корабле и были с Его Величеством: битка-поп, Трубецкой, Сибиряк, Абрам и Юров. 2-го Его Величество кушал на корабле и был на шняве Дацкой и на корабле Виктория у Князь Василья Долгорукаго и при Его Величестве: битка, Абрам, Шемякин»*{29}.

В это время как раз и происходят важные морские баталии. Абрам — уже восемнадцатилетний юноша. Он, по-видимому, находится при государевом штабе. 27 июля Абрам принимает участие в захвате десяти шведских галер и фрегата при Гангуtwe. Командующий шведским фрегатом Эреншильд после долгого, отчаянного сопротивления бросился в море. Его спасли и взяли в плен. Государь позже воздал ему почести за проявленную в бою храбрость. Этой победой молодой российский флот заявил свои права на господство на Балтике.

Из судовых записей капитана корабля Синявина мы узнаем, что несколько дней спустя по окончании этого сражения, «10 августа 1714 года, арап Абрам Петров прибыл в Ревель на русской бригантине». К сожалению, нам неизвестна цель этой поездки. Н. Малеванов считал, что Абраму было поручено сообщить городским властям новость о морской победе, одержанной при Гангуте. Это тем более вероятно, что Абрам пробыл в Ревеле лишь несколько часов. В тот же день он отправился обратно в Гельсингфорс.

На обратном пути в Петербург императорский фрегат попал ночью в жестокий шторм. Во всеобщей панике один лишь Петр ведал, что делать: он приказал капитану не рубить мачты, но стараться править по ветру; сам же с несколькими матросами прыгнул в шлюпку и, рискуя *жизнью, направился* к берегу. Борьба с течением, волнами и ветром была долгой и отчаянной, но они,

по счастью, достигли берега. Там разложили огромный костер, чтобы остальные суда смогли безопасно причалить. Несомненно, Абрам находился рядом со своим приемным отцом во время этих страшных событий. Однако это ужасное приключение не прошло для него бесследно — появилось стойкое отвращение к морским путешествиям: в течение двенадцати последующих лет он упорно отказывался подниматься на борт корабля.

Ординарец царя

…И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Пушкин, «Моя родословная»

Когда Абрам в 1705 году в Вильнюсе стал официально крестником российского императора, он не мог и предположить, что превратится в одного из наиболее близких царю людей. С 1705 по 1717 год, то есть в течение 12 лет, ему суждено жить в ритме, задаваемом его могущественным покровителем. Петр — человек невиданной энергии, единственная его забота — будущее страны, ее развитие и обновление. Это требует полной отдачи всех сил, физических и умственных, поглощает все время. Он очень быстро понял, что одному человеку такую гору не свернуть, и потому положил все силы, дабы следующее поколение выросло более сведущим в науках и ремеслах, более образованным, решительным и лишенным тех предрассудков, какие были свойственны тогда русским людям. Петр добьется своего: всего лишь спустя четверть века по всей России на смену уходящему поколению придут новые люди: молодые и образованные инженеры, интеллигенция. И среди них — его, юный чернокожий протеже Абрам Петров… Но прежде чем говорить об этих временах, проследим его жизненный путь при дворе.

Все говорит о том, что наш арапчонок очень быстро преодолел первое препятствие — освоил язык новой родины. Вскоре подружился с молодой знатью, «среди прочих, Орловым и Румянцевым», ординарцами императора, как уточняет Пушкин. Мы уже видели в предыдущей главе, что Абрам получил первые уроки военного искусства на полях сражений. И тот факт, что он был барабанщиком у бомбардиров самого престижного полка в русской армии — гвардейского, не помешал Петру, который лично командовал этим полком, назначить его своим камердинером.

Царь все более приближает к себе Абрама. Ему позволено спать в комнате, примыкающей к опочивальне императора (токарне). Иногда для него даже ставят кровать в той же комнате. Так было в Екатерининском парке в Ревеле, где специально для Петра выстроен домик. Государь останавливался там в 1714-1715 годах. «С лета 1714 года он [Петр] обычно останавливался в небольшом домике (ныне дом-музей Петра I), спешно

построенном весной того же года в Екатеринентальском (Кадриоргском) парке. В спальне этого дома и сейчас стоят две простые кровати; одна побольше под пологом служила постелью для Петра I, другая, поменьше (рама), предназначалась, вероятно, для камердинера. Надо полагать, что этим камердинером в 1714-1715 годах был питомец и любимец Петра Абрам Петров — в будущем генерал и обер-комендант города Ревеля Абрам Ганнибал»{30}.

Среди тех знатных молодых людей, что находились на службе у государя, Абрам Петров был для него, несомненно, на первом месте. Можно без преувеличения сказать, что Петр любил его как родного сына. Все свидетельства тех, кто состоял при даоре в первой четверти XVIII века подтверждают, что государь был очень привязан к арапчонку Абраму.

Очень показательна следующая история: «…Пушкин записал слышанный им анекдот об «арапе, относящийся как раз к этой поре и свидетельствующий о крайней простоте и короткости отношений… между ними: «Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! из меня кишка лезет». Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста!» — и выдернул глисту своими пальцами». Анекдот довольно не чист, — заключает поэт, — но рисует обычаи Петра»{31}.

Хотя Петр был весьма любезен с теми, кого уважал, он мог быть с ними и весьма груб (до жестокости), если их поведение казалось ему неподобающим. У него всегда имелась при себе трость, оставившая заметный след в русской истории. Мало кому из приближенных к государю, будь то министр или сенатор, боярин или генерал, даже посол другой державы, не пришлось испытать на своей шкуре эту государеву ласку. Даже Абрам не избегнул знаменитой палки, несмотря на свое безупречное поведение. «Хирург Лесток (впоследствии граф и тайный советник) и камергер Жонсон, заметив царского шута Тюринова, крепко спавшего на палубе, сыграли с ним следующую шутку: Тюринов носил длинную бороду, которую они накрепко присмолили к палубе. Проснувшись, шут завопил и разбудил царя. Петр вскочил взбешенный, схватил канат и бросился на крики. Первым попался на глаза царю Абрам Ганнибал и был отхлестан не на шутку. За обедом Лесток и Жонсон, глядя на несчастного Ганнибала, не могли удержаться от смеха. Петр узнал, чему они ухмыляются, сам расхохотался и сказал Арапу: «Я поколотил тебя напрасно; за то, если в чем-нибудь провинишься, напомни мне, чтобы тебя простить»{32}.

Абрам спал очень чутко. Его можно было разбудить в любой час ночи. Он всегда сохранял самообладание и был сразу готов к действию. Эти качества государь как раз и желал видеть в своих приближенных. Петр очень быстро понял, что Абрам — именно тот человек, который ему нужен. Даже во сне голова государя продолжала работать. У него вошло в привычку то и дело просыпаться среди ночи, дабы изложить на бумаге настигшую его мысль. Самые мудрые решения об управлении страной приходили как раз во сне. Само собой разумеется, возникла необходимость в таком ночном секретаре, который совершенно точно записывал бы государевы решения. Никто не мог справиться с подобным заданием.

Теперь Абрам стал исполнять обязанности ночного секретаря и ординарца. Вот рассказ об этом историка Ивана Голикова: «Сей Российский Ганнибал, между другими дарованиями, имел чрезвычайную чуткость, так что как бы он ни крепко спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал. Сия чуткость его была причиною, что Монарх сделал его своим камердинером и повелевал ночью ложиться или в самой своей спальне, или подле оныя.

Сей Ганнибал сам передал нам сей анекдот, рассказывая всегда оный со слезами, то есть, что не проходило ни одной ночи, в которую бы Монарх не разбудил его, а иногда и не один раз. Великий сей Государь, просыпаясь, кликал его: Арап! и сей тот же час ответствовал: чего изволите? — Подай огня и доску (то есть аспидную, которая с грифелем висела в головах Государевых). Он подавал оную, и Монарх пришедшее себе в мысль или сам записывал, или ему приказывал, и потом обыкновенно говорил: повесь и поди спи. Поутру же неусыпный и попечительнейший Государь обделывал сии свои мысли, или внеся оныя в записную свою книжку, отлагал исполнение оных до другого времени, смотря по важности дела»{33}.[17]

И вот постепенно Абрам становится доверенным лицом государя. В его обязанности входило среди прочего переписать начисто ночные записи и сразу после того, как документ подписан, доставить в соответствующую канцелярию. Уже в 1714 году государь посылает его с поручением в Ревель. Позднее ему доверяют и секретные поручения. Острота ума, обходительность, необычайная сметливость, сдержанность, умение хранить тайны, наконец, энергичность,- это как раз те качества, которые Петр ценил более всего в людях. Вся царская семья также полюбила маленького африканца, а особенно императрица Екатерина Алексеевна. Да и дети очень привязались к своему чернокожему «брату». Впоследствии мы увидим, что Абрам действительно

становится членом императорского семейства.

Казалось бы, при таком количестве поручений, которые дает Петр, ни на что не должно оставаться времени, но государь заботится и об образовании своего крестника. Абрама явно привлекают занятия математикой. Петр понимает это и поручает его лучшим профессорам, выписывает из-за границы новейшие учебники математики. Вот, например, «Арифметика» Виллема Бартенса, вышедшая в Амстердаме в 1708 году. На ней автограф: «Абрам Петров. Москва. 1711». Абрам очень бережно хранил эту книгу, и сейчас она находится в музее Ганнибала в селе Петровском. Заметим, что труд этот — на голландском; по-видимому, Абрам владел и этим языком.

Более всего император озабочен образованием своих подданных. Медленно, слишком медленно продвигаются дела в этом направлении. Петр постоянно ищет способы быстрейшего распространения наук в России. В 1711 он едет на воды в Карлсбад. Пользуясь случаем, посещает Дрезден, а также серебряные прииски под Фрайбургом. А 14 октября он направляется в Торгау на Эльбе, чтобы присутствовать при бракосочетании царевича Алексея с принцессой Шарлоттой. При этом счастливом событии присутствует также королева польская. Конечно же, Абрам — в царской свите… Там же в Торгау Петр встречается с Вильгельмом Лейбницем и обсуждает с ним пути и способы скорейшего распространения наук и искусств в России. Государю пришлись по душе советы ученого, и позднее он позовет его в Россию. За неоценимые заслуги Петр возведет Лейбница в ранг тайного советника и назначит ему пожизненную пенсию.

Как обучить подрастающее поколение, привить ему культуру — вот что постоянно занимает Петра. Сможет ли Россия стать современным государством, если подавляющее большинство населения остается в невежестве? «Петр был раздражен тем, что постоянно встречал людей необразованных и невежественных; он понимал, что невозможно бесконечно приглашать [из-за границы] для каждой надобности; по этой причине более всего заботился он об образовании народа. Начал со своей семьи: строго следил, чтобы дочери Анна и Елизавета изучали не только русский, но также французский и немецкий языки. Он посылал молодых людей обучаться за границей; также посылал туда и специалистов, чтобы те открыли бы что полезное имеется, научились бы тому и применяли на практике в России. Так было с горным инженером Татищевым: поручено ему наниматься на работу на различные немецкие рудники и обучаться профессиям по горнопромышленному делу»,- так пишет историк Чистяков в книге «История Петра Великого».

А что же наш Ганнибал? «…Как Великий Государь приметил в сем Абраме многие хорошие способности, которые могли приносить пользу отечеству, то колико ни нужен был ему такой камердинер, однако же он отлучил его от себя: он послал его во Францию для учения, главнейшее же, инженерству»{34}.

ГЛАВА 3.
ВО ФРАНЦИИ ЛЮДОВИКА XV

Денгы здес дают много знать…

А. Ганнибал, из письма Макарову, февраль 1722 г.

Дорога в Европу

В 1716 году Петр снова отправляется в Европу. Заботы о государевой библиотеке в пути поручены Абраму Петрову. Он следует в свите. Среди книг, ему препорученных,- «Киевский Синопсис» и «История Трои».

В первых числах декабря царь и его свита пересекают границу Голландии. 6 декабря они уже в Амстердаме. Спустя три дня Петр приказывает выплатить Абраму половину годового жалованья вперед. Жалованье составляло 100 рублей{35}— немалые деньги для того времени. А 11-го числа, ввиду близкого Рождества, по приказу Петра, сверх того ему выданы деньги на покупку новой одежды и обуви. Что, видимо, было сделано не зря, так как половина годового жалованья, то есть эквивалент пятидесяти рублей в голландских дукатах, получена только 15 января. В том же январе Петр, при посещении скульптора Иоганна Кальма, снова дал случай убедиться, что он не жалел денег на своего любимца: «…из расходных записей, которые велись во время… путешествия Петра в 1716—1717 годах, когда арап сопровождал его, оказывается, что Петр приказал сделать восковую персону арапа. Это стоило дорого… Так как именно в это самое время в одном из писем Петр сообщал из Голландии, что он набирает кунсткамеру и для того заказывает и покупает всякие раритеты, я думаю, что эти дорогостоящие восковые фигуры Петр заказал… для кунсткамеры… Но кунсткамера 5 декабря 1747 года горела и надо полагать, что не сохранилась и восковая персона арапа»{36}.

Находясь в Голландии, государь продолжает управлять внутренними делами России. Он постоянно посылает указы в Сенат, циркуляры российским генералам, встречается с теми молодыми россиянами, что проходят обучение в Голландии, лично экзаменует их и следит за теми, кому вверено их дальнейшее обучение. Петр поручает их лучшим профессорам Европы. Приказано также доставлять ему все книги, выходящие в России. Государь старается не пропустить ничего, что достойно внимания, но не известно в России. Он покупает картины, приобретает анатомический кабинет профессора Рауша и его коллекцию музейных редкостей.

24 марта 1717 года государь покидает Голландию и направляется во Францию. 2 апреля в Бельгии осматривает центральную колокольню города Антверпена. Абрам с ним. Петр поручает ему купить веревки для того, чтобы измерить высоту колокольни. 6 апреля в Брюсселе государев казначей возместил Абраму этот расход. На следующий день они уже в Брюгге, потом

— в Дюнкерке. Сундук, в котором едет государева библиотека, поистрепался —16 апреля Абраму выдано 10 рублей на его починку.

А вот и еще одно доказательство любви и доверия государя к своему африканскому крестнику: из обоза выделено шесть человек. Под началом Абрама им поручено обогнать обоз и прибыть в Париж раньше остальных. Императорские архивы сохранили имена троих из тех, что были тогда под началом государева адъютанта: Лакоста, Черкасов и Овсянников. Про остальных известно только, что они сержанты. Петр лично уведомляет их, что все расходы на питание и ночлег оплачиваются из казны. Через восемь дней, 26 апреля, проехав через Булонь, Монтрей, Абвиль, Бове и Бомон, они прибыли в Сен-Де-ни. В тот же день вечером нагнал их и государь со свитой. Вот описание прибытия Петра в Сен-Дени из «Новостей» за 1717 год: «Париж, 26 апреля. Его царское Величество с Божией помощью приехал сюда цел и невредим. Въезд Его Величества происходил следующим манером: в осьми милях от Парижа, в Сен-Дени, Его Величество был встречен французским маршалом де Тессе. Когда Его Величество въехал в Париж с последними вечерними лучами, было уже весьма темно»[37].

Франция Людовика XV

В Париже для Петра и его окружения были приготовлены роскошные апартаменты в старом Лувре, но государь отказался от них и предпочел более скромную обстановку. Русская делегация поселилась в отеле Ледигьер.

Оставим на минутку наших героев и обратимся к общей обстановке во Франции тех лет. Два года назад умер великий Людовик XIV. Ему наследует малолетний сын, Людовик XV, которому в 1717 году исполнилось семь лет. Король-Солнце, умирая, произнес, обращаясь к нему: «Дитя мое, Вы станете величайшим королем мира». По завещанию, наследник должен был получить трон только по достижении 14 лет. Пока же регентом назначен герцог Орлеанский.

На следующий день после приезда регент почтил Петра своим посещением. А 29-го числа — и сам юный король. «Объявляю Вам, — писал Петр царице, — что в прошлый понедельник визитировал меня здешний каролище, который пальца на два более Луки [карлика] нашева, дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому седмь лет». Именно этот визит и стал решающим в судьбе нашего героя: в свите короля находился герцог Дю Мен, законный сын Людовика XIV и принц крови, бывший тогда начальником всей французской артиллерии. Среди прочего он занимался и образованием наследника[18].

Ему-то царь и решил препоручить своего крестника, которого он собирался оставить во Франции как раз для обучения инженерным наукам и артиллерии. Вот как описывает это поворотное событие в своей жизни сам Абрам: *«Государь изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел. Того ради сей монарх, великий отец отечеству, изустно меня рекомендовать дюку Дюмену, принцу Домеру[19] и великому генералу фелтьцейхмейстеру Франции, сыну натуральному славного короля Людовика великаго…»*

Система военного образования во Франции считалась в те времена самой передовой в Европе. Это не удивительно: прошло всего два года со времени правления Людовика XIV, которое было ознаменовано военной славой полководцев Тюреня, Бервика, Виллара, Вандома, а также знаменитого Вобана, «лучшего инженера того времени»{38}. Абрама, получи он военное образование во Франции, ждала в России блестящая карьера военного инженера. Государь перед отъездом просто засыпал его

подарками:

14 мая государем потрачено более 30 дукатов на покупку нового платья для крестника;

23 мая куплена новая шляпа;

30 мая куплено сукна и парчи опять же для пополнения гардероба;

8 июня государь лично приказал выплатить Абраму 15 дукатов, то есть эквивалент второй половины его жалованья за наступивший год.

9 июня Петр призвал к себе Абрама и Алексея Юрова (последний оставался во Франции «для обучения гражданским и политическим наукам»[39]). *«Его императорское величество… по отъезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели мы будем моты или в тюрьму попадем, то б нам не иметь никакой от его величества для нашей выкупки. Потом изволил сказать: ежели мы будем прилежно учиться, также, чтоб иметь доброе житье, то я вас не оставлю»*[40]. Таковы последние наставления государя.

У государя были резоны так говорить с будущими студентами. Те рапорты, что он получал из-за границы о жизни российских «студентов», содержали в себе мало утешительного: «В Англии «русские навигаторы» — постоянная головная боль для царских посланников. Князь Салтыков, например, едва оказавшись в Лондоне, устроил шикарный банкет для проституток и завел себе любовницу, которая ему стоила втрое сверх его жалованья. Многие же другие были арестованы местными властями и посажены под замок за долги»[41].

А уж Париж того времени и подавно полон соблазнов: «По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени… Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен… Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пишу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями…»[42]. К сожалению, ничего конкретного о первых месяцах самостоятельной жизни Ганнибала сказать невозможно, так как до нас не дошло практически никаких документов. Можно, конечно, довериться красочному повествованию Пушкина: «…Все дамы желали видеть у себя le Negre du Czar и ловили его наперехват…»[43] Это повествование, видимо, относится как раз к

этому периоду его жизни. Верить ли ему — дело читателя. Известно лишь, что с первых же дней он нанимает частных учителей французского и математики — денег у Абрама пока хватало, а гардероб его отвечал самым высоким требованиям. Тратил он деньги, вероятно, очень разумно. Немало шло на книги, которые начал он покупать с первых же недель пребывания в Париже. Более того, Абрам так распорядился средствами, выданными ему на 1717 год, что хватило также и на два месяца безбедной жизни в следующем, хотя жалованье за 1718 год получено было далеко не сразу.

Но не все так уж хорошо и просто. На безоблачном небосводе парижской жизни вскоре стали сгущаться тучи. Абрам легко вошел в парижский свет благодаря естественному любопытству, которое он возбуждал при дворе. У всех перед глазами был недавний пример — негр Аниаба, которому Король-Солнце незадолго до смерти стал крестным отцом, а тут — тоже негр, тоже крестник христианского монарха, но из такой неведомой дали — из России. Главное же — Абраму покровительствовал герцог Дю Мен. Но уже месяц спустя после отъезда Петра, в июле 1717 года, герцог потерял все свое влияние. Он был обвинен в заговоре против регента и лишен титула принца крови.

Началась война между Италией и Испанией, в которую позже ввязалась и Франция. Она не минует и нашего героя. В довершение всего в марте 1718 года перед Абрамом замаячили финансовые трудности. Начался совсем другой период его жизни во Франции.

Письма домой

Благодаря изысканиям академика П. П. Пекарского и внучатой племянницы Абрама Петровича Анны Семеновны Ганнибал в нашем распоряжении имеются 12 писем Абрама из Парижа к самому Петру, а также к его кабинет-секретарю Макарову. По этим письмам складывается достаточно четкая картина житья-бытья друзей-студентов в период с 1718-го по 1722 год, да и общей обстановки во Франции тех лет. На страну как раз в это время обрушился тяжелый финансовый кризис. Это обстоятельство, конечно, не могло остаться без последствий для молодых людей из России.

Абрам и Алексей Юров, оказавшись без денег в чужой стране, естественно, решают обратиться к своему высокому покровителю с просьбой о помощи:

Всемилостивейший государь!

На что себя определили по желанию нашему, и мы оное управить с совершенным прилежанием, яко должность наша повелевает, вашему величеству обещаем, дабы могли удостоиться вашего милостивого покрову. Того ради, не имея никакой надежды, ниже какое заступление, опричь единого вашего величества призрения, молим всепокорнейше о призрении нашего убожества и определить нас своим государевым жалованьем, которым бы нам можно прожить здесь без долгов. Истинно, яко самому Богу, верно доносим, что в сих странах не можно прожить двуместами сорокью ефимками французскими[20] без всяких прихотей. Умилосердись, государь, не учини нас отчаянными исполнить и исполнять по желанию, по должности и по обещанию нашему к вашему величеству. Мы не посмеем определить сумму, но полагаемся на ваши царские и отеческие щедроты и на верное об нас доношение г. капитан поручика Конона Зотова[21]. И тако, ожидая оного призрения, пребываем вашего величества сыны и рабы пр-покорнейшие и вернейшие

> *Алексей Юров. Абрам. Из Парижа 5 д[ень] марта 1718 года*{44}.

Уже через неделю Абрам посылает новое письмо, только теперь уже не самому государю, а его кабинет-секретарю Макарову, с которым он в свое время был достаточно близко знаком. Вот что он пишет:

Мой премилостивый государь Алексей Васильевичу мой государь! Прошу вас, моего государя, нас чтоб не оставить в такой

бедности, и здесь приложить свое милосердие в прошении к его величеству об нас бедных презря все мое глупое, младые поступки к себе показанной и явить над нами свое милосердие отеческое, яко над детьми своими, чтоб нам не пропасть в нищете здешнем. Во истину, мой государь, не можем пропитатися определенными 240 ефимками французскими, и о чем писали его величеству, при том просим и ваше милосердие. При сем остаюся вам, моего государя, слуга.

Абрам. Париж 11 марта 1718 года[{45}].

Нет им ответа из России. Все говорит о том, что Петру было просто не до того. Как раз в это время достиг кульминации его конфликт с единственным сыном и наследником трона царевичем Алексеем. «Один строил новую Россию, призывая к действию всех энергичных людей, другой же с нежностью говорил об уходящей Московской Руси с ее ленивой, вяло текущей жизнью, с ее консерватизмом и нежеланием любых инноваций… Царевич вольно или невольно становится тем человеком, вокруг которого объединяются как раз люди недовольные происходящими преобразованиями. Желая того или нет, он становится их вождем. 14 июня 1718 года царевич Алексей заключен в Петропавловскую крепость»[{46}].

За этим последовали невеселые события, известные следствия и неизвестные причины которых мы сейчас не будем описывать. Так или иначе, но у государя, единственного человека, от которого зависела судьба «стипендии» для наших «студентов», просто не доходят до них руки. Так что Абрам и Алексей остаются как бы в подвешенном состоянии: ответа на их прошения нет.

Следующее письмо датировано октябрем. К этому времени, видимо, в финансовой стороне жизни наших «парижан» ничего так и не изменилось, и они снова берутся за перо. *«…На плечах ни кафтана, ни рубашки почитай нет, мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще…*[{47}]

До 1 ноября никакой ответной реакции, видимо, так и не последовало. И вот уже Алексей сам, один, пишет Макарову, практически полностью повторяя уже сказанное в предыдущих посланиях. Но каков стиль!

Всемилостивейший царь и государь!

Не здравый ищет врача, но болящий: как я уже конечно нахожуся внешно и внутренно скорбяща, не имеяй иного дохтора, ни лекарства, разве высокою вашего величества милостию исцелити бедность мою можете. Ей, всемилостивый государь, в крайней нищете уже есмь, и препятствует много бедность наша

вам угодное по желанию нашему исполнить, ибо вся науки за ничто здесь не даются, но всякая заплаты своей требует. Я никогда не забуду милостивого указу вашего величества, который при отъезде вашем из Парижа нам дан устно не так, как рабам, но как детям своим, дабы не попасться в тюрьму. Но я воистину сего боюся, не ради мотовства, ни гулянья, но ради бедности нашей скорей может статься, ибо милостиво определенным жалованьем вашего величества защитить себя двема стами ефимками французскими ни по которому образу не возможно.

Умилосердися, великий государь, над бедностью нашею по обыкновенной своей высокой милости, повели прибавить вашего государева жалованья! Призри, милостивый государь и отче, слезно вопиющих к тебе, которые не имеют иныя надежды, ни прибежища, ни заступника кроме вашего величества! Истинно, не гипокрицким образом простираем прошение, но слезным, а будем ожидать высокой нам милости вашего величества, всемилостивейшего нашего царя и государя всенижайший раб Алексей Юров.

Из Парижа ноября 1 дня 1718 года{48}.

Российские недоросли, попав за границу и получив деньги в собственное распоряжение, в большинстве своем и не думают учиться. Они, по примеру пресловутого Салтыкова, сразу все и проматывают. И при таких расходах, естественно, поминутно требуют еще и еще денег из казны. Вот Алексей и старается показать, что они-то с Абрамом как раз не такие, а деньги им действительно нужны, и именно на учение, а не на гулянки. По той же причине в своем первом письме они ссылаются на Конона Зотова. Тот прибыл как раз тогда во Францию, чтобы *«сыскать все, что ко флоту надлежит на море и в портах»,* а заодно и с инспекцией российских «студентов». В рапорте Макарову Зотов пишет, что *гардемарины русские,* изучающие морское дело во Франции, живут в страшной бедности, что *«надобно одноконечно им присылать по 300 ефимков в год хотя и из казны»*{49}*,* чтобы они могли вести жизнь достойную.

Когда, наконец, в том же ноябре русский посол передает им деньги за 1718 год, выясняется, что никакой прибавки они не получили. И тогда, как раз накануне Рождества, Абрам и Алексей снова берут перо и пишут к государю:

Всемилостивейший Царь Государь!

По многом нашем слезном вопле паки Ваше Величество трудить кровно принуждены о прибавке вашего Государева жалованья. Истинно, всемилостивейший Государь, мучимся совестию нашею, чтоб за такою нашею бедностию не упустить

времени; умилосердися, Всемилостивейший Государь, утверди высокою вашею Государевою милостию то, за что ухватились, дабы из рук не упустить. Мы видим, колико милион душ питаются милостивым призрением Вашего Величества и все радуются, как и мы оною милостию воспитанны; порадуй, Всемилостивейший Государь, истинно скорбящих, повели прибавить вашего Государева жалованья, а нам Сава Рагузинский здесь дает через своего кореспондента толко по 200 рублев, которыми не токмо пропитатися, ни от долгов себя защитить невозможно.

Всемилостивейший Государь Вашего Величества всенижайшие рабы Алексей Юров, Абрам

Декабрь 24, 1718 г. Из Парижа[{50}].

Снова и, как мы увидим, не в последний раз пересеклись пути Абрама и Саввы Рагузинского. Сейчас он — представитель Петра в Париже. Однако вот что пишет в Россию компаньон Абрама, Алексей Юров: *«…ныне денги переменилися и в цене поднялис и мы от определенного своего жалованья теряем по четыреста гульденов и на все цена прибавилас безмерная; прошу вас, моего милостиваго государя, приказать ко мне отписать, какими денгами изволите платить за нас Саве Рагузинскому: ежели рублями за ефимок, то бы нам всякой ефимок был по четыре ливра и по пяти копеек или слишком, а он нам дает по три ливра за ефимок, также и к Саве прошу отписать о сем; а я чаю, что Царское Величество приказал нам определить ефимками Галанскими, а не французскими малыми…»*[{51}].

Как видим, картина, изображенная в этих документах, весьма отличается от той, что описывает Пушкин. Так что же наши друзья? Желаемой прибавки они, как явствует из письма, так и не получили. Сразу возник ряд вопросов, которые бы разрешились сами собой, будь у них деньги: как платить преподавателям? Согласятся ли те продолжать учить в долг? На что жить?

Надо, однако же, отметить, что не им одним приходится искать ответы на подобные вопросы. Вот выдержка из рапорта Конона Зотова. Хотя этот рапорт годичной давности, но общая ситуация, видится нам, за это время особых изменений не претерпела: *«Приняли их в гардемарины весьма ласково и охотно, только прискорбна душа моя даже до смерти, смотря на их нищету… Для чести государевой, я от всей ревности роздал парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги. Желал бы сам быть палачем и четвертовать того, который на смех вас обнадеживал, что здесь гардемаринам хорошее жалованье и мундир и квартиры. На день им идет по 12 коп. только, и больше нет ни мундиру, ни квартир. Так*

мне прискорбно, что легче было бы видеть смерть перед глазами моими, нежели срамоту такую нашему отечеству, и лучше бы их перебить, что поросят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить. Многие хотят в холопы идти, только я их стращаю жестоким наказанием, истинно против своей совести, ибо знаю, что худо умирать с голоду…»{52}. Как видим, есть выход: «идти в холопы» в богатые французские дома. Но как быть тогда с учебой? Да и не приветствуется это. Ну что ж, у Абрама — другая дорога.

Франция в тот год объявила войну Испании, которая нарушила Утрехтский договор и напала на Италию. Англия, союзник Франции, тоже вступила в войну, и летом 1718 года испанская флотилия была разбита англичанами под командованием адмирала Бинга[22].

Абрам постоянно в курсе всех происходящих на фронтах событий. Ведь парижская пресса только этим и полна. Он решил воспользоваться подобным поворотом событий и *оную оказию профитовал.* Наш Абрам вступает добровольцем в боевые части французской армии. Вот как описывает эти события историк М. Д. Хмыров: «…С наступлением 1719 года Испания и Франция объявили войну одна другой, маршал Бервик повел французскую армию к границам испанским — и Ганнибал, вступивший в ряды этой армии инженерным учеником, участвовал при взятии французами Фонтарабии и Сансебастиана, был ранен в «подземной войне» (в траншеях) и, за отличие, награжден чином инженер-поручика».

Для него, принявшего в юном возрасте боевое крещение на полях сражений Северной войны, смертельная опасность была не внове. Потому вполне логично, что он поступил именно так. Напомним, что он *«…был при всех тех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, а именно: под Добриным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве»*{53}. По своей должности он, вероятно, не участвовал непосредственно в рукопашной, но «скорее всего находился в штаб-квартире (шатре) Петра». Однако «Петр обычно располагался как можно ближе к неприятелю, потому штаб-квартира в ходе сражения бывала в сфере досягаемости артиллерийского огня противника. Таким образом, и «Арап Петра» подвергался непосредственной опасности. Такое «присутствие» учитывалось по правилам прохождения военной службы как участие в военных действиях…»{54}.

Что же нового дала ему эта война кроме шрама?

Получить диплом военного инженера было в то время не так-то просто. Желающих подвергали очень строгому отбору. Вот что

мы узнаем о системе приема кандидатов в инженерный корпус из труда видного специалиста по военной истории Франции Анны Блашар: «Те юноши, которые желали стать инженерами… должны были продемонстрировать не только обширные технические знания, но и общую образованность… они держали публичный экзамен… не только по геометрии и геодезии, но также и по другим, не менее необходимым наукам, таким, как тригонометрия, механика, арифметика, география, строительное искусство и даже рисунок»{55}. Количество мест в инженерном корпусе Франции было строго лимитировано, и в период с 1716 по 1739 год в среднем лишь одному из трех кандидатов удавалось получить заветное место. Более того, в 1717—1718 годах французские власти «не считали нужным увеличивать… число военных инженеров».

Мы знаем, что Абрам не терял времени. Разве зря он платил лучшим профессорам и два года обучался всему тому, что нужно знать кандидату в инженеры? Но даже и для того, кто знал достаточно, чтобы выдержать этот экзамен, существовало еще одно условие: «Обширные знания в области математики и техники — это не все, что требовалось от кандидата… Одним из веских оснований для приема, согласно правилам, является ходатайство какого-нибудь влиятельного лица. Большинство из них имеет рекомендации из высшего света: одни — графа Тулузского, другие — вдовствующей княгини де Конти, третьи — сами дети офицеров королевской гвардии»{56}. У Абрама с этим возникли проблемы. Как мы уже знаем, герцог Дю Мен, который имел большое влияние при дворе и которому Петр препоручил крестника, еще в 1717 году впал в немилость. Так что теперь Абраму не приходится рассчитывать на ходатайство генерал-фельдцейхмейстера.

Как раз в это время под высочайшим покровительством самого Людовика XV в Лафере создается новая высшая военно-инженерная школа (Ecole de l'Artillerie). Идея этой объединенной школы, где вместе обучаются артиллеристы и военные инженеры, принадлежит Вобану. Путь иностранцам в нее, правда, заказан. Однако Абрам имеет право добиваться приема, поскольку в расчет принимаются его военные заслуги перед Францией, героизм, проявленный в боях, и заслуженный им чин инженер-лейтенанта французской армии. Вот как сам Абрам три года спустя описывает обстоятельства поступления в школу: *«…прошу донести Цесарскому Величеству, что я был в службе здес порутчиком инженерским, в котором полку я служил полтора года учеником. Понеже сделали здес школу новую для молодых инженеров в 1720 году, в которую школу не принимали*

иностранных, кроме тех, которые примут службу французскую, но я надеялся, что не будет противно Его Величеству, что я принял службу для лутчего учение»{57}.

В школе Артиллерии в Лафере

Новая школа, открытая под высочайшим покровительством короля, стала первой военной школой, дававшей диплом военного инженера. «Она самая старая из всех, что существовали во Франции. Она воспитала многие поколения выдающихся офицеров, среди которых такие имена, как Вальер, Грибовель, Друо; среди ее воспитанников-иностранцев — Джордж Эллиот, английский генерал, который героически защищал Гибралтар в 1782 году. Занятия сначала велись в здании, примыкавшем к арсеналу (построен герцогом де Мазреном в 1666 году), а позже и в самой городской крепости, когда последняя была приобретена в собственность казны. Открытие школы повлекло за собой необходимость постройки казарм». Но «работы, начатые в 1720 году, позже приостановлены из-за нехватки денег…»[23]. В итоге горожане и даже мэр города были вынуждены приютить учеников новой школы в своих семьях. Логично предположить, что Абрам, первый офицер-африканец, вышедший из дверей этой школы, жил в одной из лаферских семей более двух лет.

В результате по окончании учебы Абрам получил великолепное образование. Ведь среди преподавателей школы были лучшие люди эпохи, например, Бернар Форе де Белидор, автор нашумевшего труда «Краткий курс фортификации и гидравлики» (Париж, 1720). Звание профессора новой школы Бернару де Белидору присвоил сам герцог Орлеанский. Этот факт свидетельствует о том, что самые значительные люди королевства заботились об уровне научного и технического образования учеников школы.

Из писем Абрама того времени можно получить представление о том, как было организовано обучение будущих инженеров. Первые два года — теория: ученики слушали лекции по математике, фортификации, артиллерии и т. д. На последнем году обучения были запланированы и практические занятия. Они состояли в разработке и испытании снарядов и мин, на специальных полигонах будущих офицеров обучали правильно организовывать осаду и строить укрепления, чтобы ей противостоять.

И все бы хорошо, учиться бы нашему герою да учиться, но вот, в начале 1722 года, его вызывает в Париж русский посол князь Долгорукий и зачитывает ему царский указ о том, что все россияне, проходящие обучение во Франции, должны вернуться домой. Перед молодым человеком сразу встают две проблемы. Первая — программа обучения еще не закончена, осталась как раз

практическая часть. Вторая — в указе сказано, что «студенты» должны вернуться морем. Абрам проявляет неожиданную твердость в своем нежелании пускаться в плавание. Каковы же причины подобной водобоязни? Думается, его так впечатлили морские приключения на Балтике в 1714 году. Тогда, после битвы при Гангуте, он чуть не погиб вместе со своим крестным отцом во время страшного шторма. И вот он пишет подряд два письма кабинет-министру Макарову:

Париж 5 февр. 1722 г.

Государь мой милостивый,

Светлейший князь объявил всем здес указ Его Императорского Величества, дабы нам ехат на весну в Питербурх. Но я готов исполнять волю Его Величества, токмо прошу вас, моего государя, доложить Императорскому Величеству, что я не морской человечик; вы сами, мой государь, изволите ведать, как я был на море храбр, а ноне пуще отвык. Моя смерть будет, ежели не покажут надо мною милосердие Божеское, понеже светлейи князь сказал, что морем ехат всем. Ежели Императорское Величество ничего не пожалует, чем бы нам доехат в Питербурх сухим путем, то рад и готов пешком итти.

P.S….и ежели Его Величество повелит мне пребыть сей год для учение, понеже мы зделали сами без мастеров город для учение атаков разных, также и для подкопов.

Ежели вы разсудите за благо сие мое прошение, чтоб меня оставит на год здес, также, чтоб не противно было Его Величеству, то прошу вас, моего милостиваго государя и отца, чтобы доложить. Ежели вы призрите, что будет противно Его Величеству мое прошение, то не изволте упоминать: я готов ехать с тем, что могу знать и что учил, токмо прошу вас Христа ради и Богородицы, чтоб морем не ехат.

О школе, о котором я вам доносил, — и она не здес, около Парижа, — токмо сто миль в ростояни от Парижа. Ш ко мне писали, чтоб приехат в Париж, — и я сегодня приехал.

Светлейши князь указ обявил, чтоб ехат в Питербурх; я чаю, что его светлость писаль к двору об моем прошении, чтоб меня оставит на год здес. Ежели вы предвидите, что сие будет противно Императорскому Величеству, вы меня поволите по своей оттеческо милосердие меня охранить от гневу Его Величества и чтоб не упоминать ничего об моем прошени, что я просил, чтоб здес остатся.

Мой милостивый государь батюшка Алексей Василевич, хотя ваш всепослушны единую строчку прикажи отписат и верны слуга Абрам сюда х кому изволите, что будет обо мне указ и чтоб мне не упоздать от других[{58}].

Париж 16 февр. 1722 г.

Мой Милостивый Государь

Алексей Васильевич. Доношу вам, моему государю, что Его Светлость княз Долгоруки мне указ Его Императорского Величества обявил, чтоб мне ехат в Питербурх в нынешнею весну и чтоб морем ехат, а не сухим путем. Изволте разсудить, Мой Милостивый Государь, какой я человек морской, — истенно не могу, хотя моя мука в сем была известна, но ныне и пуще отвык, нежели в то время. Того для прошу вас, моего государя, доложить Его Императорскому Величеству, чтоб повелел мне хотя малое что на приезд пожаловал, чем бы мне можно доехать в Питербурх, изволте ведать, что истенно, мой государь, лучте я пешком пойду, нежели морем ехат, и ослушным себя противу указу Его Императорского Величества показать не могу, такожде прошу вас, моего милостивого государя, Его Императорскому Величеству донести, что я в службе уже от 1720-го году был волентиром инженерским, а ныне порутчиком и то прошедшее время учился я токмо теори и практике ничего не имел, а службу того ради принял, понеже Его Королевское Величество указал зделать школу для молодых инженеров в 1720 году, и я оную оказию профитовал, понеже в оную школу не принимали иностранных, кроме разве кто службу принят хотел во Франци, и я того ради сие сделал, дабы мне лучте было обучится.

Ежели Его Императорское Величество повелит мне еще пребыть здес нынешной год, чтоб мне видет хотя малую практику, понеже в оной школе инженерской нарочно зделали город земленой, которому будем в нынешнем году приступ делать, шанцы вести, подкопы копать и протчае, что из практике надлежит знат. Прошу вас, моего государя, приказеть мне отповед дат, чтобы мне время не утратить, живучи здесь, понеже я приехал в Париж из моего гарнизона, который от Парижа 100 мил ра-стояния. Ежели Его Величество мне повелит еще учится нонешной год для окончания оной практике и как скоро получу от вас, моего государя, ответ, тогда поеду в Питербурх или опять в гарнизон, где был.

И ежели же вы изволите сие мое малое прошение за благо разсмотретъ, то прошу вас, моего милостиваго государя, надо мною милость показат, Его Величеству об моем сим намерении представить, чтоб мне еще год здес остатся для оной практике, а буде вы сие усмотрите, что Его Императорского Величества намерение конечное, чтоб я ехал в Питербурх, то прошу вас, Моего Милостивого Государя, о сем не докладоват, понеже я поеду с тем, что знаю, толко ежели возможно о денгах доложит, чем бы мне сухим путем доехат и дорогой питатся, и я надеюся, что Его

Величество по своему отеческому милосердию меня не оставит. И у меня надежды никакой боле нет, кроме Бога и Его Величества, а учение мое и житие всем руским здес известно и особливо ведает господин Зотов и Туволков, когда они были в Париже, то во истенно, что я никуда по неделе и по две с двора моего не выходил и старался об учении моем, как возмог, и чего не мог выучить, истенно не от нерадения моего, но токмо разве за недостатком моего разума, а более за денгами: денги здес дают много знат.

Мой Милостивый Государь, ваш всепокорный слуга Абрам[{59}].

Содержание писем, как видим, почти полностью совпадает (было написано еще и третье письмо — *«чтобы почаще вам напомнить»,* но его содержание в точности идентично второму). То ли Абрам не надеялся на почту, то ли считал, что не дойдет его письмо до самого Макарова, осядет в канцелярии. Быть может, полагал: если повторять много раз, то будет понятней… Так или иначе видны две основные мысли: нежелание ехать морским путем и стремление доучиться до конца — и Ганнибал всеми способами старается донести их до далекого Петербурга. И непонятно, в какой последовательности.

Князь Долгорукий, русский посол во Франции, разделяет точку прения Абрама и пишет Макарову нижеследующее: *«… Прежде всего, изволил ты писать, чтоб разного народа, которые присланы сюда для разных наук, отправить в отечество. Я о том мыслил и за потребно рассудил мнение мое донести, которые здесь учатца теологии, я мню напрасно только от них убыток, который от начала до ныне понесен: той науке могли бы выучитца и в России, не вывозя денег в здешние край и, конечно, подлежит их весною отправить… Которые учатца другим наукам, держав их столько лет в здешних краях и понещи убыток, а выслать их недоучас, опе будут ни ученики, ни мастери, только напрасно пропадет убыток, от них понесен, того для не повелит Его Императорское Величество дать им время те их науки здесь окончать, как Аврам мне сказал, что ему нужно от сего времени еще год жить, чтоб гораздо видеть практику»*[{60}].

Абрам добивается своего. Получено высочайшее соизволение остаться до конца обучения, то есть еще на год. Домой же он вернется по суше, с обозом князя Долгорукого, в январе 1723 года.

Жертва реформ Ло

С началом 1722 года положение российских школяров во Франции становится еще хуже. Целая волна писем с прошениями о деньгах снова хлынула в Петербург. За март только Абрам пишет три (!) таких письма. В них, среди прочего, говорится, что *«мы здесь все в долгу не от мотовства, но от бумажных денгах».*

Что же случилось во Франции? А вот что: финансовые реформы, которые, в частности, заключались в введении в обращение бумажных денег, проводимые новым министром финансов, шотландцем по происхождению, Джоном Ло, вызвали серьезный финансовый кризис. Ситуация начала ухудшаться уже в 1720 году, но к описываемому времени кризис достиг апогея.

«…Растут цены. Начинает показывать зубы инфляция. Цены на хлеб, яйца, мясо достигли рекордных показателей. Ло затянуло в порочный круг: заморозить цены — встанет вся торговля; ограничить оборот наличности — придется пользоваться бумажными деньгами; повысить зарплаты — надо печатать новые деньги. Это инфляция…

Государственный банк на осадном положении. Наличные выплаты сначала ограничены, а потом и вовсе прекращены. Это не могло не привести к беспорядкам. В эдикте, опубликованном 21 мая 1720 года, объявляется о девальвации вполовину наличных денег и ценных бумаг до 1 сентября следующего года. Это, конечно же, вызвало панику. Рухнула вся система.

А Париж, где все, как говорят, становится сюжетом песни, вовсю распевал новейшую песенку:

> Неделя Джона Ло:
> В понедельник я акций купил,
> Во вторник «лимон» получил,
> В среду я экипаж приобрел,
> В четверг хозяйство в порядок привел,
> В пятницу — на балу,
> А в субботу — все в трубу.
> Вот лежу теперь в больнице,
> Чем бы мне развеселиться?»[{61}]

Вся Франция в мгновение ока оказалась в нищете. Наши студенты — не исключение. Вот свидетельство юного офицера французской армии Абрама Петрова (из письма Макарову от 5 марта 1722 года): «… *мы здесь все в долгу не от мотовства, но от*

бумажных денгах, о чем вы, я чаю, известны через графа Мусина-Пушкина, какое здес житие было здешними денгами и ежели здес не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня по своей милости не оставил, что обедал и уженал при нем все дни. Которые жалованья получили от вас, нам выдали здес бумагами, которые ни во что пропали, болтая част еще у меня остались, что ни во что ни годятся. Для уверение я к вам привезу, ежели Бог позволит…». И далее: *«…Я надеюся, что Его Императорское Величество оставить меня не прикажет, понеже по отезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели мы будем моты или в тюрму попадем, то бы нам не иметь никакого милости от Его Величества для наше выкупки, потом изволил сказать, ежели мы будем прилежно учится, также чтоб иметь доброе житие, то я вас не оставлю ее. И я вам, мой государь, доношу, что всем русским известно, какое я имел старание к моей учени: искал всякое оказие, где бы можно лутче учится, также и принял службу, чтоб лутче знать мое дело, где не принимали никого иностранных, кроме тех, которые службу примут во Франции…»*{62}.

Чтобы показать всю несправедливость такого к нему отношения, Абрам в том же письме Макарову спрашивает последнего: *«…то ли я выслужил, живучи при Его Величестве 17 лет, выгоняют отсюда, как собак, без денег…»*{63}. И всех российских студентов *«истенно бумажные денги французские умарили с голоду, что поят и кормят в долг»,* поскольку деньги, которыми им было выплачено жалованье за 1721 год, обесценились и вышли из оборота. И еще раз в том же письме Абрам повторяет свое обещание: *«Ежели не верите, то я вам привезу половину жалованья, которое вы изволили прислать на 1721 год».*

В следующем письме (от 24 марта) он просит государя приказать Долгорукому взять его расходы до возвращения в Россию на себя, так как, добавляет он, *«я не хочу делать как Мичурин и Лачинский в Англии».* Он также объясняет Макарову, что у него еще на 250 рублей долгу осталось.

11 апреля он получает из императорской канцелярии 400 рублей. Его сотоварищи по несчастью, Юров, Резанов и Коровин, также получают деньги из России. Теперь Абрам может вернуться в Лафер и закончить обучение.

Несколько месяцев спустя, 16 октября того же года, государь лично отреагировал на письма бедных студентов. В это время он находился на берегах Каспия, где только что завершился победоносный поход. Астрабад, Баку, Дербент и Рехт, бывшие до того персидскими владениями, отныне — часть России{64}.

Государь передает с графом Гаврилой Ивановичем Головкиным следующее письмо: *«Писали сюда из Парижа Абрам арап, Таврило Резанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долгу каждый ефимков по 200; да сверх того надобно на проезд 200 ефимков. Того для те денги, как на оплату долгов, так и на проезд их, по приложенной при сем ассигнации, взяв от соляной суммы, переведите в Париж к послу, кн. Долгорукову, а буде он уже выехал, то кн. Александру Куракину и отпишите, чтобы их немедленно оттоль отправил в Петербурх»*{65}.

На этот раз все финансовые проблемы Абрама действительно решены. Он расплачивается с семьей, которая его приютила на время учебы, закупает нужные инструменты и оборудование и, конечно же, книги. Он продолжает расширять библиотеку, собирать которую начал еще в 1717 году. Главное же, теперь он с чистой совестью может попрощаться с Комендант-аншефом (начальником) школы в Лафере господином Тюфферо. И, увенчанный боевой славой и званием поручика французской армии, с королевским дипломом военного инженера (подписанным, заметим, самим Людовиком XV) в кармане — в путь!

Итак, когда князь Долгорукий со свитой покидают французскую столицу и направляются на северо-восток, среди прочих пассажиров обоза едет и «французской армии отставной поручик Абрам Петров»{66}.

ГЛАВА 4.
ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

…славная и великая государыня ЕКАТЕРИНА, тако соблаговолит ваше ВЕЛИЧЕСТВО усмотреть сию книгу, колика потребна быть может молодым людям желающим учения, но и совершенным инженерам.

А. П. Ганнибал. Посвящение Екатерине I на книге «Геометрия и Фортификация».

Сподвижник Петра I

Чтобы лучше понять тогдашнее состояние дел и настроения в России, заглянем в книгу историка Н. Я. Эйдельмана. Незадолго перед возвращением Абрама и Долгорукого, вернувшись в Москву из персидского похода, Петр «обнаружил дома много неустройств… Император устал — жить ему оставалось ровно два года — и, будто чувствуя, как мало удастся совершить, особенно гневен на тех, кто мешает. Петр немало знал, например, про колоссальные хищения второго человека Меншикова и еще многих, многих. И вот в назидание сподвижникам, как раз в те дни, когда посольство Долгорукого подъезжало к старой столице, была учинена публичная расправа над одним из славнейших «птенцов гнезда Петрова».

Барон Петр Шафиров, опытнейший дипломат, в течение многих лет ведавший внешнеполитическими делами (позже сказали бы — министр иностранных дел), только что обвинен в больших злоупотреблениях, интригах. Комиссия из десяти сенаторов лишает его чинов, титула, имения и приговаривает к смерти.

Голова уж положена на плаху, палач поднял топор — но не опустил: царь прощает ссылкою, «под крепким караулом».

Москва присмирела и ожидает новых казней. Василий Лукич Долгорукий и приехавший с ним в одно время (из Берлина) другой русский дипломат, Головкин, ожидают, когда царь их примет и выслушает».

Вот в такой обстановке прибывает посольство Долгорукого. Однако думается, что свежеиспеченный инженер ждет не дождется встречи с крестным отцом…

Последуем же за Эйдельманом: «Царь принял, много толковал с возвратившимися, конечно, перемолвился с Абрамом Петровым и — оттаял: выходило, что есть еще верные слуги; доклады из Парижа и Берлина оказались лучше, чем ожидал требовательный, придирчивый, нервный император. И раз так — случай этот тоже надо сделать назидательным, нравоучительным.

Через месяц без малого, 24 февраля 1723 года, Петр выезжает из Москвы… по дороге кое-что осмотрел, и достиг Невы на восьмой день пути, 3 марта 1723 года.

А вслед за Петром из Москвы двинулись в путь дипломаты: Долгорукий со свитой, Головкин с людьми; 27-летний Абрам Петров меж ними персона не главная, но и не последняя…

Ехали не торопясь, но и не медля, чтобы приехать в точно назначенный день.

А в назначенный день — свидетельствуют документы — Петр выехал к ним навстречу «за несколько верст от города, в богатой карете, в сопровождении отряда гвардии; им был оказан особый почет».

Таким образом, был разыгран спектакль — для жителей, для гвардии, для придворных, для высших сановников… Петр как будто не видел послов в Москве — и теперь торжественно, «впервые» принимает недалеко от своей новой столицы: умеет казнить — умеет и награждать.

Кто ослушается, положит голову, как Шафиров. Кто угодит, будет принят, как Долгорукий и Головкин… Плаха и «особый почет» как бы уравновешивали друг друга.

Итак, царский прием и, конечно, часть почета относились и к Абраму Петрову. Царь, выходящий навстречу, обнимает, благословляет всех — и своего крестника — образом Петра и Павла…»

После семи лет, проведенных во Франции, Абрам снова очутился на брегах Невы. И снова активно взялся за дело: «о том, как Петр использовал Абрама на первом году по возвращении его из Франции, отсутствуют документальные данные. По одним сведениям, он принимал участие в строительстве крепостных сооружений на острове Котлине, в Кронштадте, по другим — вступил в исполнение своих прежних обязанностей при Петре, получив в свое заведование кабинет царя, в котором находились чертежи, проекты разных сооружений и библиотека… Возможно, он совмещал эти две должности — инженера-консультанта по строительству Кронштадтской крепости и личного секретаря при Петре»{67}.

В это время идет реализация невиданных доселе проектов: строительство Ладожского канала (под руководством Миниха) и Кронштадтской крепости. В том же году заложен город, названный в честь императрицы, — Екатеринбург. Чтобы все эти дела двигались, потребны специалисты. Царь призывает всех тех, кто послан был для обучения в разные страны. А им как раз — какая удача — время подошло возвращаться. За годы, проведенные за границей, они освоили множество важных и нужных профессий, и теперь в Россию едут дипломированные столяры, граверы, корабельщики, литейщики, мореходы, слесаря…

Император сам беседует с новоиспеченными специалистами и проводит экзамен. Способные, как, например, моряк Неплюев, немедленно получают назначение и возможность сделать блестящую карьеру. Те, кто доказал свои знания и умения пред лицом императора, получают за государственный счет жилье и в

течение двух лет жалованье, достаточное для безбедной жизни. За это время они должны набраться опыта и пообвыкнуться с теми трудностями, которые могут им встретиться. Затем каждый получал подъемные, чтобы открыть собственные мастерские: теперь уже они должны сами себя обеспечивать и притом брать учеников; надеяться на дальнейшую помощь казны не приходилось.

Подобная политика дает впечатляющие результаты: еще в начале царствования Петра у России практически не было военного флота. Теперь же, всего несколько лет спустя, успехи русских на море вызывают у крупнейших европейских морских держав не просто любопытство и восхищение, но уже и беспокойство: «…в один прекрасный день Кабинет Сент-Джеймса (Англия), обеспокоенный слишком быстрым прогрессом русского флота, потребовал немедленной высылки всех учащихся (русских)»{68}.

А что же наш инженер? Он год проработал на строительстве Кронштадта. Император имел возможность убедиться в прочности и объеме его знаний. В феврале 1724 года Петр издает указ, адресованный фельдмаршалу князю Миниху:

К ево светлости князю Записано

Господину полковнику

Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетелство, того ради определить ево порутчиком в бомбардирскую роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы надлежит собрать корпоральство из наших полков и их детей, которые тому обучаюца.

Питербург

4 февраля 1724

Петр.

И опять попадает Абрам в Преображенский полк, только теперь уже в качестве поручика (лейтенанта). В этом полку его крестный отец значится капитаном. Как видно из документа, Абрам назначен на преподавательскую должность: ему поручено учить математике и фортификации гвардейскую молодежь, кандидатов в военные инженеры. Он становится преподавателем в столичной школе военных инженеров. Тому множество свидетельств. Так, например, в записках известного мемуариста А. Т. Болотова под 1753 годом сказано: «У дяди моего нашел я также и несколько математических книг печатных и скорописных, а особливо была у него прекрасная геометрия и фортификация,

писанная и черченная им самим в молодости, когда он учился наукам сим у Ганнибала»{69}. Еще и еще раз убеждаемся мы, что африканский офицер при императорском дворе становится сподвижником и помощником Петра в самых разных делах. По словам известного пушкиниста С. Гейченко, император назначает его также «главным придворным переводчиком иностранных книг». Ведь Абрам вернулся из Парижа, естественно, в совершенстве зная французский язык. А это в дополнение к тому, что он уже говорил и читал по-русски, голландски, немецки… В письме к Конону Зотову с поручением перевести две книги с французского находим: *«А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то изволте согласиться с Абрамом Петровым»,* До наших дней в «фондах библиотеки [Российской Академии наук] хранятся рукописные переводы Ганнибала французских трудов по фортификации, а также составленная им карта местности на реке Вегмас (Карелия), где были найдены марциальные воды»{70}.

Библиотека Абрама

Отставной капитан французской армии привез с собой домой из Парижа библиотеку, которая по объему вошла в первую двадцатку книжных собраний России того времени{71}. В ней насчитывалось немногим менее 400 томов. Библиотека эта не только отражает профессиональные интересы владельца, но свидетельствует о многогранности его интересов.

«В библиотеке Ганнибала, — пишет видный русский историк книги С. П. Лугатов в обзоре частных коллекций начала XVIII века, — были хорошо представлены книги по математике, фортификации, артиллерии, географии, истории, художественная литература. Из математической литературы назовем пятитомный «Курс математики» Озанама (1693), его же «Новейшую практическую геометрию» (1693), «Элементы Евклида» и целый ряд других книг. Не останавливаясь на литературе по фортификации, артиллерии и другим отраслям военных наук, тесно связанным с практической деятельностью Ганнибала, отметим его пристрастие к исторической и географической литературе. Среди исторических книг — сочинения по истории Европы и отдельных стран, мемуары, труды, посвященные деятельности крупных исторических лиц. Любопытен интерес Ганнибала к истории английской революции и Кромвелю. Географическая литература включала также такие книги, как пятитомная «Универсальная география» и очень много описаний различных путешествий. Как и у других просвещенных людей того времени, у Ганнибала были и словари. Несомненно, что Ганнибал интересовался художественной литературой, В его собрании немало произведений французских писателей и классиков древности: Корнеля, Расина, Мольера, Гомера, а также ряд модных в то время романов. Любопытно наличие у Ганнибала «Алкорана» Магомета.

Из всего сказанного видно, что библиотека Ганнибала была хорошо подобранным в соответствии с интересами владельца книжным собранием. Книги не только помогали ему решать практические вопросы, связанные с его деятельностью военного инженера, но и удовлетворяли запросы любознательного человека, любителя художественной литературы. Пробыв ряд лет во Франции и хорошо зная французский язык, Ганнибал уделял основное внимание французским изданиям».

Надо добавить, что в этой частной коллекции значатся и книги редчайшие. Гейченко, бывший директор дома-музея Ганнибала в Петровском[24], в качестве примера приводит

издание 1687 года книги Г. Гроция (G. Groscius) «О мире и войне» с автографом Мазарена (Mazarin) и его личной печатью.

Реэстр книгам[25]:

(Разделы ..... № / Заголовки)

H. Hispan ..... 50 / Histoire de la vie du Cardinal Ximènes. 1704.
..... 93-94 / Histoire des iconoclastes. Par. 1683. 2 T.
H. Eccles. ..... 106-120 / Histoire des Juifs par Basnage. 1716. T. I—XV.
..... 138 / Mceurs des Chretiens par Fleury. 1712.
..... 139 / « des Israelites par Fleury. 1712.
H. German. ..... 83-86 / Histoire de l'Empire. T. 1-4. 1715.
..... 104 / La vie de l'Empereur Charles V. Amst. 1704.
..... 39-41 / Voyages de Lucas. 1714. T. 1—3.
..... 47-48 / Voyages de Lahontant. 2 Vol. 1718.
E. Exotica. ..... 49-50 / Histoire de la conquee du Mexique. Par. 1714. 2 T.
..... 72-81 / Voyages de Chardin en Perse. Vol. 1—9. 1711.
..... 115 / Voyage de Struys en Moscovie. T. 1. 1719.
Epistolog. ..... 110 / Lettres de Rabutin C de Bussy. 2 Vol.
..... 196 / Lettres de Fontenelle. 1718.
..... 202 / Lettres d'amour d'une Religieuse Portugaise. 1701. 2 Vol.
..... 205 / Mercure Galant.
Lexicogr. ..... 200 / Veneroni, Maitre Italien. 1713.
..... 201 / « de la prononciation de la langue franc. 1703.
Mathemat. ..... 7 / Dictionnaire Mathematique par Ozanam. 1691. 48.
..... 43-44 / Ozanam, Recreations mathematiques. 1694. 2 Tomes.
..... 24-28 / Ozanam, Cours de Mathematiques. 1693. 3 Tomes.
..... 49 / Ozanam, Nouvelle Géométrie pratique, 1693.
..... 88 / Les Éléments d'Euclide. Paris. 1709.
..... 140 / Les Éléments de Géométrie par Mess, de Port Royal.
..... 200 / Pratique d'Arithmétique par Claire Combe. 1702.
Archit. Mil. ..... 7 / L'art universel des Fortifications p. Bitainvieu. 48
..... 24 / Ingénieur François. 1696.
..... 50 / Pratique de la guerre par Maltus. 1681.
..... 74 / L'Expérience de 1'archtecture militaire. 1685.
..... 81 / L'Art de la Guerre. 1672.

Politici …… 75 / Le Prince de Machiavel 1714.

…… 142 / L'Homme de Cour par Gracian. 1710.

…… 174 / Le Testament politique par Colbert. 1694.

…… 221 / Le Testament politique par Louvois. 1706.

…… 289 / Nouveaux Interets des Princes de l'Europe. 1686.

…… 81 / Apophtegmes des Anciens. 1664.

…… 96-101 / L'Espion dans les Cours des Princes Chrétiens. T. 1-6.

Amour …… 271 / Les Galantéries Angloises. 1700.

…… 347 / Les devoirs de la Vie domestique.

…… 354 / Les caractères du faux et du véritable Amour. 1716.

Critici …… 132-35 / Le Spectateur. 1722. I-IV.

…… 164-66 / Explication des fables par Banier. T. 1—3.

…… 281-89 / Mémoires des Hommes Illustres par Brantôme. 9 T.

…… 201-202 / Oeuvres de Cyrano de Beigerac. 1709. 2 Tomes.

…… 348-50 / Lucein de la traduction de Mr. D'Ablancourt. 3 T.

Phys. …… 40—41 / Rohaut, Traité de la Physique. T.I-II. 1705.

Phylosoph. …… 209-210 / Malebranche, De la recherche de la Vérité. 1721. T. 1-4.

H. Univers. …… 79-80 / Bossuet, Histoire Universelle. 2 Tomes. 1707.

…… 81-82 / Pratique de la Mémoire universeile. 1719. 2 T.

…… 83-87 / Geografie Universelle par de la Croix. T. 1—5.

H. Graeca …… 31-33 / Histoire de la guerre de Péloponnèse. T. 1—3. 1714.

…… 67 / Histoire d'Alexandre le Grand, par Q. Curce. 1709. 2 T.

H. Romana …… 57 / Histoire Romaine depuis la fondation. 1716.

…… 58 / Histoire de deux Triumvirats. Amst. 1715.

H. Galliae …… 38 / Le Sacre et Courormement du Roi de France. 1620.

H.M.Britan. …… 68-70 / Histoire des révolutions d'Angleterre p. le P. d'Orléans. 3 T.

…… 79 / Histoire de Cromwell. Utrecht. 1692.

H. Belgii …… 12-14 / Histoire de la Guerre de Flandres par Strada. T. 1-3.

…… 22-23 / Histoire de Hollande.

Любовные интрижки

Итак, молодой инженер вернулся из Парижа. Он молод, «зело сведущ» в науках, энергичен, исполнителен и предан своему крестному отцу — все это как раз и требовалось для исполнения обязанностей, на него возложенных. Бывшему барабанщику Преображенского полка, ставшему офицером — ведь звание поручика в полку, в котором числился сам император, в любом другом соответствовало более высокому, — открывалось широкое поле деятельности. А молодость и легко усвоенные французские нравы, значительно более приспособленные к любовным интрижкам, чем в те поры российские, а также его необычайный, прямо скажем, экзотический вид, вызывающий острое женское любопытство, и покровительство самого императора делали его героем многочисленных любовных приключений. Судя по двум дошедшим до нас письмам из Кронштадта в Петербург, Абрам предавался им со всею силою своего, приписываемого ему русскими авторами, «африканского» темперамента. Вот одно из этих писем:

Милая государыня Асечка Ивановна!

Благодарствую вам, моей милостивой, об вашем ко мне доброе воспоминание, а яко изволите упоминать в своем писме, что не соизволяете иметь со мною о делах корешпонденцию, и о том чистым моим сердцем сожалею; однакож ведомости все старым, хотя бы и соизволили мне сообщить, и то напрасно бумаги марать; а что вы, плутовки, уродицы, мои шутихи, поворачиваете свои языки с плевелами на своего государя, черного Абрама, которому и грязи Кронштацкия повиняются, кроме того, что по вся Божий день по колена в грязи, и то не иное что, токмо от великого почтения, аки-бы мое хотят облобызать по своей должности, а вы мне еще решпекту теряете, те по своей мере, мои драгия потешницы и плутовки, что вы упоминаете якобы мне в чем вредило, нет, ничего время не допущает, понеже с неделю, как я здесь, ни единого дня не было без дождя, если изволите, мои умницы, разсудить, что в дождях какой опаски иметь от каникулы, а что упоминаете об моем счастье, чтоб не потерять, и я сего веема остерегаюся, чтоб твердо было, а ежели есть из друзей моих непостоянных, которые шатаются, яко корабли по морю от водное и ветров морских, на то нет никакой опаски, лишь бы корабль крепкий и твердый был, я имею добрый якорь, чем удержать, ежели воля их будет на то, такожде об моем приезде доношу, чтоб оные мои милостивцы, чтоб восприяли себе терпение, понеже я бы желал, чтоб мои друзья имели терпение, как я, сирень что зачну,

чтоб в совершенство привестим, а не оставлять яко непостоянницы. Ежели есть мне подобные по вашему писму, чтоб следовали моим стопам, оставлены не будут в моей милости, и всему скопу объявить, что нош приезд к вам никто не весть; как вы, мои дражайшим плутихи, стали без меня глупы, спрашиваете, когда я буду, я и сам не знаю — когда, я бы желал вас, уродиц безпутных, плутовок, видеть, еще упоминаете, что вы не надеетеся болте к тому меня видеть, о чем от глубины моего сердца сожалею, толко вам желаю, чтоб Бог вам соблаговолил исполнить все, что вы желаете от него; сим прекращая,

вам, моей государыне верный слуга Абрам.

Из второго письма приведем лишь начало, но и оно достаточно показывает стиль и манеру чернокожего инженера:

Комплимент не велик, да жалобен, не много пишу, да много силы замыкаю.

Кокетка, плутовка, ярыжница, княжна Яковлевна, непостоянница, ветер, бешеная, колотовка, долго ли вам меня бранить, своего господина, доколе вам буду терпеть невежество, происходящее из ваших уст, аки из пропасти бездна морского, волю вам даю теперь до моего приезда: прости, моя Дарья Яковлевна, сударышня глупенькая, шалунья Филипьевна…{72}

Какая экспрессия в этих письмах! Однако документы и свидетельства современников говорят о том, что любовные интрижки остаются для инженера на втором плане. Первейшее же — любимое дело.

Он успевает все: работать в Кронштадте, читать лекции «кондукторам» (так тогда назывались «офицеры или воспитанники вообще по разным инженерным, строительным или иным ведомствам»), заправлять императорским кабинетом и библиотекой, крутить «романы» и писать книгу — учебник по геометрии и фортификации, начатый им, видимо, в этот период. Здесь он опять показывает себя вернейшим последователем Петрова дела.

Смерть императора и воцарение Екатерины

Северная война победоносно закончилась Ништадтским миром в 1721 году. Сразу же после этого, используя высвободившуюся наконец армию, Петр выигрывает и персидскую кампанию. Теперь он может обратиться к внутренним делам государства Российского. Не самое маловажное из них — вопрос восприемника. А он стоит весьма остро. Петр потерял обоих прямых наследников: Алексея, а годом позже — и Петра. По мужской линии у Романовых не остается законных наследников, кроме сына царевича Алексея Петра — а Лопухиных император не любил.

Петр поступает так: он меняет стародавнее уложение о престолонаследовании — отныне престол передается не по наследству, а по завещанию царствующего монарха. Австрийский двор чрезвычайно обеспокоен этим обстоятельством: ведь Карл VI, жена которого, принцесса Брауншвейгская, приходится теткой малолетнему Петру, хотел бы, естественно, именно его видеть на троне. А ну как император завещает трон одной из дочерей? А он тем временем производит коронацию супруги своей Екатерины (15 марта 1724 года) и нарекает ее императрицей.

Но за всеми этими «танцами» вокруг трона великий строитель и преобразователь России не забывает и о стройках, им «учиненных». Летом того же года он посещает с инспекцией стройки Кронштадта, Петергофа и, главное, Ладожских каналов, заведовать которыми он годом раньше поручил генералу Миниху. Этот визит принес императору более всего радости, ибо Петр был приятно удивлен скоростью проведения и качеством работ. Он даже отозвался о Минихе как о самом работящем чужеземце, какого он когда-либо встречал.

Между тем государю становится все хуже. Он вынужден прибегать к услугам лекарей. Их усилия приводят к тому, что он снова становится на ноги…

В конце года вновь всплыли крупные хищения среди самой высокой администрации. Мздоимство и казнокрадство, кажется, процветают везде. Среди обвиняемых — сам князь Меншиков, президент Военной коллегии, второй человек в государстве, правая рука императора. Петр успевает назначить на его место Репнина…

Эти-то новости, видимо, и доконали окончательно и без того занемогшего государя.

Петр I скончался 28 января 1725 года на пятьдесят третьем году жизни. Он так и не успел назвать наследникаТотчас же при

дворе образуются группы и группки вокруг возможных претендентов на трон. Каждый тянул в свою сторону. Сенат, собравшийся, чтобы указать императора, никак не мог прийти к единому решению… Проблему быстро решил весьма примитивным, зато действенным способом Александр Меншиков: взломав с вооруженным отрядом двери покоев, в которых высшие сановники решали, кому царствовать в России, он прокричал виват императрице Екатерине I.

Так кто же эта новоиспеченная императрица? История жизни ее похожа на сказку о Золушке (как, впрочем, истории многих в петровские времена): «Странна, необычайна была ее судьба, — пишет историк М. Д. Хмыров. — Рожденная в невысоком звании, на четвертом году жизни оставшаяся без матери, призренная добрыми людьми, Екатерина видела разорение родного края (Лифляндии), стала пленницею врагов (1702), последовательно находилась в домах генерала Боура, фельдмаршала Шереметева, князя Меншикова, здесь была замечена Петром, понравилась государю, приняла православие, бракосочеталась с императором, объявлена потом императрицею, спасла честь России в прутском бедствии (1711), сделалась неразлучною спутницею своего супруга, коронована им (1724), наследовала ему и первой из женщин царствовала в России самодержавно»[{73}].

Однако реальная власть попала в руки не к слабой здоровьем императрице. В России начинается (недолгое, впрочем) правление Меншикова, каждому слову которого Екатерина доверяла абсолютно. И светлейший не замедлил развернуться: для начала он присвоил себе все мыслимые звания. Он становится в итоге генералиссимусом.

А что же наш герой? Инженер Абрам Петров командирован Петром в Ригу «для проектирования и закладки новых укреплений в Рижской крепости»[{74}]. Здесь его и застает весть о кончине государя.

Учитель математики будущего царя

Кончина императора в самом расцвете сил, на пятьдесят третьем году жизни, повергла Абрама в глубокое горе. Ему в это время 29 лет. Возможно, что ему приходят в голову горькие вопросы: что же станет с ним теперь, после смерти крестного отца, могущественного защитника? Кому он нужен? Однако недолго ему пришлось размышлять на подобные темы: новая императрица, знавшая его еще мальчиком, выказывает к нему высочайшее благоволение. Да и друзья, с которыми он встретился по возвращении, никуда не делись.

Среди них лучший его друг, Семен Маврин, бывший камер-юнкер императрицы, Иван Черкасов, подьячий кабинета, с которым он знаком с детских лет. Все они выделяются образованностью даже в своем поколении, которое покойный император успел немного обучить грамоте. Семен назначен наставником великого князя Петра Алексеевича. Иван — секретарь императорского кабинета.

И Абрама приставили к делу. Едва взойдя на трон, императрица поручила ему обучать математике наследника трона. Екатерина I, ставшая Абраму приемной матерью, всегда доверяла ему. По свидетельствам современников, на смертном одре великий император просил жену позаботиться о крестнике и защитить его. «Екатерина I, — уточняет Г. Леец, — знала Абрама с самого его прибытия к Петру в 1705 году. Она ценила в нем преданность царской фамилии, его способности и образованность».

Это назначение показывает, что на тот момент Абрам был одним из лучших среди тех, кто мог преподавать математику. Он показал себя прекрасным педагогом, и будущий император привязался к нему. Будучи одним из наставников царевича, Абрам всегда находится при нем.

С Мавриным Абрам часто пересекается по службе. Они делятся придворными секретами. С ним и другими друзьями «они часто собираются в доме княгини Аграфены Петровны Волконской, которую Абрам хорошо знал с детства и искренне уважал…»[{75}].

Книга

23 ноября 1726 года преподаватель математики великого князя Петра Алексеевича получил аудиенцию у императрицы Екатерины. Абрам Петров сам просил о ней. Он вручил императрице двухтомный рукописный труд, составление которого он только что закончил. Первый его том носит название *Geometrie Practique* (Практическая геометрия), второй — *Fortification* (Фортификация). Этому внушительному, прекрасно переплетенному труду предпослано посвящение автора императрице. В посвящении изложены и многие автобиографические сведения о жизни автора.

Всепресветлейшая императрица государыня

Ежели мое дерзновение нынешнее будет простительно, то есть тому притчина. Его Величество, блаженныя и высокодостохвальныя памяти Петр Великий, Отец Отечества, Ваш, Государыня, любезный супруг, потому что всегда имел свои принципиальный труды марсовы[26], чем и Ваше Величество последствуете; и я не возмогу путче оная славная учения поднести, токмо неусыпно и неутруждаемо по нем во всех делах наследнице.

Вся Еуропа удивляется его императорскому величеству. И уверена была чрез некую. Фабулу, которую сказывали прежде сего о трудах марса короля траскаго[27], которого и обоготворили, нынешния же истории скажут истинную правду о трудах Петра Великаго. Его Величество никогда не делал, чтоб не было полезно к услуге и к покою своему народу и к славе своего владения. Тако и Ваше Величество во всем том Его Величеству подражаете.

Тогда я всеподданнейший имел честь служить с самого моего младенчества, а именно лет седми или осми от возраста моего при стопах Его Величества, такожде и купели Его Величества в Литве в городе Вилне 1705-м году; а в 1717-м году изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел.

Того ради сей монарх великий Отец Отечеству изустно меня рекомендовать соизволил Дюку Дюмену принцу Домберу и великому генерал фелтьцейхмейстеру Франции, сыну натуральному славного короля французского Людовика Великаго; где я имел честь быть в службе от 1717 году, и дослужился до капитанского рангу, на которые ранги имею патент за рукою его королевского величества Людовика 15 от начала моей службы…

Тогда я указ Его Величества о моем возвращении получил, и себя дегажировал честным маниром из службы короля французскаго, и поехал в Россию в таком намерении, чтоб

принести мой живот на жертву для интересу моего государя, который мне дал свет и учение; я имел честь по моем возвращении в Россию обнять стопы Вашего Величества в 1723 году, и Его Императорское Величество соизволил своею обыкновенною милостию к сиротам в свою роту бомбардирскую лейтенантом, а изустным указом повелел мне обучать молодых ундер-офицеров и солдат лейб-гвардии архитектуре милитарис. Неусыпным тщанием и радением Его Величество отечески желая в Российской империи всякое учение в совершенство привести Петр Великий денно и нощно попечения имея о сей науке милосердуя о народе своем особливо указал, чтоб росийский народ обучался всяким наукам нетокмо в главных академиях, но и в войске при полках указал быть школам для обучения некоторых частей инженерства.

Того ради сия книга Фортификация и геометрия практика переведена с французскаго на росийския, выбрана из книг славных разных авторов и искусных инженеров, в которой находятся все части геометрии и фортификации, какова есть при сем; с показанием практики со всеми циркулными приемами и с некоторою частию вымеривания партикулярнаго действуемаго к строению фортификаций и иных пропорциев.

Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше подношу сии мои малыя труды под протекцию августейшим Вашим стопам надеяся, что Ваше Величество как во всех делех наследствуете мужу славному Петру Великому, славная и великая государыня Екатерина, тако соблаговолит Ваше Величество усмотрит сию книгу колика потребна быть может молодым людям, желающим учения но и совершенным инженерам.

Вашего императорского величества
Нижайший раб
Абрам Петров[28].

Автору этого труда в ту пору тридцать лет. Книга явилась «итогом многолетнего труда. Это собрание учебных текстов, набросков и чертежей». Возможно, что он хотел посвятить ее крестному отцу, но тот, к сожалению, не дожил до ее завершения. И. Л. Фейнберг так описывает этот труд: «Книга эта имеет вид великолепный. Текст в ней начертан каллиграфически, в ней превосходнейшие, первоклассные по уровню чертежи, выполненные, по-видимому, самим Арапом, и предпослано этой книге посвящение. Книга рукописная попала даже в историческое описание Библиотеки Академии наук, но дана там только краткая аннотация»{76}.

Эта книга — одна из первых, написанных в России на эту тему. В 1724 году Петр I основал Академию наук. В фонды

Библиотеки Академии и были помещены эти два тома, написанные арапом Абрамом.

К большому горю Абрама, 6 мая 1727 года, всего несколько месяцев спустя, императрица Екатерина I скончалась.

ГЛАВА 5.
СССЫЛКА

…а что без всякой вины — тому радуюся пожалуй, государыня моя, не оставь меня в своей милости и не забудь все вышеописанные мои прошения, понеже может быть, что я последнее имею честь к вам писать, что меня зашлют в какие пустые места, чтоб там уморить…

Абрам Петров, из письма 1727 года.

Друзья княгини Волконской

Во время недолгого правления Екатерины (1725—1727) реальная власть сосредоточилась в руках Александра Даниловича Меншикова, который имел безграничное влияние на императрицу.

Дорвавшись до власти, он сразу же превратился в надменного спесивца. Жестокость при нем стала нормой. Всех, кто знал его в прежние времена, Меншиков считал своими личными врагами. Не обошел он «вниманием» и арапа.

«Трудное было положение Абрама Петровича, — пишет С. Н. Шубинский. — Знал он Меншикова коротко и давно, знал все его пороки и недостатки, будучи до 1716 года постоянно и неотлучно при Петре. На глазах Ганнибала свершалось превращение Алексашки в светлейшего князя; ему были известны отношения Меншикова к Екатерине, а возвратившись в 1722 году, он узнал от друзей своих о злоупотреблениях Меншикова… И Меншиков тоже знал, что Абрам Петрович хорошо его знает… и не любил Ганнибала; но тотчас по кончине Петра не решился сделать ничего дурного ему из уважения к памяти государя; к тому же при своем величии и могуществе он едва ли давал какое-нибудь значение Абраму при дворе…»{77}

Ему бы и сидеть тихо, смирно, обучать императора математике (благо, наука от политики далекая), флиртовать с асечками ивановными… Так нет. Он лезет в политику, входит в кружок «друзей княгини Волконской», члены которого называли себя «компанией». Абрам давно знает княгиню Аграфену Петровну Волконскую и питает к ней величайшее уважение. Мысли и чаяния Абрама, духовного наследника покойного императора, единят его с членами компании. Состоит она из шести человек:

Княгиня Аграфена Петровна Волконская (урожденная Бестужева), гоф-дама и доверенное лицо императрицы, жена князя Волконского. У нее и собиралась «компания»:

Иван Антонович Черкасов, кабинет-секретарь императрицы, получивший эту должность вместо Макарова;

Егор Иванович Пашков, член Военной коллегии;

Семен Афанасьевич Маврин, камергер Екатерины и наставник великого князя Петра Алексеевича;

Александр Борисович Бутурлин, камер-юнкер при великой княгине Елизавете Петровне;

Абрам Петрович Петров, преподаватель геометрии и фортификации при великом князе Петре Алексеевиче.

«Вся эта компания, давно и близко между собой знакомая, отличалась особенною преданностью семейству царскому… и ненавидела Меншикова. На эту ненависть у каждого была своя особенная причина.

Черкасов, будучи еще подьячим в кабинете, был постоянно оскорбляем надменным и дерзким с ним обращением Меншикова… Черкасов хорошо знал мстительный характер светлейшего и чувствовал, что положение его нетвердо…

Александр Борисович Бутурлин, любимец Елизаветы Петровны, не мог в душе простить Меншикову возведение на престол Екатерины, а не Елизаветы.

Егор Иванович Пашков, человек безукоризненной честности, не только ненавидел, но презирал Меншикова, зная по службе своей в военной коллегии лихоимство и все злоупотребления Меншикова по казенным подрядам для войска.

Семен Афанасьевич Маврин, искренно преданный великому князю Петру Алексеевичу, зная хорошо все прошедшее о царевиче Алексее Петровиче, презирал и ненавидел Меншикова за его коварство, в угоду Екатерине, с самых детских лет царевича.

Княгиня Аграфена Петровна ненавидела Меншикова за то, что он преследовал ее отца и ссорил его с герцогинею Курляндскою, при которой тот был гофмейстером»[{78}].

Тем временем здоровье императрицы все ухудшается. Побежали слухи, что после ее смерти на трон взойдет Петр Алексеевич. Многие считали это решение правильным — императорская фамилия должна продолжаться по мужской линии. Однако было немало и недовольных, которые поговаривали, что есть и прямые претенденты на трон, например, царевна Елизавета или Анна Петровна.

К княгине Волконской явился граф Петр Андреевич Толстой с просьбой о содействии. Граф боялся воцарения Петра Алексеевича, ведь он был одним из главных обвинителей на процессе против его отца, покойного царевича Алексея. Толстой боялся репрессий со стороны молодого императора и стремился во что бы то ни стало помешать его воцарению. К княгине он пришел по одной простой причине: она тоже была против воцарения Петрова внука.

Не только российский двор был взбудоражен происходящим. Австрийский император отправляет в Россию в качестве посланника одного из министров — графа Рабутина. Ему поручено поддерживать великого князя от имени Австрийского двора. Оно и понятно: покойная мать Петра Алексеевича — австрийская княгиня, член австрийской императорской фамилии.

Члены «компании» сочли, видимо, Рабутина опасным

противником и решили подружиться с ним. Абрам, который в то время был секретарем «компании», знакомится с австрийским министром и даже становится его другом…

По большому счету, Абрам ничего не теряет при любом исходе. Он в прекрасных отношениях с Елизаветой — своей крестной сестрой. Для малолетнего же Петра он большой авторитет…

Но вдруг события стали разворачиваться с неожиданной скоростью.

Императрица, как считает Шубинский, «очень любила Волконскую и питала к ней большое доверие. Княгиня узнала от нее, что Меншиков предложил императрице завещанием не только назначить наследником престола после себя великого князя Петра Алексеевича, но и обязать его жениться на дочери Меншикова.

Княгиня передала эту новость Толстому. Он, в свою очередь, сообщил ее друзьям, и они, не долго думая, решили идти к Екатерине и открыть ей все злоупотребления власти Меншикова…». Но и Меншиков не дремал. Он проведал о замысле врагов. Тотчас те были арестованы, а Екатерину светлейший заставил за несколько часов до кончины подписать указ о ссылке виновных.

«Но Меншикову было мало уничтожить Толстого и его товарищей. Он увидел ясно, что возле самой императрицы и великого князя находились также враги его, которые успели выведать и передать Толстому его план о браке дочери с великим князем — план, который он хотел сохранить в тайне до самой смерти императрицы. Князь подозревал, что эта тайна выдана княгинею Волконского, и над ней и ее друзьями разразилась гроза нежданная…»{79}

Роковой указ Меншикова

1727 года мая в восьмой день, по Его Императорскаго Величества указу, Государственная коллегия приказали

лейб-гвардии Преображенскаго полку от бомбардир-поручика Абрама Петрова отправить немедленно в Казань и велеть ему тамошнюю крепость осмотреть и каким образом его починить или вновь запотребно разсудить сделать цитадель, тому учинить план и проект, а осмотря ее, в Военную коллегию отписать по почте, а которому числу тот план и проект поспеть может, и отправить его на почте и дать ему на почтовые подводы прогона из казначейской конторы и о выдаче тех прогонных денег в казначейскую контору послать указ, а о дорожной в Ямскую канцелярию преморию, а в Казань к губернатору для ведения и о помещении послать указ же.

Подленной приговор закреплен тако:

Александр Ментиков.

На этом документе сохранилась пометка, сделанная рукой Абрама Петрова: *«С тем я поехал из Петербурга в Казань и был в Казане 25 дней, потом получил другой указ, чтобы ехать в Тобольск».*

Бомбардир-поручик еще не знал, что это предписание было первым знаком, первым этапом негласной ссылки. Внук Петра, юный Петр Алексеевич (будущий Петр II), очень симпатизировал своему учителю математики. Пожалуй, они были с Абрамом дружны. Без сомнения, Меншиков опасался влияния Ганнибала на юного императора. Прежде Абрам обретался в Кронштадте или пребывал в Преображенском полку. Однако теперь он стал приближен и обласкан. Он дружен с Петром. Для собственной безопасности светлейшему нужно было отдалить его от двора. И чем дальше, тем лучше.

Однако генералиссимус не мог просто приказать арестовать Абрама. В бумагах княгини Волконской, в доме которой был произведен обыск, не нашли ни одного упоминания имени чернокожего офицера. Всякий приказ должен быть подписан императором, а юный Петр не допустит такого обращения с любимым учителем. Значит, любые шаги против него должны быть оправданы уликами. Необходимо так развести императора и его учителя, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения ни первого, ни второго. Иначе Абрам станет искать защиты своего ученика, а значит, расскажет ему о темных делишках регента. А этого Меншикову нужно меньше всего.

И вот вельможа избирает привычный в такой ситуации путь: он посылает Абрама в Казань с важным и срочным поручением. У последнего едва хватило времени, чтобы передать свои дела и бумаги, а главное, сундучок с деньгами Ивану Черкасову. Через двадцать дней в Казани инженер получает новый указ:

Почтенный господин лейб-гвардии от бомбардир-порутчик Абрам Петрович

Его императорское величество указал тебе ехать в Тобольск и, по инструкции губернатора, князя Долгорукова, построить крепость против сочиненного чертежа; того ради вам указом его императорского величества предлагаем — изволь туда ехать без всякого замедления, понеже в строении той крепости состоит необходимая нужда, а чертеж пошлется вам на пребудущей почте, а которого числа ордер получишь и когда отправишься, о том рапортуй к нам в немедленном времени,

В Петергофе мая 28, 1727 года.

Александр Меншиков[{80}].

На оригинале документа рукою Абрама: «С *тем я поехал в Тобольск*»[{81}].

По тону и по содержанию письма наш арап понял, что его дальнейшее пребывание в столице нежелательно и что все эти сверхсрочные и сверхважные поручения — скрытая ссылка. Тобольск находится в самом сердце Сибири, в тысячах километров от Петербурга. В те времена — расстояние непреодолимое. Глушь невероятная. Кажется, дальше не бывает. Ан нет, бывает! В тот же день генералиссимус посылает князю Долгорукову, губернатору Тобольска, инструкции в связи с прибытием в его владения Абрама Петрова. Он должен немедленно по прибытии в Тобольск ехать еще дальше. А именно — на китайскую границу. Там он должен производить расчеты для строительства укреплений… Вот что пишет Долгоруков в ответ: *«…По указу Вашего Императорского Величества велено от бомбардир-поручику Абраму Петрову сделать на китайской границе против чертежа крепость; того ради, когда он в Тобольск прибудет, велено его туда отправить немедленно, а понеже он человек иностранный и опасно, чтоб не ушел за границу, велено иметь за ним крепкий присмотр…»*[{82}]

Теперь уже ни у кого не вызывает сомнений: Меншиков желает, чтобы «опасный иностранец» был как можно дальше от столицы и двора.

Сам иностранец это также понимает, хотя пока не знает, что он — опасный. Первая реакция — страх. Он пишет Меншикову. Пытается оправдаться, вымолить прощение. Он пишет, что у него

недостаточно опыта, чтобы строить пограничные крепости… Самоуничижительно льстит светлейшему, наделяя его многими достоинствами:

Премилосерди отец и помощник сирым и вдовым, помилуй, за что вам воздаст сугубо Господь Бог и Божие Матер в сем в будущем веце и всей вашей высококняжеской фамилии, не погуби мене до конца имени своего ради. И кого давить такому превысокому лицу такого гада, и самая последняя креатура на земли, которого и червь и трава может с сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен и жажден. Помилуй, заступник, и отец, и защититесь сиротам и вдовицам{83}.

И так далее, и так далее. Подписано: *«Вашего высококняжеской светлости сиры и беззаступны раб Абрам Петров».*

Однако вскоре он посылает Меншикову письмо совсем иного рода, деловое, сухое:

Светлейший князь и премилостивый государь!

От вашей высококняжеской милости ордер, отпущенный ис Петергофа прошедшего месяца, майя от 28, получил я принять в Казане сего месяца 26 числа, по которому повелено мне указом Е. И. В. ис Казани ехать в Тоболск без всякого замедления для строения там крепости. А как оной ордер получу и отправлюсь — рапортовать в немедленном времени.

И хотя я в Казане порученного мне прежде дела не докончил, а только было начал исправлять, но по получени оного ордера более мешкать не стал и поехал ис Казани в Тоболск сего нижеписанного числа, о чем высококняжеской светлости донесши, остаюсь

вашего высококняжеской светлости

нижайши раб А. Петров{84}.

Ну что ж, ссылка так ссылка. Однако, чтобы ехать, нужны деньги, а в них, как пишет Абрам княгине Волконской, старой соратнице и другу, «великая нужда». Среди прочего просит он ее *«чтобы отписать как-нибудь поскорее к Ивану Черкасову, чтобы прислал ко мне в Сибирь поскорее деньги, которые я у него оставил…».* Абрам понимает, что отныне он полностью во власти могущественного врага, Меншикова. Полное его уничтожение лишь отсрочено:

Государыня моя, княгиня А. П.

Доношу вам, что я еще получил ордер из Петербурга от князя М., при сем к вам копию посылаю, и сего числа в Сибирь в город Тобольск отъезжаю; может быть, еще там получу третий ордер, куда далее ехать; как изволят, я всюду готов ехать без всякой

печали, кроме того, что меня лишили моих друзей, а что без всякой вины — тому радуюся… может быть, что я последнее имею честь к вам писать, что меня зашлют в какие пустые места, чтобы там уморить…{85}

Подобные мрачные мысли, как мы уже знаем, вполне оправданы. Опальный инженер все же надеется на спасение. Его надежда — поддержка друзей, членов кружка. В том же письме княгине он пишет:

Такожде прошу в последнее вас, чтоб дать знак нашим друзьям, которые в Петербурге и в других местах, что я послан в Сибирь, в Тобольск, город, чтобы они сведомы были; особливо вас прошу, чтоб послать как ни есть копию с указа, приложенного при сем к нашему колокольчику, или Разговору Ивановичу[29]*, такожде Козлу Ивановичу*[30]*, и Панталону*[31]*…*

Меншиков же тем временем набирает силу: 25 мая его дочь, Марья Александровна Меншикова, официально обручена с юным императором. Свершилось то, чего Меншиков так давно и страстно добивался.

Абрам не знает, что кружка княгини Волконской более не существует. Друзья разосланы во все концы огромной империи. Сама княгиня находится под надзором в подмосковной деревне своего двоюродного брата Талызина. Семен Маврин, как и наш герой, послан Меншиковым с поручением в Сибирь. Иван Черкасов разжалован в секретари Синода и отослан в Москву «для переписи патриаршей ризницы». Пашкова и Бутурлина репрессии по непонятным причинам не затронули.

В конце месяца Абрам действительно выезжает из Казани. В Тобольск он прибывает через месяц, 30 июля. Там его и нагоняет подписанный Меншиковым указ, согласно которому из Тобольска он должен следовать далее — на китайскую границу. Строить укрепления в городке Селенгинске. В Тобольске, как и в Казани, Абрам также задерживается примерно на месяц. Видимо, он надеется дождаться денег из Петербурга: ведь ему не на что жить. Однако оттуда — ни ответа, ни привета. В итоге сам Долгорукий дает ему из губернаторской «рентереи». Он также рассказывает опальному инженеру, что друг его, Семен Маврин, также вскорости прибудет в Тобольск: получил назначение — командиром местного гарнизона. В конце августа инструкция Меншикова выполнена: Абрам отправляется в Томск.

Там он остается до ноября. Из Томска в четвертый уже раз пишет княгине, от которой так и не получил ответа ни на одно из предыдущих писем. Он, видимо, надеется дождаться от нее хоть малой весточки. Кроме того, в голову пришло такое соображение:

«..мет виду такого, что я послан в ссылку, что можете рассмотреть по его [Меншикова] *письму*[32], *я думаю, что его намерение только меня отдалить на несколько время, веселя моих приятелей. Понеже меня никуда не определил, как других, разве что впредь будет в письме к Михаиле Володимировичу* [Долгорукову], *по которому велел меня отправить на границу китайскую к Савве Рагузинскому для строения крепости Селенгинской, величает меня: лейб-гвардии от бомбардир-поручик А. Петров. Такоже и в письме, которое ко мне писано, сама изволишь усмотреть; в какой силе и как политично со мною поступает, ежели бы в ссылку, чего ему меня опасаться, прямо бы объявил, как другим»*{86}. Инженер наш не теряет надежды и на то, что высокие ходатайства лиц, которых он упоминает в письмах, помогут вернуть его из Сибири. Так, с этим письмом он пересылает послание царевне Анне Петровне, старшей дочери Петра, и просит саму княгиню ходатайствовать при возможности за него перед «цесаревной». Может, та сможет что-нибудь сделать для опального инженера? К тому же письму прилагает он послания и к другим влиятельным друзьям: Александру Борисовичу Бутурлину, любимцу Елизаветы Петровны, и Петру Спиридоновичу Сумарокову, тогда — камер-юнкеру при Анне Петровне. Однако к этому времени Меншиков уже избавился от одной претендентки на трон. Устроено так, что Анна Петровна и ее супруг, герцог Гольштейн-Готторпский, покинули пределы России.

А друзья Абрама — те, что до поры до времени сохранили свое положение, стараются сделать все, что в их силах для облегчения участи впавших в немилость. В Копенгагене, в Москве, в Петербурге — везде есть у Абрама доброжелатели, однако усилия их остаются втуне.

Тем временем капризная Фортуна начала поворачиваться лицом к пострадавшим от Меншикова. В начале сентября генералиссимус попадает в немилость. 10 сентября 1727 года он сослан в Ранненбург. Члены кружка Волконской, рассеянные свергнутым правителем по всей России, празднуют победу. Вот каким слогом сообщает эту новость Пашков в письме оберсекретарю Синода Черкасову: *«У нас с Божией помощью все благополучно, и никаких страхов ни от кого нет, как было в бытность князя Меншикова. О суетной славе прегордого Голиафа, которого Бог всесильною десницею сокрушил, о том многие радости имеем, также и аз, многогрешный, славя Святую Троицу, пребываю без всякого страха».*

Пашков и братья Бестужевы полны энтузиазма. Они верят, что при новой власти добьются возвращения опальных друзей. Но очень скоро приходит разочарование. Старую власть свергли, а

новой еще нет. 4 октября 1727 года Пашков пишет Черкасову следующее: *«Об Абраме и Семене Маврине прилежно стараюсь: каким бы случаем их взять, и кажется, что многие об них сожалеют, а говорить никто не хочет за повреждением себя…»* А двумя неделями ранее в письме княгине Волконской: *«Все проклятые злы на них как собаки, ныне у нас многие хотят быть первыми, а, как видим по их ревности бессовестной, не потеряют ли и последнего. Ныне у нас еще… постоянства нет, друг перед другом рвутся с великим повреждением, а по-видимому, нельзя найти для того, что у всех ревность без совести, от которых хотя что и ведаешь, только не всем веришь, а паче утверждаешься во всяком рассуждении своем и надежде состоишь Божией, одним словом сказать, что верность наша в уповании Божием; как видим и слышим,* (император) *изволяет милостиво упоминать про компанию нашу прежнюю, только от прежних неприятелей не можно свободного способа сыскать, как бы порядочно донесть; однако же, хотя и с трудом, только делаем сколько возможно»*{87}.

С императором трудно разговаривать ввиду его малолетства. У власти же стал новый клан — князья Долгорукие. Они совершенно не желают возвращения «ссыльных». Переписка друзей арестована. Грядет новая волна репрессий.

Ганнибал!

Так что же наш герой? Он — в далекой Сибири, в Томске. Заметает снегами ноябрь, а он ничего не подозревает о страстях, бушующих в столице. Он не ведает, что Меншикова постигла судьба тех, кто попал при нем в опалу. Светлейший сослан. Отныне клан князей Долгоруких правит Россией. Меншикову удалось отстранить от государственных дел наследника престола Петра II, он заставил его забыть своих старых друзей, друзей детства. Новые «первые» при дворе продолжают ту же линию. Нужно как можно дольше удержаться у власти! «Юный император,- пишет Шубинский,- может быть, и вспоминал о своих прежних приверженцах, но интриги придворных партий опутали его кругом. «Компании» более всех вредили Левенвольде и Анна Крамер. Преданные при жизни Петра и Екатерины Меншикову, они теперь прилепились к Долгоруким и Лопухиным и не допускали никого говорить за Маврина и Ганнибала молодому государю»[88].

Вернемся, однако, к письму княгине Волконской, которое было упомянуто несколькими страницами ранее. Абрам отправил его с оказией, со своим сибирским другом Григорием Васильевичем Возжинским, который направлялся в столицу специально для встречи с княгиней.

На этот раз он решил поставить на карту все. Испробовать все способы, *«чтоб явили со мною милость, дабы был прислан указ к Савве Рагузинскому, чтоб меня взял с собою, когда поедет с границы китайской в Петербург по окончании своей комиссии».* Абрам припомнил всех, кто мог хоть как-то повлиять на его судьбу. Письмо более чем наполовину состоит в перечислении важных и влиятельных лиц, с которыми он просит связаться княгиню, чтобы *взять* его из Сибири. Он знает, что *«скоро будут короновать его величество и будут показывать многим людям милосердие»,* а потому указывает все пути и способы, чтобы о его деле узнало возможно больше людей.

Письмо это весьма показательно, так как является свидетельством того, что «Абрам Петрович был очень близок к дворцовым сферам и отлично их знал; знал и все закулисные пути, которые нужно в этих сферах пустить в ход»[89]. Список высоких лиц, которые, как Абрам надеется, будут за него ходатайствовать, весьма впечатляет, Вот лишь некоторые из них: Александр Бутурлин; Петр Сумароков; Егор Пашков — генерал и член Военного совета; царевны Елизавета и Анна — дочери Петра; Иван Черкасов — тогда, правда, разжалованный; граф

Герман Лесток, лейб-медик Елизаветы Петровны; великая княгиня Наталья Алексеевна — дочь царевича Алексея; князь Дмитрий Михайлович Голицын; Алексей Яковлевич Волков — секретарь Меншикова (!); Панталон и Козел — братья княгини Волконской Алексей и Михаил Бестужевы, один — русский посланник в Дании, другой — в Польше; князь Михаил Владимирович Долгоруков; его сын, князь Сергей Михайлович Долгоруков; князь Василий Владимирович Долгоруков; князь Дмитрий Михайлович Долгоруков; великая княгиня Анна Иоанновна; граф Рабутин — австрийский министр и посол Австрии в России, с ним Абрам свел знакомство недавно, будучи в Петербурге; Степан Федорович Апраксин — адмирал…

Абрам больше не хочет себя считать обреченным на медленную смерть. Трезво все обдумав, он решает, что все не так уж и безнадежно. Пусть климат ему не очень подходит (особенно в ноябре), пусть работа — мнимая (ибо строить крепость в Селенгинске, в низинах да болотах, не имело никакого смысла), зато он может писать друзьям и надеяться. Если друзья выполнят его подробнейшие инструкции о том, что и как говорить влиятельнейшим людям империи, то, глядишь, что-нибудь и сдвинется. Да и звания его не лишили, ведь именует же его Меншиков в указах «лейб-гвардии от бомбардир-поручик А. Петров»?

Петров? Теперь, когда Петра, крестного отца и защитника, больше нет, а его преемникам Абрам, его крестник, более не нужен, ничто, кроме доброй памяти, не связывает его с этим именем. Возможно, именно это обстоятельство и стало причиной того, что Абрам Петров решает взять новую фамилию. Он выбирает имя одновременно знаменитое и звучное, связанное с его родной Африкой и с его военной карьерой. Имя это — ГАННИБАЛ.

Это имя напоминает нам самого знаменитого африканского полководца античности, победителя римлян — Ганнибала Карфагенского. Оно также схоже по звучанию с именем другого африканца, уже Абрамова современника, который служил во французской армии при великом Людовике XIV и судьба которого во многом похожа на судьбу героя этой книги. Звали его АНИАБА.

Аниаба, сын короля Зенана Ассинского, был усыновлен Людовиком XIV в 1701 году. Крестил его епископ Боссюэ в соборе Парижской Богоматери. При крещении ему было дано имя Луи (Людовик) Жан Аниаба. Во Франции он прожил шестнадцать лет. Получил военное образование, дослужился до звания капитана и должности командира кавалерийской роты.

К тому времени, когда Абрам в 1717 году попал в Париж,

черный крестник французского короля уже уехал на родину в Африку. Естественно, прожив шесть лет во Франции и также дослужившись до капитанского чина, Абрам не мог не узнать истории этого человека. Не исключено, что французские офицеры, сослуживцы Абрама, которые знавали в свое время Аниабу, стали и Абрама звать этим именем. Это имя, возможно, даже стало его прозвищем во время службы во французской армии. Тем самым имя Ганибал (Анибал) могло быть трансформацией имени Аниаба[33].

Так или иначе, но бывший учитель геометрии и фортификации юного Петра II хочет отныне зваться Ганнибал (Ганибал, Анибал, Аннибал). Впервые это имя официально упоминается в иркутской летописи: *«В декабре месяце (1727) прибыл из Тобольска лейб-гвардии, бомбардирской роты порутчик Абрам Петров, Арап Ганибал, для постройки Селенгинской крепости».*

В Селенгинске наш инженер встречается с Саввой Рагузинским. Бывший тайный агент Петра в Стамбуле стал русским послом в Китае. Еще раз, после османской столицы, Москвы, Прута и Парижа, сводит их судьба.

В Селенгинске Абрам осматривает укрепления этого небольшого приграничного городка, которые состоят из земляного вала и невысокого деревянного «палисада». Однако он уже не выдерживает безденежья. В указе о направлении его в Казань, равно как и в последующих, ему «забыли» назначить жалованье. Потому так настойчив он в письмах Волконской, по нескольку раз повторяет: свяжитесь с Черкасовым, пусть вышлет деньги. Но не могла княгиня ему помочь. Абрам еле-еле мог обеспечивать себя одного. Теперь же у него появились подчиненные, которым именно он должен платить! И вот 15 января посылает он в Иркутск следующий рапорт:

> *Его Императорского Величества, Иркутской провинциальной канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка от бомбардир-поручика Абрама Петрова*

ВЕДЕНИЕ

Прошедшего майя 28 дня, 727 года, по указу Его Императорского Величества и по письму из Питергофа от его светлости генералиссимуса светлейшего князя Меншикова велено мне ехат на китайскую границу для строения крепости, и при мне

определенные деньщики, которым, по присланному из Тоболска указу, велено получать провиант солдатской, а именно двум человекам, и по отъезде из Тоболска с августа месяца 727 года по январь месяц 728 года определенного провианта нигде не получили и чтоб повелено было против Указа Его Императорского Величества в Иркуцке или где востребуется от него ведением, оным деньщикам провиант выдавать, где принадлежит при китайской границе заслуженное и впредь без задержания, и о том, куды надлежит, из Иркуцкой провинциалной канцелярии послать Его Императорскому Величеству послушные указы, чтоб за недачею оным деньщикам будучи примерно какой нужды не возыметь в провианте.

К сему ведению руку приложил
Преображенского полку
от бомбардир-поручик Абрам Петров
Генваря 15-го дня 1728 году.

* * *

В Петербурге друзьям нашего арапа так и не удалось добиться смягчения властей, хотя «компания» и продолжала существовать. К тому же в это время умер друг Абрама, влиятельнейший человек, австрийский граф Рабутин, бывший посланником в Москве. Это жестокий удар по всей «компании» княгини Волконской. Сама же княгиня по-прежнему под надзором в подмосковном имении. Но беда уже близко…

В апреле 1728 года по доносу «дворовых людей» в имении опальной княгини произведен обыск и изъята вся секретная переписка. Черкасов и Талызин, как самые активные члены «компании», посажены под замок. Остальные допрошены.

Заседание Верховного тайного совета состоялось в мае. 5 июня решение Совета утверждено Петром II. В этом документе упомянуты многие высокие и влиятельные персоны. В вину им вменяется, *«что они все делали партии и искали при дворе Его Императорского Величества для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причинять при дворе беспокойство и дабы то свое намерение сильнее в действо произвести могли, искали из них себе помочи через Венский двор и обретающегося здесь министра Рабутина, а именно княгиня Волконская с братом Алексеем и с Абрамом Арапом, и для того имели переписки и пересылки и тако хотели вмешать постороннего государя в домовые его Императорского Величества дела».* Более того, их обвиняют и в прямом шпионаже: *«И в такой их Волконской и*

брата ея Алексея откровенности может быть, что они сообщали тем чужестранным министрам и о внутренних здешнего государства делах».

Итак, власть предержащим удается наконец разогнать мятежную «компанию». Тайный совет указал: *«княгиню Волконскую… сослать до указу в дальний девичий монастырь, а именно, в Веденской, что на Тихвине, и содержать ее тамо неисходно под присмотром игуменьи».* Юрию Нелединскому, сенатору, *«в сенате у дел впредь до указу не быть».* Егору Пашкову *«в военной коллегии у дел не быть же».* Исаака Веселовского водворить в Гилянь, откуда он был отпущен по болезни. Тимофея Кутузова *«посадить на месяц в тюрьму и потом, освободя, послать в полковую службу и определить с умалением его ранга одною ступенью».* Ивана Черкасова *послать в Астрахань к провиантским делам…*{90}

Абрам ни о чем не подозревает и по-прежнему подбивает Савву и губернатора Михаила Долгорукого отпустить его из Селенгинска и просить за него императора. 15 июня губернатор направляет в столицу следующее «доношение»:

Сего 1728 года июля 15-го дня в письме из Селенгинска 14 апреля от тайного советника чрезвычайного посланника и полномочного министра иллирийского графа Саввы Владиславича написано: присланный по письму князя Меншикова поручик Преображенского полка Абрам Петров подал челобитную в походную посольскую канцелярию китайской экспедиции, в которой объясняет, что он в строении новой фортеции не имеет практики, а что-де сослан от князя Меншикова по злобе, а не по указу Вашего Императорского Величества, также книгами и инструментами не награжден, жалованья, ни подъемных денег ниоткуда ему не определено; и онаго-де, поручика Абрама Петрова, против его челобитья, отпустил он, граф Владиславич до Тобольска, понеже он послан по силе партикулярного письма князя Меншикова, а из Государственной иностранных дел коллегии в грамотах и ниоткуда в указ Вашего Императорского Величества о нем к нему не упомянуто.

Того ради всеподданейше доносим, ежели вышеупомянутый поручик Петров прибудет в Тобольск, об отпуске его, поручика Петрова, ожидаем Вашего Императорского Величества указа.

Князь Михаила Долгоруков{91}*,*

Но ох как не вовремя пришло это доношение. В «решении» Тайного совета имя Абрама упомянуто, однако наказания ему никакого не назначено. Да и какое еще может быть наказание — дальше Сибири не пошлешь! А тут он сам о себе напомнил. И вот результат.

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

17-го июля 1728 г. О посылке поручика Петрова на китайскую границу к строению крепости

1728 года июля в 17 день, по сему доношению Его Императорское Величество указал: посланного поручика Абрама Петрова для строения на китайской границе по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по прежнему, в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить и об окончании той крепости ему писать и ожидать указа, а без указа никуда не выезжать; а буде он в дороге, то послать из Тобольска навстречу, чтоб его воротили назад по прежнему[{92}].

Подписали протокол *генерал-адмирал граф Апраксин, канцлер граф Головкин, князь Василий Долгорукий, Василий Степанов.*

Но опальный инженер не желает угомониться. Безделье и нищенское существование, да к тому же на краю света надоели ему хуже горькой редьки. Ведь в протоколах и указах о его персоне опять ни слова о жалованье! На что жил эти месяцы Абрам, остается только гадать. И 31 августа 1729 года он посылает челобитную самому императору. В нем Ганнибал снова и снова перечисляет свои беды и обиды: что денег нет ни для себя, ни для денщиков, что на месте, указанном в плане, *строению никакому быть невозможно,* что, оказывается, по указу императора для строения этой крепости послан другой человек, а он, Абрам, вроде теперь не у дел… Пишет он, что *«бывший генералиссимус меня послал для своего партикулярного интереса и по злобе, и по наущению его креатур, а не для дела Вашего Императорского Величества.* И наконец, просит перевести его либо обратно в полк, либо в тобольский гарнизон. Требует он и выплаты жалованья, которого не видел вот уж три года, с 1726 года[{93}].

До императора эта челобитная конечно же не дошла. Ответ последовал от Верховного тайного совета.

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

1729 года декабря 22-го дня Его Императорское Величество указал послать в Сибирскую губернию, к действительному тай ному советнику и губернатору князю Михаилу Володимировичу Долгорукову Указ, чтоб он велел, выбрав в Тобольске кого из офицеров, доброго и искусного человека, отправил тайным образом на китайскую границу, где ныне обретается (посланный туда для

строения крепостей) поручик Абрам Петров, и приказал тому по сланному офицеру, вначале упомянутого поручика Абрама Петро ва, пришед к нему в квартиру внезапно, отобрать все обретаю щиеся при нем письма, которые хотя бы в каких малых и черных лоскутах были, и собрав оные в одно место, запечатать и к себе взять. А ежели у него, Абрама Петрова, есть какие книги, чертежи и инструменты инженерные, то, осмотря, нет ли между ними каких писем, оставить оныя при нем и потом его, Абрама Петрова, велел отправить оттуда, где его тот посланный офицер найдет, с пристойным конвоем в Томск, Но в пути везти его с крепкою осторожностью, чтоб каким способом куда не ушел, и в Томске велеть онаго содержать впредь до указа Его Императорского Величества за караулом, с крепким же смотрением, да бы не мог оттуда уйти. А жалованья ему, Абраму Петрову, да вать в Томске из доходов Сибирской губернии по десяти рублей в месяц. Вышеупомянутые же письма, которые возьмутся у него, Абрама Петрова, посланному туда офицеру привезть в Тобольск, и оттуда оныя, не осматривая, прислать, запечатав, в Москву, в Верховный тайный совет[{94}].

Но и это не все. В Петербурге арестована его библиотека. Все его книги переданы в Академию наук.

Казалось бы, все — карьера и жизнь кончена. Но в ту пору правители менялись с калейдоскопической быстротой. 19 января 1730 года, пятнадцати лет от роду, умер император Петр И. На трон взошла новая императрица, царевна Анна Иоанновна, принцесса митавская. И вот летит в Тобольск указ новой императрицы:

О БЫТИИ БОМБАРДИР-ПОРУЧИКУ АБРАМУ ПЕТРОВУ МАЙОРОМ В ТОБОЛЬСКОМ ГАРНИЗОНЕ

Протокол Верховного тайного совета. 25 февраля 1730 года.

1730 года февраля 25-го дня Ея Императорское Величество указала: бомбардир-поручику Абраму Петрову быть в Тобольском гарнизоне майором[34], *и для того буде он по посланному 23-го дня прошлого 1729 года указу послан в Томск за караулом, оттуда его возвратить, из-под караула освободить и о том в ту губернию и для ведома в Военную коллегию послать указы, и буде которые письма у него отобраны, те ему возвратить.*

Князь Михайло Голицын,
князь Василий Долгорукий,
князь Дмитрий Голицын,

князь Алексей Долгорукий,
Василий Степанов[{95}].

Новая императрица помнила Абрама и была к нему благорасположена. Да и не пропали, наверное, втуне бесконечные о себе напоминания. Опальный инженер освобожден.

Приехав в Тобольск, Абрам, конечно, встретился со своим старым другом Семеном Мавриным.

Однако праздновать победу рано: «Абрам оставлялся в Сибири. Очевидно, что новая власть относилась к нему с некоторою подозрительностью… надо думать, что и в этих новых условиях наш африканец чувствовал себя очень невесело»[{96}]. Радость наступит позже, когда Абрам Петров получит указ императрицы, призывающий его в столицу. Указ о назначении в Эстонию и переводе в Инженерный корпус.

ГЛАВА 6.
ПЕРВАЯ ЖЕНИТЬБА

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Пушкин, октябрь 1824.

Под началом графа Миниха

25 сентября 1730 года главный прокурор Ягужинский зачитывает в Сенате указ императрицы Анны Иоанновны, который определил судьбу тобольского майора Абрама Петрова:

«…лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду фонминихена, а ему определить его в Пернове (потом в Лифляндской губернии) к инженерным и фортификационным делам по его рангу».

На самом деле назначение это было вызвано не высочайшим желанием вернуть чернокожего офицера из ссылки, положив тем самым конец его «сибирским злоключениям», не заботой о его благополучии, хотя именно это было для него важнее всего. Своим «освобождением» инженер Абрам Петров обязан «другому инженеру, более влиятельному при дворе — Б, Х. фон Миниху. Впрочем, последнему это удалось прежде всего потому, что появилась жестокая нужда в инженерах, даже принят был особый указ приглашать иноземцев в помощь Миниху. Анна Иоанновна планировала поначалу продолжить грандиозные замыслы своего дяди, Петра I»[{97}].

Кто же такой граф Миних? В это время он один из самых влиятельных людей при дворе: губернатор Санкт-Петербурга, член Военной коллегии, директор работ в Кронштадте. Он имеет чин генерал-аншефа, является директором общего управления артиллерией и начальником инженерной части[35]. Этот знаменитый инженер знаком со своим менее известным, но не менее образованным коллегой Абрамом Петровым. В 1723— 1724 годах они трудились бок о бок на различных строительствах, в том числе на строительстве Ладожского канала. Там Миних не раз имел возможность оценить таланты и эрудицию русского африканца.

Ганнибал был одним из самых образованных и способных российских военных инженеров того времени. Генерал Манштейн, который много лет проработал в России, в своих «Исторических, политических и военных записках» делает следующее замечание: «Нет среди русских такого влечения к инженерному делу, как к артиллерийскому, из-за чего немногие преуспели в этой науке; большинство же офицеров инженерного корпуса выписаны из-за границы». Принимая во внимание образованность и компетентность Абрама в инженерном деле, Миних должен был тем более ценить его.

В 1730 году, только взойдя на престол, Анна Иоанновна

учредила Особую военную комиссию. Миних был назначен ее председателем. Комиссии было поручено *«все происшедшие в армии непорядки и помешательства исправить и такие основательные учреждения учинить, чтобы армия всегда содержалась в добром состоянии и сколько возможно без лишней народной тягости и напрасных убытков».* Одним из результатов работы этой комиссии стало выделение из общего управления артиллерией самостоятельной инженерной части. Был утвержден ее штат и бюджет. Во главе инженерной части встал Миних. Тогда-то он и вспомнил своего сибирского коллегу.

В том же 1730 году императрица пожаловала Абрама новым чином — инженер-капитан. Этот чин — действительно повышение. Вероятно, это также было сделано по рекомендации Миниха. Так после долгой (несколько недель) и холодной дороги встретила Абрама столица.

В первые же дни по приезде Абрам знакомится с капитаном галерного флота Андреем Диопером. Грек по происхождению, капитан Диопер прожил к тому времени в России более трех десятков лет. Петр привлек его на российскую службу в 1698 году в Амстердаме, где грек тогда обретался. В России он женился и стал отцом двух дочерей. И вот этот морской офицер с большой симпатией отнесся к Абраму.

Старшую дочь Диопер к тому времени уже выдал замуж, а младшая, Евдокия, жила с отцом. По свидетельствам современников, она была удивительно красива. Новоиспеченный инженер-капитан не замедлил в нее влюбиться и решился сделать ей предложение. Однако место в сердце прекрасной Евдокии уже занято. Как раз в это время она сблизилась с флотским поручиком Кайсаровым. Свои отношения они держали в тайне ото всех, но собирались пожениться. Когда Абрам сообщил отцу девушки о своих намерениях, Диопер не увидел никаких препятствий для их брака. Почему Евдокия не сообщила отцу о связи с Кайсаровым, неизвестно, но когда капитан передал дочери, что Абрам просит ее руки, Евдокия решительно запротестовала, однако мотивировала свой отказ только тем, что жених — «арап и не нашей породы». О Кайсарове — ни слова.

Отец и будущий зять не обращали на эти «капризы» никакого внимания. Диопер считал, что инженер-капитан — прекрасная партия для его дочери, и дал согласие на брак. Абрам же был так счастлив, что не принимал во внимание душевных треволнений невесты.

Назначена дата венчания — 17 января 1731 года.

Евдокия вынуждена покориться воле отца. Но не во всем. Накануне свадьбы она отдалась Кайсарову.

Вечером 17 января, как и было назначено, в церкви Святого Симеона Богоприимца состоялась церемония венчания Абрама Петровича Ганнибала и Евдокии Диопер. Недолгое время спустя, в марте, молодожены отправились в Эстляндию, в Пернов (нынешний Пярну), на балтийские берега.

Что же касается поручика Александра Кайсарова, то он, сломленный расставанием с любимой, покинул столицу и 5 марта того же года был переведен в Астрахань.

Внебрачный ребенок и дело об отравлении

Пернов был небольшим провинциальным городком, в значительной степени немецким. Там, однако, располагались гарнизон и школа младших военных инженеров. Абраму как раз и поручено заняться образованием учеников, или, как тогда говорили, кондукторов этой школы. Преподает он свои любимые предметы: геометрию и фортификацию.

После трех лет, проведенных в сибирской ссылке, вдалеке от двора и светской жизни, логично было бы ожидать, что Абрам захочет остаться в столице. Однако этого не произошло, на что имелись свои причины. Да, Меншиков уже сам испытал прелести сибирской ссылки, Долгорукие отстранены от дел, однако место придворного фаворита занято неким Бироном[36]. Этот человек оставит кровавый след в истории России. Вот что пишет о нем историк Хмыров: «Гордый, невежественный и злобный, Бирон, к несчастию, был доверенейшим лицом государыни, волею которой коварно и дерзко играл он, окружая престол плотною стеною своих сторонников, таких же, как он, пришлецов. Левенвольд, Менгдены, Кейзерлинги и другие бесчисленные курляндцы, перемешанные с остзейцами, водворились тогда в России, владели лучшими местами и должностями, наводнили все управления… Конфискации производились тщательно; розыски чинились неутомимо. Отдаленнейшие края России с ужасом узнавали имя Бирона, слишком известное пока одним Долгоруким»{98}. Другой историк замечает: «Страшное «слово и дело» раздавалось повсюду, увлекая в застенки сотни жертв мрачной подозрительности Бирона или личной вражды его шпионов, рассеянных по городам и селам, таившихся чуть ли не в каждом семействе. Казни были так обыкновенны, что уже не возбуждали ничьего внимания, и часто заплечные мастера клали кого-нибудь на колесо или отрубали чью-нибудь голову в присутствии двух-трех нищих старушонок да нескольких зевак-мальчишек»{99}.

Стоит также заметить, что именно тогда, в 1731 году, умерла глава и вдохновительница «компании» — княгиня Волконская. Смерть она приняла в монастыре, где жила затворницей. Это стало тяжелой потерей для членов бывшего кружка княгини: ведь многие из них так и остались в ссылке. При такой жестокой власти лучше, видимо, затаиться и не напоминать о себе. Историк И. Л. Фейнберг считает вполне вероятным, что командующий артиллерией Миних, отдавая себе отчет в том, что политическая обстановка не благоприятствовала Петрову крестнику, рассудил,

что наиболее подходящим будет ему занять второстепенную должность в Пернове, маленьком городке вдали от столицы[37].

И все же в тихом Пернове в мирную провинциальную жизнь капитана-профессора вмешиваются неожиданные события. Беспокойство на этот раз исходит от наиболее, казалось бы, близкого человека — супруги Евдокии. Она привыкла к бурной столичной жизни, ей хочется вырваться из провинциального однообразия. Да и не «слюбилось» у супругов Петровых. В доме некой мещанки Моор (Морши, как значится в документах) завязался у нее «роман», как сказали бы сегодня.

В 1877 году С.И. Опатович опубликовал обнаруженное в архиве духовной консистории дело о бракоразводном процессе Ганнибала. Вот что он пишет, основываясь на материалах дела: «Жизнь в маленьком городке с нелюбимым мужем молодой женщине очень не понравилась. Она стала искать развлечений и нашла их. Между подчиненными мужу кондукторами она обратила внимание на Шишкова. Этот молодой человек в Пернове разыгрывал роль Дон Жуана. Еще до прибытия туда Ганнибалов он познакомился с мещанкой Моршею, у которой была взрослая дочь. Шишков пообещал жениться на этой девушке, вступил с нею в связь и обманул. Морша пожаловалась на Шишкова начальству, которое распорядилось: Шишкову учинить наказание на теле, да тем дело и покончить…»

Шишкова высекли. Однако порка должного действия на него не возымела. Морша же, видимо, была сводней, так что «Шишков по-прежнему стал бывать у ней. С Моршей познакомилась и Евдокия Андреевна Ганнибал. В воскресенье, в Великом посту 1731 г. (Пасха была тогда 9 апреля), пришла она к Морше и младшую дочь ее Марию Елизабет послала за Шишковым. Тот явился. Сели играть в карты, в короли, «и когда он, Шишков, король был, то ей, капитанше, наложил, чтоб она его поцеловала, что она и учинила». После этого Евдокия Андреевна, в отсутствие мужа, нередко призывала к себе Шишкова, через писаря Тимофеева, и при таких свиданиях завелись у них любовные разговоры… От того у них «любление пошло»…»

В небольшом Пернове с населением менее четырех тысяч человек каждый шаг «Петровши» становился известен всем, тем более что пара была весьма заметной: красавица гречанка и чернокожий офицер. Естественно, что весь городок только и судачил о «бедной» капитанше, которая к тому же «пала жертвой чар» местного ловеласа. До обманутого мужа конечно же доходили слухи… Прямое же подтверждение неверности супруги он получил лишь в феврале 1732 года.

Но еще до того, как выплыла эта связь, разразился другой

скандал, ставший, думается, событием в тихой жизни городка. Случилось это в конце сентября — начале октября 1731 года. Евдокия, понесшая с первых же дней замужества, разрешилась белокурой девочкой. Естественно, что событие это тут же стало достоянием общественности. Мужу оно должно было открыть глаза на некоторые факты биографии супруги. И хотя сроки не исключали отцовства Абрама, в реальности всем все было очевидно. Рождение у гречанки и арапа белокурого и белокожего ребенка — вещь, по меньшей мере, странная. В перновском обществе и среди офицеров гарнизона это вызвало, должно быть, весьма неприятные для Абрама разговоры.

Черный офицер сразу понял, что ребенок не от него и любезная супруга изменила ему еще в Петербурге. По неизвестным нам причинам — то ли из любви к прекрасной гречанке, то ли для того, чтобы замять дело и прекратить пересуды в городке, то ли из общей терпимости — Абрам признает ребенка. Девочке дают имя матери — Авдотья[38]. Вместе с тем Абрам прекрасно отдавал себе отчет в том, что Евдокия его никогда не любила. Быть может, он просто решил закрыть глаза на поведение жены и принять все как есть.

Однако дальнейшая жизнь в Пернове становится для него невыносимой. Очевидно, что причина тому — бесконечные взгляды, ухмылки, перемигивания и едкие замечания за спиной. Он становится посмешищем всего городка. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что Абрам Петров — не просто офицер гарнизона. Он — преподаватель в инженерной школе, а ученикам его не пять и не десять лет… И Абрам пишет рапорт своему начальнику, фельдмаршалу Миниху, в котором просит отстранить его от преподавания… по состоянию здоровья.

Граф Миних соглашается ходатайствовать за своего протеже перед императрицей. Он не забыл, как много лет назад, когда ему было столько же, сколько сейчас Абраму, он вынужден был запросить отставки, чтобы разрешить свои собственные семейные дела. 11 октября 1731 года на заседании Военной коллегии Миних представил императрице прошение инженер-капитана Абрама Петрову об отставке. Документ этот сохранился в Артиллерийском архиве. Он очень показателен, поэтому приведем его полностью;

Инженерного корпуса капитан Аврам Петров бьет челом Вашему Императорскому Величеству. А мне подал челобитную, в которой написал, что служит он Вашему Императорскому Величеству с 705-го года. И при дяде Вашего Императорского Величества высокоблаженныя и вечнодостойныя памяти государе императоре Петре Великом был при всех баталиях, при которых

Его Величество своею особой присутствовать соизволил, а именно: под Добриным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при Его Величестве.

А в 716 году по указу его, государя-императора, послан во Францию, где, быв для обучения военных дел и ради присмотра тамошних порядков, служил в тамошней военной службе и тамо в 1718-м году при атаке города Фонтараби ранен тяжко на голове в двух местах. А в 724 году, прибыв оттуда паки в Россию, пожалован лейб-гвардии бомбардирскую роту поручиком. А в 727 году послан был в Тобольск, а оттуда на китайскую границу в Селенгинск для строения тамошней крепости, где по силе Вашего Императорского Величества указов порученные ему дела исполнял со всяким прилежанием. А в 730-м году по указу бывшего Верховного Тайного Совета в Тобольский гарнизон определен маэором, а сентября 25 дня по именному Вашего Императорского Величества указу во инженерный корпус капитаном, где и поныне обретается.

А ныне за очною (глазною) *болезнию и за слабым здоровьем и за протчими имеющимися у него болезнями при так касающемся яко инженер-капитану многотрудном до инженерного искусства деле ему, капитану, при корпусе инженеров быть неспособно, того ради всеподданнейше Вашего Императорского Величества прошу об отставке оного капитана Петрова о всемилостивейшем указе.*

А для его, яко чужестранного человека пропитания не соизволит ли Ваше Императорское Величество всемилостивейше повелеть: по смерть его производить ему жалованье из ныне получаемой им суммы третью часть, а именно: по сто рублей в год по рассмотрению Правительствующего Сената из какой суммы надлежит[{100}].

На прошение последовал отказ. Члены Сената сочли, что Абрам более всего нужен государству именно на этом месте. Ему лишь предписано явиться в Петербург в «Канцелярию Главной Артиллерии и Фортификации». Там его «расспросили» о состоянии сибирских крепостей, так как он там *«не малое время обретался и о тамошних местах знать ему можно»*[{101}].

Абрам Петров вынужден по-прежнему оставаться в Пернове. Отношения между супругами не улучшаются. Но вот в один из февральских вечеров к нему приходит кондуктор Гавриил Кузьминский и рассказывает о том, что слышал от другого кондуктора, Фабера: якобы Шишков *«хвалился его, капитана, окормить»,* то есть попросту отравить…

28 февраля Абрам направляет в канцелярию доношение — жалобу на кондуктора Шишкова. Он также обвиняет жену в блуде

и попытке отравления. Следствие начато сразу же. Свидетели подтвердили свои показания: «Фабер под присягою показал, что 26-го числа того же месяца мещанка Морша говорила ему: … *приходил-де ко мне Шишков и говорил, что капитан Абрам Петров болен, и кабы капитанша была умна и послала в аптеку и купила чего и дала бы ему, Петрову, и он бы не долго стал жить.* То же показала и сама Морша»[102]. Евдокия и сама подтвердила все обвинения. В течение месяца Евдокия по-прежнему «жила у мужа и только в конце марта того же года взята была в канцелярию. Ее посадили на Госпитальный двор, где обычно заключались осужденные»[103].

Вот уже во второй раз Абрам сталкивается со злобой и бесчестностью окружающих его людей. Теперь уже не от лица сильных мира сего, но от ближних своих: жены и ученика. Всего два года назад он безысходно томился в Сибири, конца этому, казалось, не будет. Вызволил его оттуда могущественный друг — генерал Миних. Он внес его в свой список лучших инженеров. Немного времени спустя в Тихвинском монастыре скончалась княгиня Волконская, другой его покровитель и друг, быть может, менее могущественный, зато более знакомый и близкий по духу. Другие же друзья были рассеяны по всей России еще Меншиковым, и новая власть не спешила возвращать их в столицу. При дворе же правил очередной зловещий и могучий фаворит — Бирон.

Кокетливые и непостоянные петербургские подружки не горели желанием дожидаться его возвращения из ссылки… Абрам был одинок. Само небо, должно быть, желало знакомства свежеиспеченного капитана с коллегой — греком Диопером и его прекрасной дочерью. Он надеялся, что сможет жить тихо-мирно в Пернове, обзавестись семьей и переждать… Но он был сыном своего времени и в матримониальных вопросах и совершенно не принимал во внимание нежелание Евдокии идти за него замуж. За него, чернокожего. Он пытался поладить с ней, старался привить ей привычки и манеры парижанок. Но все напрасно. Евдокия его ненавидела за то, что он разрушил их тайное счастье с Кайсаровым.

Разочарованию, гневу и горю нет пределов. Он прощает жене рождение белокурой девочки и признает ребенка. Но жена заводит новый роман, и с кем! С мальчишкой! С одним из его учеников. Более того, «мальчишеские» шалости доходят до того, что в сговоре с любовником собирается его отравить! Как он до сих пор ничего не замечал?

В середине 1732 года он подает новое прошение об отставке. И Миних, по-прежнему любезный, ставит этот вопрос перед

Военной коллегией и императрицей 7 июня 1732 года. Ответа наш герой дождется лишь через год.

Перновская гарнизонная канцелярия обсудила дело об отравлении и признала Евдокию виновной. Правда, завершится процесс еще не скоро, и Евдокия пробудет на Госпитальном дворе четыре года, то есть до 1737 года.

Что же до кондукторов, то они признаны виновными: *«…ево, Шишкова во ослушании команды и в фальшивых доношениях к генералитету, тако же в блуде его капитанской жены и об отраве его, капитана Петрова, в согласии с его женою. Тако ж во оном деле в ведомстве приличился об отраве кондуктор Кузьмицкой и в том признаваем во всем кондукторов Шишкова и Кузьмицкого винными…»* В том же документе сказано следующее: *«И означенные кондукторы пред судом признались во всем винны. И пред судом кондукторы просили слезно христианского прощения у господина капитана Петрова, на что означенный капитан Петров в обиде своей, не помня их злое умышление на его капитана во всем простил.*

И того ради военный суд господина капитана Петрова признает судом правым. И от военного суда дан ему, господину капитану Петрову, сей аттестат»{104}.

ГЛАВА 7.
НОВОЕ ИМЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

В деревне, где Петра питомец
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап
Я жду тебя…

Пушкин, Языкову. 20 сентября 1824.

Новое пристанище

Пришло время и Абраму обзавестись собственным поместьем. Уже с 1731 года он старается подыскать недорогое имение. В 1732 году адмирал Головин, его старый знакомый по петровским временам[39], продает ему мызу Карьякула, что в тридцати километрах от Ревеля.

Дату приобретения мызы, а также все, что связано с жизнью Ганнибала в новом имении, установил Георг Леец, книга которого, посвященная в основном эстонскому периоду жизни Ганнибала, к глубокому сожалению, увидела свет только после смерти автора. Леецу удалось отыскать в архивах «ландрол-ле» — список имений с указанием площади земельных наделов каждого, фамилий владельцев и даже количества крестьян, а также «вакенбух» — опись самого хутора, включающую сведения о ценности земельного участка, численности трудоспособных мужчин, скота, величины налога, которым обложены крестьяне. В купчей, датированной маем 1732 года, новым хозяином Карьякулы значится «капитан Ганибал». Второй раз, после иркутской летописи, встречается нам это имя. Теперь наш арап будет именоваться именно так, А с 1733 года это имя значится и в официальных документах.

21 мая 1733 года Абрам получает наконец долгожданную отставку. Ему назначена пожизненная пенсия — 100 рублей в год. Вместе с утверждением отставки выдан почетный диплом, подписанный императрицей Анной Иоанновной и фельдмаршалом Минихом. В этом документе он назван Ганнибалом. С этого времени новое имя употребляется в официальных документах все чаще и чаще, пока не вытеснит совсем имя Абрама Петрова.

И вот отставной инженер-капитан становится помещиком, землевладельцем. Очень вероятно, что именно в 1733 году он сводит знакомство с одним из офицеров ревельского гарнизона Матвеем Ивановичем (или по-шведски Матиусом Иоганном) Шебергом. Это человек непростой судьбы. Шведский дворянин и офицер, Матвей Шеберг вынужден был в свое время перейти на службу России. Вынудили его к этому шагу следующие обстоятельства: он нес службу в рижском гарнизоне, а в октябре 1709 года ему было поручено сопровождение 217 русских пленных из Риги в Стокгольм. Уезжая, он оставил в Риге семью и все свое имущество. Уже в 1710 году Рижская крепость была взята русской армией под командой Петра I. Фру Шеберг и двое детей: Христина-Регина и Георг-Карл попали в плен. Возможно, затем их

перевели в Ревель, занятый русскими 29 сентября. Вполне вероятно, что капитан Матиус Иоганн Шеберг покинул Швецию и вступил в ряды русской армии, чтобы отыскать своих домочадцев[40].

Жена капитана Шеберга происходила из старинного ливонского рода Альбедиль, имеющего итальянские корни. Первый сын Георг-Карл родился в 1706 году. Позже появились и три дочки: Христина-Регина, Юлия-Шарлотта и Анна-Густавиана. Ко времени знакомства с нашим героем Шеберги жили в Ревеле уже более двадцати лет. К сожалению, мы не знаем, при каких обстоятельствах познакомились эти два офицера. Возможно, капитан Ганнибал встретил Матвея Ивановича, когда подыскивал поместье, а может, когда оформлял свои отставные дела в канцелярии обер-коменданта. Оформление всяческих бумаг в России всегда было делом волокитным, и Абраму приходилось задерживаться в Ревеле по нескольку дней.

Как бы то ни было, Абрам снова влюбляется. Его избранница — старшая дочь капитана Шеберга — Христина-Регина. И вот отставной капитан Абрам Ганнибал поселяется в своем новом имении Карьякула уже не один. Христина Шеберг едет с ним вместе. На многие годы станет она его подругой и хозяйкой дома.

Настоящая любовь. Настоящая семья

Нет сомнений, что первый, неудачный опыт семейной жизни многому научил Ганнибала. Измена первой жены, Евдокии Диопер, должна была бы, казалось, ожесточить или, по крайней мере, насторожить его в отношении красивых женщин вообще и новой подруги в частности. Но этого не произошло. Возможно, здесь сыграло роль то, что Абрам никогда, за исключением сибирского периода, не бывал одинок: женщины были рядом с ним и при Петре, при дворе, и при другом Петре. Быть может, это его «увлечение» было в какой-то степени вызвано страхом перед перспективой одинокой жизни в эстонской деревушке. Однако думается, что основной причиной стало то, что новая подруга была полной противоположностью первой.

Христина Шеберг действительно любила его. Не было в ней ни хитрости, ни лукавства. Она хотела стать подругой и спутницей чернокожего инженера, о котором она с нежностью скажет (по словам Пушкина): *«шорн шорт делит мне шорны репят и дает им шертовск имена».* Это была образованная, умная, красивая, тонко чувствующая девушка. Надо полагать, что от шведской и от ливонской своей родни унаследовала она светлые глаза, золотые волосы, а вместе с тем и такие качества, как уравновешенность, рассудительность и хозяйственность.

Абрам также полюбил ее и конечно же захотел увидеть своею супругой. Христина едет с ним в новое поместье — мызу Карьякула, еще не будучи официально его женой. Уже осенью 1734 года она забеременела. 5 июня 1735 года на свет появляется мальчик. На этот раз никаких сомнений в отцовстве нет. Мать демонстрирует счастливому отцу смуглого младенца. Родители нарекают его Иваном в честь деда Христины. По-видимому, ее родители благословили это брак, к тому времени еще официально незарегистрированный.

По бумагам же Абрам по-прежнему числится мужем Евдокии Ганнибал, урожденной Диопер. Счастливый началом новой жизни, он совершенно упустил из виду это обстоятельство. Видимо, посчитал, что раз измена жены доказана, он свободен. Однако это не совсем так. И когда в следующем году супруги делают попытку зарегистрировать свои отношения, выясняется, что проблема сложнее, нежели представлялось. Вот что пишет С. Опатович: «Поехали в Ревель повенчаться и там стали искать подходящего православного священника. Полковые священники того времени были подчинены офицерам… К ним-то он (Ганнибал. — *Д.Г.)* и обратился, но встретил много затруднений.

Священники отказывались венчать его под разными предлогами. Ганнибал условился наконец со священником полковой церкви во имя Федора Стратилата Петром Ильиным, и тот повенчать согласился. Но вот новая беда. Петр Ильин объяснил, что венчать может только по «венечной памяти»[41] — документу, которого у него не было. Надо было достать такую «память» у кого-нибудь из приходских священников. Поискали — наконец добыли у священника Николаевской ревельской церкви Ивана Филиппова, и Петр Ильин повенчал Ганнибала на Христине-Регине Шеберг»{105}. В Николаевской церкви и произвели обряд[42].

На самом деле все обстояло еще сложнее. Чтобы добиться разрешения на повторный брак и достать у отца Ивана Филиппова «память», нужно предъявить хоть какие-то документы, подтверждающие развод. Пришлось поторопить перновскую гарнизонную канцелярию. Абрам запрашивает решение по делу о разводе, но решения еще нет. И вот перновские офицеры «учинили сентенцию». Часть этого документа, касающаяся кондукторов, приведена выше. В части же, посвященной делу *«в блуде жены его капитана и к отраве его капитана женою»,* сказано следующее:

«Прелюбодеице учинить наказание — гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на Прядильный двор, на работу вечно[43]; а Ганнибалу, как невинному, за руками всех присутствующих, выдать аттестат»{106}.

Но Евдокия решила не дожидаться исполнения жестокой «сентенции». Она переходит в атаку: «…между тем Евдокия Андреевна упросила кого-то написать прошение в Фортификационную контору, чтобы ее вытребовали в Петербург. Ее вытребовали. Теперь дело Абрама Петровича приняло оборот, для него не совсем удобный. В царствование Анны Иоанновны влияние его ограничивалось одним только Перновым, в Петербурге птенцы Петра I не пользовались особым уважением…

Евдокия Андреевна в Петербурге не оставалась в бездействии. От ее имени подана была 1 марта 1737 года челобитная в Святейший синод. В ней подсудимая заявляла, что показания свои в перновской канцелярии дала неправильно, опасаясь угроз мужа; неправильно показал и кондуктор Шишков, по команде подчиненный Ганнибалу. Евдокия просила дело об ней произвести в духовном ведомстве и там же передопросить как мужа ее, так и свидетелей. Вместе с тем она просила освободить ее из-под караула, дабы «голодной смертью не помереть»{107}.

Началась длинная переписка Фортификационной конторы с духовенством, и наконец дело вытребовали в Синод.

Белокурой девочке шел уже седьмой год. Мать же, виновница

ее скандального появления на свет, неверная жена, признавшаяся в попытке отравления мужа, выставляет себя невинной жертвой своего супруга. Она обвиняет его в том, что он жестоко избивал ее уже в марте 1732 года, чтобы заставить сознаться в преступлениях, которых она вовсе не совершала…

По словам С. И. Опатовича, Ганнибал «приставил к ней крепкий, надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки несчастной, и ее тело повисало в воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж *«бил и мучил несчастную смертельными побоями необычному* принуждая ее, чтобы она при суде на допросах показала, будто *«с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить и с ним, Шишковым, блуд чинила».* При этом в случае, если она покажет не по его желанию, *«грозил ее, Евдокию, убить».*

Однако обвинение это весьма сомнительно. С. И. Опатович, к сожалению, не опубликовал самих документов бракоразводного процесса, но лишь пересказал их. Как пишет другой русский историк М. Вегнер, «судебные дела вообще и бракоразводные в особенности — очень рискованный источник. В них обычно слишком много преувеличений, извращений и, наконец, просто выдумки и лжи. Поэтому использование подобных дел в целях исторических и биографических требует величайшей осторожности. Мы не знаем, насколько Опатович проявил ее… К сожалению, Опатович не сообщил, откуда идет сообщение о подобных истязаниях — от одной ли жены или подтверждено другими свидетелями. При таких условиях нельзя установить, насколько оно соответствует действительности»{108}.

Опатович также отрицает в своей статье факт появления незаконнорожденной девочки. В материалах дела она не упоминается, а значит, считает он, ее не было вовсе. Вслед за ним в русской литературе укоренилось мнение, что незаконный ребенок — не более чем миф, позднейший вымысел. Пытки же и истязания, в которых Евдокия обвиняет мужа, Опатович считает проявлениями так называемого «африканского темперамента» арапа[44]. Но история всей жизни Абрама доказывает, что это был человек великодушный, благородный, открытый для дружбы.

В браке с Христиной-Регином он нашел свое счастье. И не важна ему разница в вероисповедании. Жена его — протестантка, но он не неволит ее переходить в православие. Абрам признает за женой право веровать и исполнять обряды так, как она привыкла с детства. В 1737 году чета Ганнибалов во второй раз празднует рождение ребенка. Христина Ганнибал разрешилась девочкой, которую назвали Елизаветой в честь Елизаветы Петровны, дочери

Петра, с которой Ганнибал сохранял действительно родственные, братские отношения.

Итак, на мызе Карьякула жизнь течет в мирных заботах: дети, урожаи, крестьяне…

В «ландролле» за 1739 год видим, что мыза Карьякула была одним из самых маленьких хозяйств в Эстляндии{109}. Однако Ганнибалу грех жаловаться: «своя и крестьянская пашни, выгон, сенокос, земля, поросшая кустарниками, небольшой лесок — все это составляло около 150 гектаров. 9 семей — бурмистр, пастух, хлебопашцы. Каждой семье полагалось отработать на барина 11 человеко-дней в неделю, а летом — на семь дней больше. А кроме того, каждая семья доставляла владельцу мызы в качестве оброка ежегодно две овцы, четыре курицы и 20 яиц»{110}.

В семье Ганнибалов теперь пять человек — супруги и трое детей: Иван четырех лет, Елизавета двух лет и Авдотья, дочь от первого брака, восьми лет.

В том же году в Сенат поступила челобитная от *«отставного майора Аврама Петрова сына Ганибала, который служил при дворе лейб-гвардии в Преображенском полку, что определено ему жалованья в год толко по 100 рублей и оным ему с женою и детьми прожить невозможно, и просит он о прибавке жалованья и из ревелских дворцовых мыз семей сколько соизволено будет».* По челобитной велено навести справку в Военной коллегии *«чего ради отставлен и пропитания дано такое ль, как по регламенту положено».* По слушании дела 18 марта 1740 года в челобитной было отказано{111}.

Но непохоже, чтобы этот отказ сильно огорчил счастливого отца. «Эти восемь лет, — пишет Марк Сергеев, — были, может быть, самыми счастливыми годами Абрама Петровича изо всех, прожитых им после кончины его высокого патрона».

Однако не все было так безоблачно. К ожиданию своего часа примешивался и страх: боялся он, как пишет Натан Эйдельман, «страшной бумаги, которая вдруг может против воли перенести с одного океана на другой».

Но 1740 год стал последним годом царствования Анны Иоанновны. При дворе в Петербурге произойдет множество перемен, и изменения в жизни государства отразятся конечно же и на жизни семейства Ганнибалов.

Ревельский подполковник

17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна. Власть унаследовал двухмесячный Иван VI (Иоанн Антонович). Регентом назначен все тот же Бирон. Власть, вроде бы, осталась прежней, однако многие хотели положить конец тирании временщика. Россия устала от фаворита покойной императрицы. Ждали лишь подходящего момента. И такой момент наступил.

В ночь с 8 на 9 ноября, то есть всего три недели спустя после кончины императрицы, происходит дворцовый переворот. Офицеры Преображенского гвардейского полка под командованием фельдмаршала Миниха врываются в покои регента и арестовывают его. «Правительницей государства стала мать малолетнего императора Анна Леопольдовна, а первым министром — фельдмаршал граф Б. Х. Миних, друг и покровитель Абрама Петровича Ганнибала»[{112}].

Естественно, что эти события не могли не коснуться отставного инженер-капитана. Прошло всего три месяца с тех пор, как Миних занял пост премьер-министра, а в имение Карьякула мчится уже гонец из Петербурга. Он везет вести, которые положат конец мирной деревенской жизни нашего помещика.

Абрам выехал в столицу и подал челобитную о приеме на военную службу. Именным указом правительницы Анны Леопольдовны, принцессы Брауншвейг-Люнебургской, 23 января 1741 года отставной инженер-капитан *«за долговременные и безпорочные его службы»* произведен в подполковники и определен в ревельский гарнизон. Этим же указом ему пожалована *безарендно, по его смерть* из государственных земель деревня Ра-гола (Рахула) в окрестностях Ревеля. С деревней в пожизненное владение отданы девять крепостных. По некоторым оценкам, это новое владение по доходности втрое превосходило прежнее.

Сразу же по объявлении указа в присутствии Сената подполковник А. П. Ганнибал принял в Военной коллегии присягу на верность России[{113}].

Итак, Ганнибала назначили в Ревель, столицу Эстляндии. Будучи подполковником, он автоматически получает должность начальника артиллерии Ревельской крепости. Выбор этот не случаен.

Положение России в те годы было крайне сложным. В шведском риксдаге бурно дискутировался вопрос о реванше.

Партия так называемых «шляп» ратовала за ревизию Ништадтского договора и войну с Россией, партия же «колпаков» выступала за мирные переговоры по этому поводу. Притом и те, и другие сходились на желании вернуть потерянные в ходе Северной войны Эстляндию и Лифляндию.

Продолжалась и русско-турецкая война, из которой Россия никак не могла выйти. Швеция же искала союза с Турцией. Только после одержанной Минихом 17 августа 1739 года блестящей победы над турками при Ставучанах был положен конец этой затянувшейся войне и угроза войны на два фронта стала рассеиваться.

Сложившаяся ситуация вынуждала правительство обратить особое внимание на укрепления Ревельской крепости, которые со времен Петра пришли в явную негодность. Эстляндский губернатор генерал-лейтенант Г. Дуглас[45] доносил в 1738 году: *«Имеющиеся в море морская крепости, цитадель и двойная батарея так обветшали и погнили, что и пушкам стоять опасно»*{114}. Два года спустя преемник графа Дугласа барон В. Левендаль[46] писал в Петербург, что в Ревельской крепости *«перед двумя полигонами во многих местах через вал и ров можно не только пешему пройти, но и конному проехать»*{115}.

«Не удивительно, — пишет Г. Леец,- что в такой тревожной обстановке фельдмаршал Б. Х. Миних вспомнил о своем прежнем подопечном — способном военном инженере и артиллеристе, проживавшем на покое в своей ревельской деревне»{116}.

Ревель. 1741 год

Соскучившийся по настоящему делу Абрам с рвением взялся за наведение порядка в своем хозяйстве. А оно досталось ему не в самом лучшем состоянии. По инвентаризационной описи, сделанной за три года до назначения его в Ревель, в крепости значились: на валах и башнях 203 орудия разных калибров, в «лаборатории» (ремонтных мастерских) — 16 неисправных, в цейхгаузе — 42.{117} Это в несколько раз меньше того количества пушек, которое считал потребным для обороны этой крепости Петр! Но новоиспеченный подполковник взялся за дело всерьез: подтянул дисциплину в артиллерийских частях, завел строгий учет орудий и боеприпасов (до его прихода вовсю процветала торговля деталями орудий из цейхгауза), определил порядок работ по укреплению батарей. Пополняется штат, в цейхгаузе изготовляются гранаты, поправлены прохудившиеся крыши в арсенале и лаборатории…

Но успехи нового артиллерийского начальника не радовали начальство. Дело в том, что назначение Ганнибала расстроило планы губернатора Эстляндии, барона Левендаля, который берег это место для своего ставленника — некоего шведа, майора Гольмера[47], ставшего теперь непосредственным подчиненным арапа.

Не ко двору пришелся подполковник и обер-коменданту крепости, генерал-лейтенанту де Брини[48], своему непосредственному начальнику. Он был в большой дружбе с губернатором.

Майор Гольмер, пользующийся поддержкой губернатора и обер-коменданта, не только отказывается подчиняться своему непосредственному начальнику, но и чинит ему всякие козни. Например, он подговаривает некоего поручика Асеева, чтобы тот попросил перевода в другую часть, *«чтоб сдесь место опорожнил для незнаемой некоторой персоны»*. Оказывается, что именно Гольмер является организатором процветающей на цейхгаузе торговли казенными материалами, однако на рапорты губернатору об этих безобразиях никакой реакции не следует.

Тогда Абрам решает обратиться в более высокие инстанции. В начале мая он пишет в Петербург, генерал-фельдцейхмейстеру принцу Гессен-Гомбургскому[49] жалобу, в которой перечисляет все прегрешения Гольмера.

С другими подчиненными у Абрама, видимо, сохраняются хорошие отношения, так как в конце он добавляет: *«И я ныне имею, со всеми здешними афицеры, во исправлении ревелской*

Арьтилерии неусыпный труд».

В мае же он направляет Гессен-Гомбургскому еще одно письмо, в котором жалуется уже на де Брини: *«Беспрестанно принимаю не по делам моим всякие несносные репреманды и изгнание, не так как артилерии штап-афицера, но и последний обер-афицер снести того не может… и в том я от своей братьи штап-афицеров имею не малое презрение».* И далее приводит многие факты «изгнания» его «Дебринием». Так, например, тот приказал скинуть пушки с крепостных валов, а потом свалил это на подполковника. Пытался выгнать его с квартиры, данной магистратом… (Не будем сейчас подробно останавливаться на этом письме, так как все произошедшее Абрам изложил в рапорте в 1742 году уже гораздо спокойнее. Этот рапорт будет приведен ниже.) Вот Ганнибал и просит *«от таких нетерпимых и наглых напатков меня бедного охранить»*{118}.

Начальник артиллерии немедленно направил «репреманд» к де Брини. Последний, видимо, струхнул и ответил, в частности, следующее: *«Что касаетца до артилерии, всякое вспоможение чинить долженствую, и что угодно ему впредь… о касающихся нуждах ко артилерии, и в ево во всяких случаях, сколько возможность моя допустит, вспомогать буду»*{119}.

Вообще говоря, на военной службе, где дисциплина и субординация устанавливают строгий порядок во взаимоотношениях между подчиненным и начальником, подобные острые конфликты возникают достаточно редко. До нас дошел подробный рапорт генерал-майора Ганнибала, написанный им уже в 1742 году. Рапорт этот состоит из 22 «пунктов», из которых первые 12 относятся как раз к ревельскому периоду его жизни. Мы приведем этот бесценный для историка документ, так как он лучше всего рассказывает о том, что же творилось тогда в эстляндской столице.

В высокий кабинет Ея Императорскаго Величества от

генерал-майора и ревелскаго обер-Коменданта Ганибала

всенижайшее доношение

Генерал и Кавалер и Ревелский Губернатор граф Левендаль, не доброхотствуя ко мне и не хотя видеть меня в своей команде в Ревеле, многие мне чинит напрасные нападки и вымышленные

злобы, хочет обнести напрасно Ея Императорскому Величеству и как бы можно меня к несчастию привесть для своих прихотных и партикулярных поступок, а за что, — тому всенижайше при сем приношу для всемилостивейшего Ея Императорского Величества расмотрения нижеследующие пункты.

Ноября 22 дня Генерал-майор

1742 г, А. Ганибал

1.

По высочайшей милости Ея Императорского Величества в прошлом 1741 году был я пожалован в ревелской артилери в подполковники.

2.

А в то время граф Левендаль, ревелской губернатор, был в Петербурге, то я пришед к нему, как к главному Командиру по моей должности; то он на меня, что я к ревелской артилери определен, — кричал веема так, яко на своего холопа, ибо тогда при той артиллерийской команде был криатур швецкой нации майор Голмер, которого велено вывезтъ в Нарву.

3.

А как уже я прибыл в Ревель и команду артиллерийскую принял, то он, Левендаль, всячески меня гнал, чтоб мне в Ревеле не быть, и делал обиды не токмо собою, но и чрез бывшего тогда в Ревеле обер-Коменданта Дебриния, — чем бы возможно к несчастию привестъ; к тому ж не толико меня, но и обретающихся в ревелском гарнизоне штаб и обер-офицеров гнали вон таким случаем, что посылали к ним с угрозами, чтоб просили в отставку доброволно; а ежели доброволно не пойдут, то и с нечестию будут выгнаны, и между некоторыми разговоры грозил заочно мне, что я де его как могу то сделаю, что он и сам не рад тому будет, что в ревелской гарнизон просил.

4.

И между прочими мне их злодейскими обще обидами стоял я на отведенной мне от ревелскаго магистрата квартире, и жена моя тогда была на последних часах к рождению младенца, то обер-комендант Дебриний прислал ко мне объявить, чтоб я с той квартиры вышел доброволно вон, а ежели доброволно не выду, то хотел выбить безвременно и мой багаж выкинуть на улицу, то я посылал к нему, Дебриншо, просить от артилери обер-офицера, дабы он того мне за имевшею жены моей болезнью не учинил, и он, Дебриний, тому посланному офицеру объявил тож, и в магистрат писал тож, чтоб меня с той квартиры конечно выбил, но токмо того магистрат по его писму не учинил.

5.

И как оный Дебриний писал в ратушу, сыскав те резоны, что

якобы оный дом строен солдатами, то я, взяв тогда с того писма копию и обьявя губернатору Левендалю, и о той наглой на меня обиде словесно просил; точию на то мое прошение резолюции никакой не учинено, почему мог я присмотреть, что то у них чинено ко изгонению меня с общего согласия.

6.

А в прошлом году по объявлени швецкой войны то по присылаемым ко мне от Его Светлости Ланд-Графа принца Гессен-Гомбургскаго строгих указов и ордеров велено содержать артилерию во всякой исправной готовности и от неприятелскаго нападения ко обороне во осторожности, то тогда мне обер-комендант Дебриний словесно многократно говорил, чтоб с крепости имеющиеся пушки свалить, но токмо по словесным его указам я представлял ему резоны, что в нынешнее время того учинить невозможно.

1,

И как видя оный комендант, что я того по словесным его приказам не чиню, то он о исполнении того ко мне писменно ордером предложил, дабы с городовых валов пушки сбросать, что и учинено.

8.

И как увидя штаб и обер-офицеры, тако ж солдатство и прочие российского народа люди, что пушки болтая часть свалены и город имеется от неприятеля без защиты, то стали между себя многие переговаривать и знатно, что те переговорки ему, Дебриншю, дошли.

9.

И потом он, видя, что учинено так непорядочно, то призвав меня в дом и при многих штаб и обер-офицерах о том на меня кричал не обычно, что по моему характеру веема то было обидно, чего ради оныя пушки с города свалил якобы я собою, на что я ему объявил, что оное я учинил — по ордеру ево, то он при всех штаб и обер-офицерах в том заперся, что якобы ордеру такова ко мне не посылал, и я ему выняв оный ордер из кармана, и объявил, который ордер он, Дебрини, посыкался (попытался. — *Д. Г.) якобы отнять, точию я в руки ему не отдал.*

10.

И потом паки оный Дебрини сваленные пушки с города, чтобы паки поставить по прежнему, предложил ордером ко мне, которые пушки по силе того ордера я и приказывал ставить по прежнему, от которого бросания и паки поднятия пушек на валы в вешние и беспокойные погоды в полках из солдатства и артиллерийских служителей знатное число и больных умножилось.

11.

И о вышеписанном обо всем и во обидах и злодейских на меня нападений и изгнаниях от вышепредписанных губернатора и тогдашнего обер-коменданта Дебриния по несносной мне нетерпеливости приносил мою жалобу писменно его высоко-княжеской светлости Господину Генералу Фельдмаршалу и генералу фельдцейхмейстеру Ланд-Графу Гессен-Гомбургскому, на которое мое приношении Его светлость милостиво соизволили писать обо мне в рекомендацию к упомянутому обер-коменданту Дебринию, чтоб мне обид и утеснение не чинил.

12.

И как тое рекомендацию получил он, Дебриний, от Его Светлости, то призвав меня к себе на называемый Швецкий бастион в поставленную палатку, и як нему пришед с артиллерийским одним офицером, то он мне с ласковостию говорил, знатно де ты на меня писал жалобу к Его Светлости, и я ему на то объявил, что я по несносной мне вашей обиде и напрасного утеснения принужден был принесть мою жалобу; то он говорил, что мало ли чего живет в команде да обо всем надобно и жаловаться. И потом таясь того артиллерийскаго офицера взяв меня и отведя говорил по французски, что я чинил тебе обиды не собою, но по велению губернатора Левендаля, ибо де он, губернатор, мне над вами велел всякого случая искать, чем бы тебя можно было из Ревеля выгнать, он де на тебя сердит того ради, что ты определен в Ревель, а майор Голмер выслан в Нарву, а по приеме команды ты репортовал о издержанных майором Голмером из Цейхгаузов материалов к князю Гессен-Гомбургскому; а о том ты сам ведаешь, что собою мне гнать тебя не из чего, ибо еще при жизни блаженной памяти великаго Государя Императора Петра Перваго ты был брату моему и мне великие друзья между собою; на что ему объявил, что прежнее дружество помнишь, за то благодарствую, точию ныне не знаемо чего ради меня гонишь и напрасно к несчастию приводишь…

Генерал-майор А. Ганибал[{120}].

27 июля 1741 года Швеция объявила войну России. Прибалтике предстояло оказаться в эпицентре военных действий. Особо важное значение придавалось обороноспособности Ревельской крепости. Видимо, приведенные выше донесения вызвали в Петербурге сомнения в надежности генерал-майора Адриана де Брини, командующего обороной Ревеля. В сентябре 1741 года обер-комендантом в Ревель назначен генерал-майор Михаил Философов. С ним у Ганнибала никаких трений по служебным и личным делам не возникало.

Военные действия так и не затронули Ревель. Отпугнули ли

шведов слухи об энергичном и принципиальном коменданте, или же дело объяснялось общей слабостью шведских войск в этой войне, которой дивились историки и современники, неизвестно. Но в 1741 году русские войска одержали победу в тяжелой битве при Вильманстранде, заставив шведские войска отступать с самого начала. На этом военные действия затихли, хотя война еще не закончилась.

В том же году Христина разрешилась второй дочерью. Назвали ее Анной — в честь второй дочери Петра, Анны Петровны.

ГЛАВА 8.
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Помяни мя, Господи, егда приидеши

Лука 23-41

Елисавет

С приходом генерал-майора Философова служба ревельского подполковника стала поспокойнее. Однако в столице в это время о покое мечтать не приходилось. Назревал новый дворцовый переворот.

«Россия переживала тогда эпоху смутную. Возвышения и падения лиц самых влиятельных сменялись одно другим — и Петербургом начиналось и оканчивалось все. Одной ноябрьской ночи, с Преображенским капральством, было достаточно для того, чтобы, уничтожив ненавистного всем регента, передать правление государством в руки неспособной принцессы в 1740 году, — и такой же ночи, с таким же капральством, хватило на то, чтоб, отняв власть и свободу у беспечной правительницы, воцарить на место ее сына, всеми признанного императора-младенца, новую императрицу в 1741 году»{121}.

В самом деле, в течение одной ночи в ноябре 1741 года произошла очередная смена режима. Н. Я. Эйдельман воссоздает довольно впечатляющую картину переворота:

«В ночь с 25 ноября 1741 года гренадерская рота Преображенского полка еще раз переменила власть в России. Рота — немного, около 200 человек; но огромные корпуса, армии разбросаны по стране, а гвардейская рота — «правильно расположена»: дворец не впервые взят штурмом теми, кто поближе к нему, остальная же империя — придет день, «получит грамотку» о новом правителе. На этот раз подготовка заговора была, кажется, довольно простой: Иван Антонович, на 14-м месяце царствования и 16-м месяце жизни, еще был не очень государственным человеком; его мать Анна Леопольдовна четырьмя месяцами раньше родила девочку, Екатерину, и, по обыкновению своему, проводила недели в пирах и забавах; наконец, отец императора принц Антон более всего следил за постройкой нового дворца и парка, где можно было бы по дорожкам разъезжать на шестерке лошадей… К тому же он только что присвоил себе сверхвысокий чин генералиссимуса, а вопрос о соответствующей форме и параде был не из простых…

Для того чтобы свергнуть этих простодушных правителей, понадобилось немного. Во-первых, претендентка царского рода: таковая имелась. 32-летняя Елизавета Петровна, дочь Петра Великого и Екатерины I, долго жила в страхе и небрежении. Другие, более весомые претенденты оттирали ее от престола и постоянно подозревали, следили… От тюрьмы и ссылки принцесса спаслась, может быть, вследствие веселого,

легкомысленного нрава, а также изумительно малой образованности… До конца дней своих она так и не поверила, что Англия — это остров (действительно, что за государство на острове!)…

Елизавету не считали за серьезную соперницу, и это ей немало помогло.

Второе благополучное обстоятельство — ревность русских дворян к «немецкой партии»; мечта скинуть вслед за Бироном всех чужеземных министров, сановников, губернаторов и захватить себе их места и доходы. В гвардейском Преображенском полку было немало молодых дворян, готовых мигом вознести на трон «дщерь Петрову» — нужен был только сигнал, да еще нужны деньги…

Третьим «элементом» заговора стал французский посол маркиз де Шетарди: ловкий, опытный интриган пересылал Елизавете записочки через верного придворного врача; француз не жалел злата для того, чтобы свое влияние на российский двор усилить, а немецкое — ослабить.

В нужный день в Преображенские казармы доставляются винные бочки — бравые гвардейцы поднимают на руки любимую Елизавету, входят в спящий дворец Ивана Антоновича без всякого кровопролития… Разве что кому-то свернули скулу и кого-то сбросили с лестницы…»{122}

Утром 26 ноября было объявлено о том, что Елизавета Петровна стала Самодержицей Всероссийской. Абрам Ганнибал на балтийских берегах встретил эту весть, естественно, с восторгом. Лучшего он не мог желать. Его послание новой императрице — одно из самых кратких и аллегорических в истории. Текст содержит лишь восемь евангельских слов: *«Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое».*

Ответ не заставил себя ждать. Абрам получает от крестной сестры приглашение ко двору, в Петербург. Императрица приняла его лично и была к нему «благосклонна».

12 января 1742 года был подписан именной указ императрицы, касающийся Абрама Ганнибала и являющийся ярким доказательством «благосклонности» Елисавет к крестному брату. Оригинал этого документа сохранился в Центральном государственном архиве Российской Федерации:

Всемилостивейше пожаловали мы от артиллерии подполковника Аврама Петрова сына Ганибаля в наши генерал-майоры армейские и быть ему в Ревеле обер-комендантом. А нынешнего обер-коменданта генерал-майора Философова перевесть в Ригу в обер-коменданты на место умершего генерал-майора и обер-коменданта Родинга.

Оному ж Авраму Ганибалю всемилостивейше пожаловали мы за его долговременные и верные службы во Псковском уезде пригорода Воронина Михайловскую губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана к нашему дворцу, в которой по ведомости из нашей дворцовой конторы показано по переписи генералитетской 569 душ, со всеми к ней принадлежащими землями в вечное владение и повелеваем нашему Сенату учинить по сему нашему указу. И о том, куда надлежит, послать наши указы.

Елисавет

Генваря в 12 день 1742 в Санкт-Петербурхе

В Сенат получен того ж генваря 13 дня, №11.{123}

Однако не ко всем так ласкова новая императрица. Вместе с Брауншвейгской фамилией арестованы и сосланы в Сибирь многие вельможи-иностранцы. В том числе и Миних — он обвинен в том, что «не защитил перед Бироном завещания Екатерины I» и в «ноябрьском перевороте прошлого года способствовал вступлению на престол отпрыска Брауншвейгской фамилии, а не прямого потомка Петра I, царевны Елизаветы Петровны»{124}. Елизавета намеревается также собрать в казну многочисленные имения, розданные при предыдущей беспечной правительнице. 31 декабря 1741 года выходит о том специальный указ. Абрам немедленно берется за перо — ему явно не хочется терять обжитую уже Раголу:

В бывшее правителство принцессы Мекленбургской Анны через высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость пожалована мне в Ревелском уезде деревня Рагола, в которой толко 8 мужиков имеетца.

А в прошлом 741 году декабря 31 дня по высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу велено: кому в то бывшее правителство деревни даны, оные от них возвратить,

И дабы высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено было вышеупомянутую деревню Раголу, в которой 8 мужиков, ежели оная, потому что хотя я и в бывшее правителство, но чрез высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость получил, за мною оставлена быть не имеет, а у меня принять или высочайше пожаловать мне оную деревню в вечное потомство.

Всемилостивейшая государыня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить{125}.

Решение было учинено 28 сентября 1743 года. Рагола оставлена Абраму в вечное потомственное владение.

Ганнибал возвращался в Петербург после пятнадцатилетнего перерыва. Со смертью его крестного отца в 1725 году и Екатерины I двумя годами позже доступ ко двору был ему заказан. Его друзья, пережившие изгнание и опалу, встретились вновь при дворе. Елизавета приближает и возвышает «забытых и забитых последним 15-летнем» (по выражению М. Д. Хмырова) птенцов гнезда Петрова. Члены «компании» княгини Волконской снова входят в силу: Иван Черкасов возвращен из Астрахани и назначен кабинет-секретарем императрицы «для отправления комнатных письменных дел», пожалован званием действительного статского советника и титулом барона; Исаак Веселовский стал членом Коллегии иностранных дел и учителем русского языка великого князя Петра Федоровича; Алексей Бестужев — вице-канцлером (а в 1744 году и великим канцлером), Михаил Бестужев — обер-гофмаршалом императорского двора… Но были и такие, что не дожили до этих дней, в том числе сама княгиня Аграфена Волконская. Егор Пашков пробыл вице-губернатором в Воронеже до 1734 года, после чего был назначен губернатором в Астрахань, где и умер в 1740 году{126}.

Во время пребывания в столице зимой 1741/42 года Абрам Ганнибал был приглашен на обед к старым друзьям — Суворовым. Этот на первый взгляд обычный дружеский визит окажет решающее влияние на судьбу одного из прославленнейших сынов России.

Сохранился рассказ одной знатной дамы, чьи безымянные записки опубликованы в 1882 году в «Русском Архиве».

Василий Иванович Суворов, прокурор Петербурга, во время этого обеда пожаловался Абраму, что есть, мол, у него сын, на шесть лет старше Ивана, да уж больно он щуплый и малосильный. Такого и в армию приписывать не годится, ибо, как известно, солдату в первую очередь нужны сила природная да выносливость. А он, как на грех, бредит военным делом.,. Абрам Петрович преподавал в престижных военных школах, был учителем Петра II — пусть поговорит, вразумит его.

Абрам пошел в комнату Саши и увидел его распростертым на полу, где лежала огромная карта с нанесенными на ней линиями фронтов, с обозначенными редутами, артиллерийскими батареями; роты игрушечных солдат дрались за каждую пядь, конники неслись через поле, и флаг российский развевался над головами их. Мальчик был так увлечен боем, что не заметил гостя. А тот стоял и следил за перемещениями войск, потом и сам не выдержал, увлекся, стал давать советы, с которыми Саша соглашался не всегда. Разгорелся спор, который перешел в длинный разговор. Ганнибала поразили зрелые суждения

Суворова-младшего об армии, о переменах, которые бы он учредил, будь его власть…

Вернувшись к Василию Ивановичу, он произнес исторические слова:

— *Оставь его, пусть он делает как хочет; он будет умнее и тебя, и меня.*

В том же году Александр Суворов записан на службу в лейб-гвардии Семеновский полк{127}.

Ревель. 1742 год

В жизни супругов Ганнибалов 1742 год оказался исключительно богат на события. Положение Абрама изменилось кардинально: он стал теперь главным военачальником города и вторым после губернатора человеком в Эстляндии. Новое имение Михайловское приносило немалый доход, всего же к этому времени во владениях семейства коменданта насчитывалось около шестисот семей крепостных[50].

Вообще следует заметить, что чин армейского генерал-майора соответствовал тогда чину флотского контр-адмирала, а в гражданской иерархии — действительного статского советника. Согласно введенной Петром в 20-е годы знаменитой Табели о рангах, генерал-майор занимал четвертую (из четырнадцати) ступень в общей иерархии. Производя Ганнибала в «наши генерал-майоры», императрица, назвавшая его принародно «братом» своим, переводила его сразу через несколько ступеней иерархической лестницы: подполковник занимал на ней лишь седьмую ступень. Но назначение это было полностью оправдано верной службой офицера. Как никто другой заслуживал он этого чина. Не скончайся в свое время Петр, Ганнибал давно бы уже стал генералом, как большинство ординарцев императора, не пострадавших от репрессий 20-х годов.

Жизнь научила Абрама осторожности. Горький опыт показывал, что полученные чины и привилегии нужно за собой закрепить. Он стал крупным землевладельцем, а значит, нужно, чтобы ему был дарован дворянский титул. Все в том же январе 1742 года Он отправляет на имя императрицы Елизаветы Петровны прошение. Этот бесценный для историка документ, впервые опубликованный А. Барсуковым в «Русском архиве» в 1891 году, является, помимо прочего, практически единственным источником информации о происхождении Абрама Петровича, исходящей от него самого. Итак, вот выдержки из этого прошения:

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня, Императрица Елизавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая. Бьет челом Генерал-майор и Ревелский обер комендант Аврам Ганибал, а о чем мое прошение тому следуют пункты.

1.

Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатнаго дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города; в 706 году[51]

выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславиче, волею своею, в малых летах, и привезен в Москву в дом блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и крещен в православную, Греческаго исповедания веру; а восприемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею высочайшею персоною; и от того времени был при Его Императорском Величестве не отлучно.

...

3.

По кончине же Его Императорскаго Величества и Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и Государя Императора Петра Второго; с 730 года служил в Инженерном корпусе капитаном, а в 1741 году определен в Ревелский Гарнизон Подполковником, а в нынешнем 1742 году по Всемилостивейшему Вашего Императорскаго Величества указу, за верные мои и беспорочные службы, пожалован в Генерал-Маиоры от Армии и в Ревель обер-комендантом и деревнями Всемилостивейше награжден; а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет.

И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества Указом повелено было, дворянство мое Вашего Императорскаго Величества Грамотою Всемилостивейше подтвердить и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости Гербом меня пожаловать.

Всемилостивейшая Государыня, прошу Вашего Императорскаго Величества, о сем моем прошении решение учинить… К поданию надлежит в Правительствующий Сенат[{128}].

Ответа придется ждать долго. Заметим, что уже в 1742 году Абрам Ганнибал пользовался личной печатью с гербом, в частности, запечатывая свою переписку с Ревельским магистратом. Эта переписка хранится в Таллинском государственном архиве. Припечатывал он свои письма печатью с оригинальным гербом «в виде щита со шлемом над ним, по бокам щита намет — листовые разводы; на щите изображен слон, на нем подушка с тремя лентами, а на подушке корона; под щитом инициалы какого-то девиза на латинском языке — FVMMO». Позже герб претерпел некоторые изменения: вокруг щита появились знамена и жерла пушек, под девизом — пушечные ядра. Латинский девиз до сих пор однозначно не расшифрован. Дело в том, что описание герба с расшифровкой девиза, которое полагалось прикладывать к прошению, в архивах Герольдмейстерской конторы не сохранилось. Чертеж был либо изъят, либо потерян. Георг Леец предполагает, что эти буквы могли быть аббревиатурой латинской фразы Fortuna Vitam Meam

Mutivit Oppido (Optime), что означает «Фортуна необычайно изменила мою жизнь». Предположение это основывается на том, что «герб был подан Ганнибалом ко утверждению непосредственно после головокружительного взлета…», а следовательно, «у него могла возникнуть мысль отметить этот «новый момент его счастья» в девизе на гербе»[{129}].

Н. Я. Эйдельман высказал предположение, согласно которому латинские буквы образуют слово, которое переводится как «Я стреляю (из пушек)» и должно знаменовать воинские доблести Ганнибалов.

В челобитной генерал-майору было отказано. Дворянского достоинства добьются лишь его потомки. Значит, всю жизнь Абрам пользовался неутвержденным гербом (как, заметим, многие в те времена). В журнале Герольдмейстерской конторы под 1781 годом записано:

«По челобитной генерал-майора и Ревельскаго обер-коменданта Ганибала, о подтверждении его дворянства и о пожаловании ему диплома и Герба определено: как резолюциею Правительствующего Сената 1768 года Генваря 11-го велено: по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда в Комиссии о сочинении проекта новаго уложения генеральное о том положение учинено будет, да и самый проитель Ганибал с 1742 года хождения по делу не имеет, почему и жив ли он неизвестно, для чего сие дело и отдать в архив. Подлинное за подписанием Герольдмейстерской конторы»[{130}].

Но это все впереди, а сейчас семейство Ганнибалов поселяется в так называемом комендантском доме в Вышгороде. Нижний этаж дома занимала «гарнизонная канцелярия»[52]. Немного времени спустя Абрам Ганнибал вступает в переписку с советником Академии наук и библиотекарем Библиотеки Академии наук в Петербурге Иоганном-Даниэлем Шумахером[53]. Он пытается вернуть свою библиотеку, которая находилась в Академии наук со времен сибирской ссылки. Письма написаны по-французски.

Письмо № 1

Милостивый государь!

Хотя мы предприняли тщательнейшие розыски, чтобы восстановить реестр Ваших книг, мы пока не преуспели в этом. Мы продолжаем поиски и, я уверен, найдем его, даже если он не сохранился у господина Блюментроста. Поскольку я помню, что видел его, думаю, что мы найдем его либо среди наших реестров,

либо в бумагах Канцелярии. Возможно, у господина Ганнибала сохранилась копия этого реестра? Но в любом случае, отыщется он или нет, вы ничего не потеряете. В последнем случае я сам составлю коллекцию книг, эквивалентную 200 рублям, которая станет достойной заменой той, что Академия получила от вас. С глубоким уважением…

6 апреля 1742.

Господину Генерал-Майору и Обер-Коменданту Ганнибалу в Ревель[54].

Письмо № 2

Милостивый государь!

Из вашего последнего письма я узнал о тех усилиях, которые вы приложили, чтобы разыскать реестр моих книг. Мне это удивительно. Человек, который получил мои книги из рук камергера Самарокова (Сумарокова?), получил, без сомнения, и реестр; если это не так, то откуда он мог знать, что ему передали все книги? И как он мог знать, что они были именно моими? Как бы там ни было, мне нужны мои книги и не нужны никакие другие. Гак что вам придется постараться, раз уж вы были столь любезны, что дали мне обещание.

Всякий раз, как я читаю русскую газету[55], *она напоминает мне о своем отсутствии*[56], *а поскольку меня также очень часто посещают мысли о моей пропавшей библиотеке, у меня появилось желание просмотреть каталоги Петербургских букинистов. С глубоким уважением и почтением, ваш покорный слуга А. Ганнибал (Ревель, 10 апреля 1742).*

Поскольку ответа из Петербурга не последовало, Ганнибал отправил еще два письма из Ревеля, примерно идентичного содержания.

Письмо № 3

Милостивый государь!

Поскольку вы не желаете разрешить вопрос с моими книгами, я думаю, что лучшим и быстрейшим решением в этом случае будет забыть о нем до тех пор, пока я лично не прибуду в Петербург, тогда я надеюсь, смогу получить их благодаря милости нашей Императрицы. Но поскольку я не могу долее обходиться без моих книг, то мне приходится думать о способах получения вместо них других, на мой вкус. У нашего книжного продавца

Сикена имеются такие, которые мне подошли бы, так что прошу вас, извольте выслать мне каталог петербургских книжных лавок. Не думаю, что вы мне откажете в этой просьбе. Затруднения, которые это может представить, не идут ни в какое сравнение с теми, что вам причинили поиски пропавшего реестра; кроме того, думаю, что вы слишком любезны и обязательны, чтобы затягивать дело, касающееся меня. Ваш, как всегда покорный слуга Л. Ганнибал (Ревель, 8 июня 1742).

На это откровенно издевательское письмо Шумахер не мог не откликнуться.

Письмо № 4

Милостивый государь!

Я просил директора Почты г-на Аша милостиво предупредить меня, когда сюда прибудут из Ревеля подводы, тогда я буду иметь удовольствие отправить Вам назад Ваши книги. Пока же, господин Ганнибал, я имею честь представить Вам список уже упакованных книг и примечание с недостающими. Что же до газеты, то это была вина того, кому это дело поручено. Я распорядился, чтобы они Вам доставлялись регулярно под страхом наказания. Вот все, что я могу сделать. Остаюсь с глубоким почтением…

С.-Петербург, 19 июня 1742.

Господину Генерал-Майору и Обер-Коменданту Ганнибалу в Ревель.

Письмо № 5

Милостивый государь!

Надеюсь доставить Вам удовольствие, сообщая Вам, что архивариус нашел на складе еще некоторые книги, означенные в прилагаемой записке. Остальные прибудут из Голландии, как я уже имел честь Вам писать в предыдущем письме. Если бы возчик Шталь, ревельский горожанин, не должен был перевозить проф. Тьера, он уже доставил бы Ваши книги. Он обещал нам заняться этим сразу по возвращении. В случае, если Вы, господин Ганнибал, его увидите, соблаговолите и сами с ним говорить. С глубоким уважением…

С.-Петербург.

3 июля 1742.

Далее следует список книг:

P.S. Discours sur le gouvernement, 8°, Vol. 1-3. Avantures de

Neoptolome. 8°. Traite du Nivellement. 8°.

Господину Генерал-Майору и Обер-Коменданту Ганнибалу в Ревель.

Письмо № 6

Милостивый государь!

Соблаговолите видеть из квитанции от Юргена Юргенсена, что я выполнил свое обещание таким образом, что Вы должны остаться довольны. Я надеюсь только, что все будет Вам передано в целости и сохранности. Если благородный господин найдет возможным выплатить 200 рублей архивариусу Академической Библиотеки, которому поручена закупка таких же книг для Библиотеки, то я буду Вам премного обязан. В остальном, если Вы рассудите, что я могу Вам быть чем-либо полезен, приказывайте, прошу Вас — я всегда в полной готовности, будучи с глубоким почтением…

С.-Петербург, 22 июля 1742.

Господину Генерал-Майору и Обер-Коменданту Ганнибалу в Ревель.

Письмо № 7

Милостивый государь!

Так как я приказал заказать недостающие книги по Вашему последнему письму, надеюсь, что Вы соблаговолите оплатить вексель на имя директора Почты г-на Аша. Если Вы сочтете, что я смогу быть Вам полезен в каких-то других случаях, прошу Вас, приказывайте. С глубоким уважением…

11 сентября 1742.

Г.Ганнибалу в Ревель{131}.

Эта переписка, которая велась с апреля по сентябрь 1742 года, показывает, что было предпринято все возможное для возвращения Ганнибалу его книг. Недостающие были даже выписаны из Голландии, поскольку их не сумели найти в библиотеке.

В том же 1742 году Христина Ганнибал снова беременна. В семье уже трое: две девочки и мальчик. Она ждет, что этот, четвертый ребенок, также будет мальчиком. Надежда эта в июле оправдывается — Христина разрешилась темнокожим мальчиком. Не просто смуглым — современники свидетельствуют, что цвет

кожи младенца был точно таким же, как у его отца. Имя ему дали — Петр. Не надо уточнять, в чью честь.

Лишь одно омрачило жизнь супруги генерал-майора Ганнибала. В этом же году умер ее отец, капитан в отставке Матвей Шеберг. Однако семья Шеберг пополняется еще одним членом. Юлия-Шарлотта, сестра Христины, также в этом году выходит замуж. Ее избранник — капитан ревельского гарнизона Георг Рейнхольд Род.

Ганнибал — защитник интересов России

…а я им на их плутские интересы не потатчик: живу как верный раб, то им противно…

А. Ганнибал, 13 мая 1742 г., из письма И. А. Черкасову

Менее чем через три месяца после вступления в должность обер-комендант сталкивается с новыми заботами. В марте Левендаль отъезжает с военной миссией в Финляндию, и Ганнибал остается замещать губернатора. Левендаль вернется лишь через полгода, в октябре. За эти полгода многое изменится…

А пока деятельный арап, оставшись хозяином губернии, принимает дела. При этом выявляется множество хищений, злоупотребления. Казнокрадство, да и простое воровство процветают, сановники используют солдат для строительства своих домов, гарнизонные же постройки пришли в совершенный упадок… Сохранились письма Абрама к кабинет-секретарю императрицы Ивану Черкасову. Он писал именно к нему во все продолжение своей службы в Ревеле. Делал так по многим причинам: принц Гессен-Гомбургский, перед которым должен был отчитываться арап, по-видимому, спускал все его жалобы на тормозах или просто отсылал Левендалю; через Черкасова же, Абрам был уверен, эти сведения дойдут до императрицы и вообще станут известны в Петербурге. Иван Черкасов был старый друг и единомышленник, так что ему можно писать не так официально, как в рапортах.

28 марта 1742 года, только приступив к исполнению обязанностей губернатора, он пишет в столицу:

Милостивый государь мой и старый патрон Иван Антонович! По отбытии генерала-аншефа и ревелскаго губернатора барона фон-Левендаля при Ревеле на команде состою один я, и по данным от ревелских гарнизонных полков ведомостям усмотрел я — в расходе гораздо во излишестве; а по силе указов из Правительствующего Сената и из Государственной военной Коллегии надлежит по нынешним конъюнкторам[57] тех солдат, которые показаны в расходе, где им быть не подлежало, собрать к полкам; того для при собрании полковых командиров отколь надлежало я приказал солдат с тех мест собрать на лицо к полкам; кои из некоторых мест и сняты, а в других по

разсмотрению и где нужда требует оставлены для исправления дел… И тогда от [прежнего] обер-коменданта фонманнштейна было показано в расходе людей тысяча шестьсот тринадцать; а ныне при бытности выше-писанного генерала-аншефа и губернатора Левендаля было ж в расходе гораздо со излишеством, а именно 2528, в котором числе расходу не мало, а паче в партикулярных услужениях, нежели у дел государственных; и хотя я от ревелской губернии и требовал такого известия, кто где в расходе, но токмо и поныне в губернии онаго известия получить я не мог; а сколько по определению губернатора фон-Левендаля было по губернии и у прочих в расходе и ныне мною убавлено, и сколько и где оставлено, тако ж при сем объявляю ведомость.

Местное же рыцарство (дворянство) осталось весьма недовольно деятельностью нового начальства:

А как я слышу, что как губерний, так и прочим — оное противно, и разсуждают, что де даны им солдаты от губернатора, а он де от нас отымает, и между собой разглашают, — о чем де будем мы искать к губернатору в Москву к депутатам с жалобою, а я здесь человек новый и по силе вышеявленных указов по моей верной должности что упущено будет — опасаюся того, чтобы на мне не взыскалось. Того для в надеянии Вас, Милостивого Государя моего и древнего благодетеля, прошу посланные от меня о тех расходах, что было при прежних командирах и ныне при губернаторе Левендале пред тем излишняго — разсмотреть и… меня охранить, ибо он, тут, как издавна меня не любя и егда ж с бывшим в Ревеле обер-комендантом Дебринием гнали… Может быть, от… генерала Левендаля или от ревелских депутатов будут происходить какия на меня жалобы, о том уведомясь с кем надлежит поговорить и по обстоятелстве тех просителей объявить, что от меня показано, — есть ли им обида или нет — раз-судить, в чем я на Вас, Государя моего и древняго благодетеля, остаюсь в твердом надеянии. Ваш Милостивого Государя моего всегда покорный слуга А. Ганнибал[{132}].

Ревель

28 марта 1742 г.

Опасения Абрама оказались не напрасными. Уже 13 мая он пишет:

Государь мой и патрон Иван Антонович!

Покорно Вас, моего милостивого друга и патрона прошу не оставить меня, слугу своего, в несносных мне обидах от ревелскаго губернатора барона Левендаля[58]*: всякими мерами видным и потаенным ищет собою и ревелских обывателей на то приводит, чем бы меня своими неправдами везде озлословить, это не толико*

в Ревеле мне и самому видно, но и в Москве имеющиеся от ревелскаго магистрата депутаты по его наученю при некоторых случаях и знатным персонам меня неправдами обносят, о чем ко мне мое дружия писали…

Не зря бесится губернатор. Из того же письма его заместителя от 13 мая явствует, что Абрам крепко взялся за пресечение «партикулярного» использования не только солдат, но и государственного имущества:

А более того то со мною делается, что он прошедших обычаев держится, а я им на их плутские интересы не потатчик: живу как верный раб, то им противно…

А к тому ж еще ныне приношу на кирасирской, бывшаго Минихова, полку строены при Ревеле конюшни… по указу на то строение употреблены купленного лесу бревна и доски от Ревелской Артилерии несколко тысяч, что надлежало было возвратить от ревелской губерни. И… для постройки к выше упомянутым конюшням на удовольствие кирасир казарм и офицерам покоев, и для больных «шпиталя», расположение в Ревелской губерни было учинено… из уезду везти по некоторому числу бревен и протчаго, что и вывезено, а за то плачены из губернской суммы денги, из которых бревен у показанных конюшен построено малое число казарм, а затем осталося несколко сот бревен, из которых он, Левендаль, употребил на починку Ревелскаго губернаторского дому, на которое по силе указу положено из их губернских доходов некоторая сумма денег, да сверх же того оный Левендаль от тех же конюшен велел перевезти в свою партикулярную мызу не малое число бревен, из которых в той мызе строил себе хоромное строение. И того же Кирасирскаго полку аудитором продано разного звания партикулярным людям не малое ж число бревен за самую малую цену… а к конюшням становится такой лес не малою ценою,.. И в том Ея Императорскаго Величества интересу не без малого ущербу; а по силе указов у Ревелской крепости ко исправлению как в артилерии в фортификации в лесных припасах ныне обстоит превеликая нужда, вскорости достать никак ниоткуда невозможно…

К этому письму приложены: протокол допроса крестьян губернаторской мызы Гроссаус, в котором те признают, что по распоряжению хозяина возили туда казенный лес, причем часть бревен была брошена по дороге; подробное доношение гарнизонного фискала Леонтия Леонтьева о розысканиях, к которому приложен длинный список людей разного звания, у коих обнаружен казенный лес{133}.

Из позднейших донесений Ганнибала узнаем, что весь обнаруженный лес был конфискован, а мыза Гроссаус — ни много

ни мало — арестована.

Можно понять Левендаля, который, узнав о таких «злодеяниях» своего заместителя, писал к нему с *несносным репремандом.*

А Ганнибал все не унимается. Он занялся контрразведкой. Выясняется, что и в Ревеле не все гладко: находятся лазутчики, шпионы. Того же числа, опять же в обход официальных путей *за важностию того* дела посылает Абрам прямо к *Ея Императорскому Величеству* двоих задержанных:

Сего числа отправил я отставного капитана Ото Эртман фон-Массау да ревелскаго гарнизона Дерптскаго полку капитана ж фон-Михельсона в важном Ея Императорского Величества деле, при всеподданнейшем моем доношении к Ея Императорскому Величеству за конвоем ревелскаго гарнизона Ревелскаго полку поручика Текутьева, ибо хотя по указу и велено таких в важных делах отсылать в канцелярию тайных розыскных дел; но однако ж разсудил я за важностию того дела отправить их к Ея Императорскому Величеству. Того ради прошу, дабы оное доношение через Вас… было представлено и показанной поручик Текутьев в Вашей милости был бы не оставлен{134}.

Отчего Абрам посылает шпионов прямо в императорский кабинет? Видимо, считал дело слишком важным, да и хотел быть уверенным, что оно достигнет ушей императрицы, а не застрянет в бюрократических тенетах. Поручик же Текутьев благополучно прибыл в столицу, сдал конвоируемых, получил некую сумму денег и благодарность к губернатору и отправился назад уже 8 апреля{135}.

Губернатор, *«за оное уведомясь»,* опять к заместителю с *репремандом: для чего оные посланы помимо него.* Из письма Ганнибала от 3 мая узнаем, что и городские власти никоим образом не способствовали столь бурной деятельности обер-коменданта, наоборот, по возможности держали его в неведении:

…И ныне ж находитца у нас в Ревеле таясь от меня отдан от губернаторской канцелярии некоторой немчин под караулом и содержитца якобы безвестно; а как я слышу, что не в малом деле, а куда об нем репортовано или нет, того не знаю; ведается об нем толко губернатор Левендаль, а в небытность его губернаторской советник и его любимый фаворит Бревер; а к тому арестанту всякого народу иноземцев всегда допускают, которые приходя с ним говорят по немецки как хотят, и куда хочет пиша пишет и посылает и получает: в том ему позволено, а я о том ни о чем не знаю; токмо нынче уведомился от караульных солдат, которые у него определены безсменно…

К письму приложена инструкция, выданная сержанту

Афанасию Дулову, которому поручено охранять этого «немчина», за подписью Бреверна. В инструкции сержанту приказано за пленником *смотрение иметь,* однако же посетителей к нему допускать и разговорам с ними *препятствия не чинить.* А кроме того, приказано ему держать свою миссию в тайне.

Ох, не нравится заместителю губернатора то, что происходит в столице Эстляндии. Сложившиеся при бароне Левендале порядки и стиль управления противны и совершенно чужды ему. Особенно если учесть, что страна находится в состоянии войны. Вот как описывает настроения Абрама в эту пору его правнучка, Анна Ганнибал: «Деятельная натура Абрама Петровича требовала усиленной работы: он с горячим рвением относился к своим служебным обязанностям; беспрестанно указывал начальству на совершаемые в Ревеле злоупотребления, с которыми энергично боролся; указывал на неотложные нужды, на упадок дисциплины, одним словом, — на расстройство военного дела; это делало его, конечно, очень неприятным в глазах некоторых лиц. Сослуживцы Ганнибала и его подчиненные, недовольные его требовательностью и постоянным стремлением водворять законность в той сфере, где до тех пор царствовали распущенность и произвол, старались всячески уязвить Абрама Петровича»{136}.

За примерами далеко ходить не надо.

25 апреля 1742 года в Санкт-Петербурге состоялась официальная церемония коронации императрицы Елизаветы Петровны. В этот день конечно же во всех городах и весях империи состоялись празднества. Ревель не стал исключением. Более того, поскольку в отсутствие губернатора его обязанности исполнял вернейший адепт и близкий друг новой Самодержицы Всероссийской, праздник был великолепен. Вот его описание, опубликованное в номере 42-м газеты «Санкт-Петербургские ведомости»:

«Из Ревеля, от 17 мая. О здешнем торжестве в высокий день коронования Ея Императорскаго Величества надлежит еще упомянуть, что г. генерал-майор и обер-комендант Ганнибал о полудни трактовал господ из обер-офицеров от артиллерии, инженерного корпуса и городского гарнизона, также и ландгратов герцогства Эстляндскаго и прочих знатных персон, а по окончании стола начался бал, который до полуночи продолжался. Пред квартирою г. генерал-майора и обер-коменданта представлена была следующая иллюминация: 1) Ея Императорское Величество, на троне сидящая, с скипетром и державою в руках, при чем изображены были: по правую сторону — Вера и Любовь, а по левую — Надежда с Правосудием, надпись

при том была сия: *Сими побеждаю.* 2) Ея Императорское Величество, на коленях молящаяся, а сверх ее с небес сияние, с надписью: *Богом и родом Петра Великаго избранна, свыше Елизавет России данна.* 3) Ея Императорское Величество, стоящая с копьем в правой руке, левою показывает на отрасль преславного дерева, на которой видимо имя Его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, с надписью: *Пастырь добрый полагает душу свою за овцы.* 4) Российский двоеглавый орел, с надписью: *Виват Императрица Елисавет Петровна Мать Отечеству».*

Нельзя отказать Абраму Петровичу в фантазии — комендантский дом стоит на взморье, так что иллюминацию и шутейные огни было видно далеко. Но праздник прошел, и каково же было негодование и удивление Ганнибала, когда в номере 37-м «Ведомостей» прочел он, что праздник, оказывается, был организован… губернским советником Бреверном.

Поскольку газета издавалась под патронажем Академии наук, Абрам направляет протест Шумахеру. Тот немедленно публикует полученный от генерал-майора текст (как раз тот, что приведен выше) и сопровождает его таким письмом:

Превосходительный господин генерал майор и обер-комендант.

Государь мой.

По желанию Вашего Превосходительства присланная мне для внесения в С. -Петербургския Ведомости реляция о происходившем в Ревеле торжестве в день высокого коронования Ея Императорского Величества напечатана по всему ея содержанию под № 42; что до прежняго Ревельскаго артикула касается, о котором изволите в своем писме миновать, будто он внесен напрасно, то я могу Ваше Превосходительство уверить, что оной прислан к нам от достовернаго человека, чрез котораго мы от многих лет получали всегда верные реляции из Ревеля, между тем, ежели бы о том, что ныне внесено, в подлежащее время в Академию сообщено было, как мы того ожидали, то бы нынешнее желание еще тогда совершенно исполниться могло.

Пребываю с должным почтением

Майя 15 дня 1742 г.

Вашего Превосходителства покорны слуга{137}

Трудно предположить, что «достоверный человек» не знал, как обстояло дело с организацией празднеств на самом деле. Действовал он вполне в русле интриг против настырного коменданта. Однако после напечатания протеста и ганнибаловой «реляции» противники Абрама попритихли… Надолго ли?

В начале лета 1742 года возобновляются активные военные действия. Главные балтийские крепости, Рига и Ревель,

объявлены на военном положении; в них посланы подкрепления. Начальники гарнизонов получают целую серию указов из Сената и от самой императрицы о мерах по укреплению крепостей и увеличению их обороноспособности.

Обер-комендант Ревельской крепости действует решительно. Поскольку город объявлен на военном положении и *«при ревелской крепости обстоит фортификационное исправление, которого в нынешнее благополучное летнее время исправить не кем»,* ибо по военному времени многие в дозорах и на валах неотлучно{138}, объявлена мобилизация горожан на работы по ремонту и возведению укреплений. По бюргерскому городку снова прокатывается волна недовольства: горожане не хотят работать в крепости. 29 июля Абрам пишет Черкасову длинное и обстоятельное письмо, сопровождаемое восемью обвинительными пунктами. Эти пункты направлены против Левендаля: действия губернатора, описываемые в каждом из них, вполне могут быть рассмотрены как измена в военное время.

Среди прочего Ганнибал пишет: *«Ныне известился я, что некоторые персоны, а ревелскому господину губернатору генералу и кавалеру Левендалю факторы разглашают про меня, к чему во обществе и здешние городские обыватели с ним находятся, якобы я оных обывателей принуждаю без указу о исправлении городовых при здешней крепости работ. А понеже им от меня никакого принуждения нет и невозможно мне, а исполняю по силе Ее Императорского Величества присланных в ревельскую гарнизонную канцелярию указов и по моей верной присяжной должности яко сын Отечеству. И какой сам указ я получу, к ним толко собщаю. И впредь до последней капли крови моея, что к интересу Ея Императорскаго Величества принадлежит и указы повелевают, исполнять поревнуюсь».*

И действительно, Ганнибал получил шесть указов: от 22 января, 23 февраля, 18 и 29 июня, 6 и 22 июля 1742 года, которые повелевают *«здешнюю ревелскую крепость и артилерию совсем исправить и в безопасную от неприятеля оборону привести…»*{139} И работы проводятся, несмотря на то, что горожане не хотят работать в крепости, а город отказывается давать деньги на эти работы.

Отсутствие барона Левендаля позволяет Петрову крестнику развернуться в полную силу. Он показывает себя ярым защитником интересов Российской империи и императрицы, верным и бдительным стражем российских рубежей.

Ганнибал прекрасно отдает себе отчет в том, что сопротивление знатных горожан — это не только нежелание расставаться с дармовой рабочей силой и деньгами. Причина

глубже: в нежелании бюргерства признавать над собой российскую власть, особенно в той форме, в какой она доходила до них через генерал-майора и обер-коменданта. Здесь всегда преобладали прошведские настроения, так что местная знать вовсе не стремилась помогать укреплению российской крепости. Вот мнение Георга Лееца: «Обстановка, в которой Ганнибалу пришлось работать в те годы, была сложная… Высшие административные посты на местах занимали лица иностранного происхождения, в армии на командных должностях было много прибалтийских немцев. Все они заботились главным образом о своей служебной карьере и имущественных интересах. Прежний губернатор Эстляндии, граф Г. Дуглас, швед по национальности, был в 1740 году предан суду за изменническую переписку со Швецией. Его заменил датский барон фон Левендаль…»

В одном из писем Ивану Черкасову, датированном июнем 1742 года, то есть в самый разгар войны, Абрам рассказывает, что местная знать под разными предлогами отказывается давать деньги на работы в крепости: *«по присланному из фортификационной конторы указу, в котором объявлен Правительствующего Сената Указ, чтоб ревелскому магистрату в Ревеле го-родовую работу исправлять из собираемых по привилегиям порторных доходов по прежнему…*[59] *оной магистрат отговариваетца тем, что того им исправлять за городскою бедностию и немощию невозможно; к тому ж де в заготовлении инструментов и протчаго у них не имеется… а понеже как город Ревель взят под Высочайшую Его Императорского Величества блаженой и вечно достойный памяти Государя Императора Петра Великаго державу, чему 32 года, и как уповательно хотя Его Императорское Величество из своего отеческого милосердия здешний город от строения уволить соизволил и срок тогда был дан на некоторое время, но токмо для их тогдашнего разорения; а они после того завсегда о том… сроки переспрашивали и им такие неоднократные сроки даваны были… срок минует сего 1742 июня 23 дня… что видя и нынеж тако ж они происки-вают… дабы их от того уволить — отправлены депутаты со всеподданнейшим прошением…»*{140}

И позже, 29 июля: *«…а при швецком владении то они все не толико фортецию но и артилерию исправляли и содержали… теми собираемыми денгами себе ползу сыскивают и куда им надобно употребляют, а в прошениях своих объявляют, якобы они разорены от прежней войны, и ныне не в состоянии; а им в 32 года разорения не бывало, и теми собираемыми денгами по их привилегиям как город с Ея артилериею, так и крепостные работы содержать возможно»*{141}.

Интриги, видимо, возобновились, так как в том же письме от 29 июля Ганнибал просит Черкасова, чтобы он постарался *«ежели где случай допустит об оном представить кому следует…»*, но *«до времени сие мое приношение о моем имени было б скрыть и шло мимо, ибо и до меня о выше писанном от некоторой здесь персоны было предложение, но токмо через их интриги и дети в немалое его несчастие они провели…»*{142}

Ничто не заставит Ганнибала отступить от выполнения возложенных на него обязанностей. Несмотря на нескончаемые конфликты с начальством и городской знатью, ему все же удалось привести в подобающий вид крепостные укрепления и, что было особенно важно, дозорные башни, которые давали возможность вести наблюдение за вражеским флотом. Он посылал регулярные донесения в Тайную экспедицию Сената. Так, например, 18 июня Сенат заслушал рапорт о *«видимых в море швецких кораблях»* с приложенной к нему копией допроса прибывшего того же числа в ревельскую гавань на любекском галиоте шкипера о том, *«сколко в Любеке и в Гамбурге с весны навербовано солдат и рекрут в швецкую армию и что в ту армию хлеб достают из Курляндии, городов Либау, Виндау и из волнаго города Данцига и разных прусских городов»*{143}. Ганнибал докладывал и об обнаруженных шведских резидентах и их пособниках.

Благодаря его донесениям Военная коллегия всегда была в курсе событий на Балтике. Именно через Ганнибала Адмиралтейская коллегия поддерживала связь с командующим эскадрой Балтийского флота вице-адмиралом Мишуковым.

В это время русские части одерживают решающую победу над шведами. Почти не встречая сопротивления, пехотные части во главе с фельдмаршалом Ласси, без поддержки с моря, занимают большую часть Финляндии. Занят Гельсингфорс, финская столица Або также отрезана русскими войсками. В такой ситуации шведскому правительству не оставалось ничего иного, как предложить начать мирные переговоры. Переговоры продлятся почти год и завершатся лишь 16 июля 1743 года подписанием в Або мирного договора.

Но мы забежали несколько вперед.

В октябре 1742 года в Ревель возвращается законный губернатор Эстляндии. Он выслушивает доклады о том, что же натворил заместитель за время его отсутствия. Порядки, заведенные Ганнибалом, не радуют его. И снова начинаются трения и конфликты между этими людьми, невзлюбившими друг друга с первых дней совместной деятельности.

И вот очередное письмо Ганнибала И. А. Черкасову:

Милостивый Государь мой и древний патрон Иван Антонович!

Вашему превосходителству Милостивому Государю моему в покорности через сие доношу: сего октября 1 дня господин генерал Эстляндии губернатор и кавалер граф Левендаль в Ревель сюда из Гельсинфорса водою прибыл и 2 числа ордером ко мне предложил, что по высочайшей от Ея Императорского Величества апробации определено ему быть в Эстляндии при губернском правлении и над стоящими в Эстляндии полками полевыми и гарнизонными команду иметь, и для того о состоянии моей команды о гарнизонных полках репортовать, и что до резолюции касатца будет, к нему представлять; и в силе того ордера 3 числа по полуночи в девятом часу пришел я к нему по команде, яко к главному командиру, репортовать о состоянии команды моей о ревелском гарнизоне, и со мною при том же случае тогда были штаб- и обер-офицеры; и как пришел я в дом его, то, не впуская меня в переднюю палату, отказали: якобы его, губернатора, нет дома; то я, не видя его, губернатора, возвратился; и того ж часу пришел ко мне в квартиру с ним, губернатором, прибывший из Финляндии капитан и для свидетелства присланы при том ревелскаго гарнизона полковник Луцевин, подполковник фон Руден, при которых и объявил мне оной капитан, что прислан он от губернатора и сказал приказом его, чтоб я к нему впред не ходил, понеже он, губернатор, со мною быть на одной команде не желает, а чего ради оной губернатор не хочет меня иметь в своей команде, того он мне не объявил.

…А ныне как уже по Ея Императорского Величества имянному указу пожалован генерал-майором и в Ревель обер-комендантом, то ему наипаче учинилось противно и более злобы на меня возымел, а я по принятии команды в Ревеле ему противности никакой не чинил, а исполнял по силе указов так, как верному Ея Императорского Величества рабу надлежит по рабской моей верной должности; точия разве в том злобу имеет, что по отбытии его из Ревеля я усмотря некоторые учрежденные им не малые излишние расходы от гарнизону солдатам как при губернии, так по уезде и в прочих местах, которые из них по представлению моему Госуд. военное колегии и по апробации Высокоправящего Сената по присланному из оной Военной колегии указу в небытность его убавлены, а в других его прихотных поступках напред сего к Вашему Превосходителству при моем покорнейшем писании минувшего июля 29 дня представлены пунктами, в чем ныне Вашему Превосходителству вынужден донести и покорнейше прошу, дабы и от таких его, губернатора, нападков и вымышленной напрасной злобы Вашего Превосходителства милостию был защищен, и какие на меня от него, губернатора, будут приношения напрасные — охранен!..

1742 октября 4 дня
Ревель[{144}].

И опять начинается водворение прежних порядков. И опять берется за перо обер-комендант: «…у *губернских служителей и у постовых комиссаров солдатство многие употреблены были в партикулярные услуги, яко собственные холопы, а ныне то при мне все пресеклось, а то у них было так, что и дрова рубить все бедными солдатами, от которых трудов доволствовались и другие; а когда зима придет, то солдаты больные в госпиталях, в караульных и в полковых дворах не малую бедность претерпевали за неимением к топлению печей дров, почему и ныне приготовленныя для солдатства дрова оный губернатор по приезде в Ревель, уповая на прежнее, желает к себе взять, о чем и ордером предложил, тако ж и о прочем, что пространно в посланных при сем за открытою печатью в конверте при нижайшем моем доношении пунктах в высокий кабинет пространно явствует,.?*[60] *И того ради он на меня по прибытии своем паче злитца, а особливо о том, что расходы многие солдатам убавлены…»*[{145}] И опять повторяет: *«…злоба и гонение от него, Левендаля, происходит на меня ни от иного чего, толко что я, как верный Ея Императорскаго Величества раб, охраняю интерес и берегу солдат и исполняю во всем по правам и указам Ея Императорскаго Величества, в сем свидетелствую с ревелскаго гарнизона — трех полков штаб- и обер-офицерами, а в прихотях его, Левендаля, мне услужить ему не можно, ибо противно оное Ея Императорскаго Величества указам и правам…»*

И опять начались интриги… Ганнибал просит своего старинного друга Ивана Антоновича о переводе из Ревеля: *«Прошу, ежели мы оба с губернатором Левендалем при одной команде в Ревеле еще пределимся, чтоб меня от ево пожаловать охранить, а буде же по вашему знанию то безнадежно, прошу искать, чтоб меня с ним развесть, ибо по ево интригам мне с ним никако быть не возможно, и при случае доложить Ея Императорскому Величеству, чтоб меня перевесть в Нарву…»*[{146}] Однако командование, довольное службой преданного коменданта, отказывает ему в просьбе. Ганнибал останется на этой должности в течение еще десяти лет.

Что же касается Вальдемара Левендаля, то он в том же 1743 году перейдет на службу Франции, где и скончается в 1755 году в чине маршала французской армии.

Дело фон Тирена

В 1743 году в Эстлявдии произошло событие, невиданное не только в истории этой провинции, но и вообще в истории российского крепостничества XVIII века. Обер-ландсгерихт (верхний земский суд) рассматривал тяжбу двух землевладельцев, объектом и главными действующими лицами которой стали… крепостные крестьяне.

Официальные же участники этого дела — образованные, культурные люди: первый — профессор Иоахим фон Тирен, второй — Абрам Ганнибал, тоже когда-то профессор, главный военный начальник провинции. Первого отличает злоба и полная беззастенчивость, второго — гуманность, даже, быть может, демократичность.

Материалы этого дела были обнаружены Георгом Леецем в Таллинском государственном архиве{147}.

Напомним, что еще в правление Анны Леопольдовны подполковнику ревельского гарнизона была пожалована мыза Рагола. При восшествии на престол Елизаветы Петровны права на это имение были подтверждены. Можно предположить, что по отношению к своим крестьянам Абрам Петрович был строгим, требовательным, но справедливым хозяином — иначе почему бы именно к нему пришли они искать помощи? Но не будем забегать вперед.

В марте 1743 года Ганнибал «сдал 2/3 деревни вместе с крестьянами и соответствующим количеством инвентаря в аренду профессору Иоахиму фон Тирену за годовую арендную плату в 60 рублей (оставшаяся часть деревни была сдана другому арендатору)».

Арендный договор представляет интерес не только с исторической, но и с морально-этической стороны. Примечательно, что он содержит пункт, запрещающий арендатору применение телесных наказаний (порки). В те времена, когда помещик полностью распоряжался жизнями своих крепостных, порка крестьян была делом привычным и даже обыденным. Более того, порку разрешал закон. Ганнибал же решил по мере своих сил восстать против такого положения дел. Может быть, оттого, что сам побывал (пусть недолго) в рабстве.

Абрам всеми силами души ненавидел насилие и бесстыдство. Пределов не было его возмущению, когда он увидел, что солдат вверенного ему гарнизона используют для личных нужд местные чины, что тех же солдат по милости тех же чинов оставили без дров зимой. Он всегда, как мог, боролся со злоупотреблениями

всякого рода… Мог ли он спокойно взирать, когда хозяин бил раба? И если в соседних имениях он, естественно, не мог установить свои порядки, то в Раголе и Карьякуле все должно было происходить только так, как хотел он.

Ганнибал, наверное, на словах ясно объяснил фон Тирену свои воззрения на этот счет. Кроме того, в договор был внесен пункт под номером три, который гласит буквально следующее:

«Арендатору не разрешается увеличивать повинности крестьян, он должен придерживаться установленных норм барщины; за все прежние споры и провинности с крестьян не взыскивать. Если на крестьян будут наложены не предусмотренные нормами повинности или если их будут подвергать порке или иным каким способом притеснять, то настоящий договор аннулируется».

Однако фон Тирен решил пренебречь условиями договора. Стремясь получить максимальную выгоду от имения, он отдавал своих работников в страду внаём соседям, не снижая при этом норм барщины, сдавал соседям в аренду крестьянские выпасы и покосы. Деньги, естественно, брал себе. Кроме того, он нещадно бил крестьян. Зуботычина и порка стали основным средством убеждения.

Но и крестьянскому терпению тоже есть предел. В какой-то момент оно кончилось. Крестьяне Раголы держали совет и выбрали делегатов. Георг Леец так пишет об этом по материалам дела: «Собравшись втайне, они избрали двух посланцев, Эско Яана и Нутто Хендрика, которые должны были отправиться в Ревель и доложить о жестоком обращении арендатора с крепостными.

Посланцы крестьян-эстонцев рассказали Ганнибалу о положении в Рахуле (Раголе): фон Тирен не придерживается установленных вакенбухом норм барщины; часто применяется жестокая порка; границы крестьянских наделов с соседскими участками не урегулированы: соседним помещикам разрешается пользоваться крестьянскими сенокосами и пастбищами, за что арендатор получает плату. Эско Яан добавил, что если так будет продолжаться, то крестьянам не останется другого, как покинуть свои жилища и бежать. Вместе с тем Эско Яан и Нутто Хендрик просили Ганнибала заступиться за них и защитить от грозящей им мести фон Тирена.

…А. П. Ганнибал, видимо, научился эстонскому языку настолько, что в беседе с крестьянами мог обойтись без переводчика. Он их выслушал и отпустил. Визит крестьян к Ганнибалу, конечно, не укрылся от фон Тирена. Эско Яан в качестве зачинщика был зверски избит и пролежал четыре недели

в постели — за то, что осмелился «побеспокоить» господина обер-коменданта.

Услышав о происшедшем, А. П. Ганнибал вызвал к себе фон Тирена. Не дослушав объяснений арендатора и юридического обоснования якобы принадлежавшего ему, по местным узаконениям, права телесного наказания крепостных крестьян, Ганнибал тут же аннулировал заключенный 29 марта 1743 года арендный договор, указав на 3-ю статью…

Дознание, произведенное в Рахуле харьюмааским гакенрихтером (судьей) Пиларом фон Пильхау, подтвердило обоснованность жалобы крестьян».

Слушание дела вызвало искреннее недоумение местных помещиков, которые должны были признать преступником человека, по их понятиям, да и по местным законам таковым не являвшимся. Обвиняемый, по-видимому, также не очень понимал, что происходит, и считал, что правда и закон на его стороне: «на судебном процессе фон Тирен пытался сослаться на то, будто он получил «от господина генерал-майора и обер-коменданта словесное разрешение наказывать крестьян по своему усмотрению». Ганнибал отрицал это и указал на статью 4-ю договора, которая обязывала подписавшихся честно выполнять его условия, избегать обмана и казуистического толкования договорных статей. Обер-ландсгерихт установил факт нарушения арендного договора и аннулировал договор».

Абрам Ганнибал выиграл этот процесс. На самом же деле выиграли его эстонские крестьяне. Впервые в истории крепостничества в России помещик был привлечен к суду не за то, что он нанес вред другому помещику, а за то, что он порол крестьян и не соблюдал установленные нормы барщины. Георг Леец отмечает: «Защита Ганнибалом интересов крестьян и открытое выступление в дворянском суде против произвола дворян-помещиков были в эпоху расцвета крепостничества явлением необычным и, пожалуй, единственным в своем роде. Оно должно было снискать Ганнибалу популярность среди местного эстонского населения и характеризовало его по крайней мере как гуманного помещика».

После расторжения договора, видимо по совету жены, Ганнибал доверяет управление имением шурину, тридцатисемилетнему и пока холостому Георгу-Карлу Шебергу, брату Христины Ганнибал, офицеру ревельского гарнизона.

Происки Гольмера

1 ноября 1743 года в Ревель вместо Левендаля назначен новый губернатор. Им стал Петр Гольштейн-Бек, генерал-лейтенант, сын прусского генерала, получивший известность благодаря своему участию в сражениях с турками и шведами. Этот человек был близким другом принца Гессен-Гомбургского и ставленником великого князя Петра Федоровича. С восшествием Елизаветы голштинская династия стала одной из основных сил при дворе. «Родственные связи, — пишет Анри Труайя, — связывали голштинский дом… и русскую императорскую фамилию. Старшая дочь Петра Великого — Анна Петровна—в браке с герцогом Карлом-Фредериком Гольштейн-Готторпом родила сына… Петра Ульриха… Что же до другой дочери Петра, то она была повенчана с одним из братьев Иоанны (Ангальт-Цербстской, урожденной Гольштейн-Готторп, матери будущей Екатерины II), юным и прекрасным Карлом-Августом Гольштейн-Готторпом. Он умер от оспы вскоре после венчания, и говорят, что Елизавета так и не оправилась от его преждевременной кончины»{148}. В первые же месяцы правления императрица Елизавета объявила наследником российского престола своего юного племянника, принца Гольштейн-Готторпского, получившего при крещении имя Петра Федоровича.

С эстляндской стороны к этой линии принадлежал уже известный нам майор Гольмер. Тот самый, которого бывший губернатор Левендаль *прочил* в начальники артиллерии ревельского гарнизона и которому в 1740 году невольно перешел дорогу Абрам Ганнибал. И мало того, что он занял вожделенное место, но еще и написал на Гольмера рапорт, обвинив его в воровстве и интригах.

Гольмер смог занять пост начальника артиллерии ревельского гарнизона лишь в 1742 году. К тому времени ненавистный Ганнибал стал обер-комендантом крепости, то есть опять его непосредственным начальником. И Гольмер выплескивает на Абрама всю накопившуюся злость. Начальник гарнизонной артиллерии просто отказывается выполнять приказы начальника. Более того, он сам жалуется на коменданта, и, видимо, не без успеха, так как принц Гессен-Гомбургский счел нужным упрекнуть Ганнибала в «свирепом» обращении с подчиненными.

В начале 1744 года Ганнибал не вытерпел. 26 марта он пишет фельдмаршалу Гессен-Гомбургскому письмо, в котором после длинных и витиеватых поздравлений с Пасхой излагает свои

претензии к Гольмеру:

В надежде Вашей светлости высокой ко мне милости, по самой необходимости, жалобу мою в следующем представить: ревелской артилерии майор г-н Голмер мне такие по команде приносит досады, что всего того терпеть уже не в состоянии нахожус. Во первых, наложил на себя свыше регула меру: в артилериской мне товарищем быть, и некоторыя дела без моего ведома начинал. И как скоро то ему, чрез мои приказы, пресекатся стало, вздумал упрямитца и так пренебрежно со мною обходится, что и персонално гордым обычаем во многих поступках и словах меня обижает, за что я хотя власть и имею штрафу подвергнуть, однако ведая вашей светлости ко мне высокую милость, к тому ж все оныя артилериския чины в высокоповелителной вашей светлости команде состоят, не желая тем принесть досады, еще терпением содержус. И для того не в самую жалобу, но для удержания от таких ево поступков, чтоб он напоследок в безответной штраф не впал, всепокорно прошу: высоким вашей светлости повелением, ево, майора г-на Голмера, на истеной путь наставить, чтоб он впред команду пренебрегать оставил.

На этом письме стоит собственноручная резолюция принца: *«Писат к Голмеру, чтоб с ним поступал, как ево должность требует, а не ссорно, и не допускал бы ево господина Г М. [генерал-майора] впред своими досадами жаловатца. И к нему к г. Ганнибалу отвечать и поздравлять»*{149}.

Письмо Гессен-Гомбургского не произвело на Гольмера никакого впечатления, он продолжает открыто и прилюдно хамить Ганнибалу. Более того, он и сам ответил жалобой на коменданта. 19 июня уже обер-комендант получает репреманд от принца Гессен-Гомбургского. И опять Ганнибал решает действовать обходными путями: сохранилось датированное 2 июля пространное письмо некоему Михаилу Петровичу, персоне, видимо, близкой к принцу. В нем Абрам просит при удобном случае *«представить его светлости, дабы я от него, Голмера, был свободен, чтоб он уже и в команде моей быть не мог… дабы я и впред от такого ушника и именитого человека был свободен, которых не толико в своей команде видеть и иметь у себя, но и слышать не желаю, который имеет язык и руки нечисты»*{150}. После того как комендант сам получил репреманд, Гольмер, *«имея надежду, так поступает, что, приходя в квартиру и называя меня уже ветряным человеком, при многих штап- и обер-афицерах, персонално, о чем было мне, в посланном к его светлости представлении и упомянуть стыдно, что, по моей чести, веема не безобидно*{151}. В этом письме Ганнибал уже не осторожничает и прямо описывает преступления Голмера: как тот разворовывает

цейхгауз, занимается приписками, посылает солдат *«в партию красть быков, баранов и протчаго, что и подленно изледовано было…»* И здесь же оговорка: *«но я не хотел для его светлости вдаль того допустить, толко велел обидимых удовлетворить… Ежели б… я безделника ево, маэора, хотел мстить все ево мошенически поступки, как ево светлость в писме своем упоминает, то б ему от меня даром не прошло»*{152}.

К самому же принцу Абрам пишет 28 июня возмущенное, но весьма осторожное письмо, в котором *«возымел смелость о упоминаемом… маэоре г-дне Голмере объявить мою невинность».* Здесь он описывает обиды, чинимые ему обнаглевшим майором, в семи *«обьяснителных пунктах».* Так, когда в гарнизонной канцелярии он давал Гольмеру указания по службе, тот *«веема с немалым таким ответствием, с криком необычно и противно, показывая мне уничижителныя гримасы, и рукою на меня и головою помахивая, грозил, и оборотясь спиною, — при чем были все здешняго гарнизона штап- и обер-афицеры, что мне было весма обидно… Он, Голмер, и при его светлости* (губернаторе. — *Д. Г.) мне показывал такую ж с великою гордостию и неучтивою поступкою немалую обиду,.. И ежели онаго Голмера не унять, то какой и я буду командир?»*{153}

Сам же майор считает, что он ни в чем не должен быть подотчетен командиру. Не слишком беспокоят его и губернаторские репреманды, о чем также пишет Ганнибал: *«Сверх же тово, чрез писма моих приятелей ис Петербурха, мне известно, что он, Голмер, намерен был меня з здешним губернатором в сору привесть, токмо того ему здес не удалось…»*{154}

Однако без конфликта с губернатором не обошлось. В вопросах распределения сфер влияния губернского и гарнизонного начальства в те годы царила неразбериха. «В своих отношениях с местным губернатором,- пишет Г. Леец,- А. П. Ганнибал явно стремился уклониться от подчинения ему в вопросах военных, касающихся крепости и Ревельского гарнизона»{155}. Гольштейн-Бек направляет Гессен-Гомбургскому обиженное письмо. Он обвиняет Ганнибала в том, что тот докладывает ему о принятых по крепости и гарнизону решениях лишь post-factum.

Обер-комендант в ответ ссылается на существовавшее при Петре I распределение служебных функций. В одном из писем в императорский кабинет он пишет: *«А при… государе Императоре Петре Великом.., учреждено было так, что губернатор здес в Ревеле имел команду толко над губерниею и землею, а обер-комендант над гарнизоном.,, губернатор и обер-комендант репорто-вали каждый от себя особо… а один другим не*

командовали…»{156}

Но никакого отклика из высших инстанций не последовало.

Конфликт тем временем развивается. Ганнибал жалуется на губернатора, губернатор, в свою очередь,- на него… В конце концов Абрам направляет в императорский кабинет «Мемориял». Документ не имеет даты, однако историки датируют его 1745 годом. В нем обер-комендант говорит о себе в третьем лице. Этот документ интересен с разных точек зрения, в том числе и потому, что он дает возможность судить о функционировании тогдашней военной администрации:

МЕМОРИЯЛ

Генерал майор Ганибал по всевысочайшей милости Ея Императорского Величества пожалован во упомянутой чин генерал-майорской от армии и обер-комендантом в Ревель, где сколко по его должности принадлежит, по государственным правам и указам исправляет без упущения и никому не послабляя, ниже посягая, как о всем военной колегии и главному комисариату известно. Но от ненависти некоторых и тамошнего народа убегая, принужден находится у Ея Императорского Величества высокомонаршеской милости просить:

1) об определении его в Санкт-Петербург обер-комендантом на место господина Игнатьева, кой, как слышно, за старостью и неможением в отставку просит;

2) или в Выборге на место умершего генерал-майора князя Юрья Репнина, бывшего тамо губернатора;

3) или же в Москву в обер-коменданты лее на место имеющего ныне тамо Танеева, который по тому ж за старостию намерен отставки просить.

Когда же высокое соизволение Ея Императорского Величества последует о бытии ему по прежнему в Ревеле в прежней должности, то всеподдйнейше просить, дабы ему там обер-комендантом быть на таком основании, как было при жизни Государя Императора Петра Великого, ибо в то время как гарнизон, так и артилерия и инженерные служители под собственною полною командою обер-коменданта состояли, дабы в наблюдении высочайшего Ея Императорского Величества ни от кого помешателства не происходило и оказавшиеся от инженерных и артилериских тамо обретающихся команд непорядки пресечены быть могли, и он, обер-комендант, уже бы толко о всем репортовал и под апелляциею состоял военной коллегии и куда надлежит, а не у губернатора; тако ж и что положено на него

починка дворцов по указу из Сената, а ревелской военной гавани от военной коллегии, по тому ж под его б, обер-коменданта, смотрением токмо состояло для безостановочного и безпомешательного поправления.

Он же, Ганибал, как выше упомянуто, пожалован в генерал-майоры от армии, а жалованье не генерал-маиорскаго окладу получает, но со уменшением токмо по обер-комендантскому чину, и для того всерабственно просит о выдаче ему со времени пожалования его в тот чин недоданных денег, и впредь по произвождении по полному окладу генерал-майора армейскаго{157}.

Можно предположить, что невыплата жалованья объясняется не простой «забывчивостью» властей. Это сознательный акт, продиктованный *ненавистью,* как об этом пишет сам Ганнибал в письме Черкасову от 8 апреля 1745 года. Конфликт с губернатором привел Ганнибала в отчаяние. Это письмо — не просто дружеское послание, не отчет, не жалоба, это крик о помощи человека, который устал противостоять всем, которому опротивели злоба и коварство тех, кому его усердие и преданность делу как кость в горле. Но это не все. Не забывали, видимо, и про цвет кожи ревельского обер-коменданта. Вот это уже удар ниже пояса… До поры до времени вопрос расовой принадлежности обер-коменданта не возникал. Но прочтем, что же он пишет, как видно, доведенный до крайности, Черкасову:

Милостивый Государь мой Иван Антонович/

Понеже я обдержим немощию тому уже немалое время, и того для не имею чести персонално Вам, Милостивому Государю моему, мое бедное и печальное приношение донесть не могу, токмо через сие начертание, всепокорно прошу не оставить. 1) Чтоб мне быть при команде по прежнему пока гавань ревелской починится для скорости и безостановочного порядку и скорейшему исправлению той починки гавани, а по окончании оной повелено б было мне явится в кабинет. 2) С пожалования моего выдать мне удержанное мое жалованье по ненависти других и впредь чтоб выдовать полное по моему рангу армейское. 3) Истенно от верности и ревности моей и от страха вышнего не дерзал ни к чему — как другие забыкли, отчего беден и в долгу нахожусь, — я бы желал, чтоб все были как я: радетелен и верен по крайней моей возможности (токмо кроме моей черноты). Ах батюшка, не прогневайся, что я так молвил — истенно от печали и от горести сердца: или меня бросить, как негодного урода, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить, яко Бог, а не позлым умыслам человеков.

Ваш Милостивого Государя моего покорный слуга

Апреля 8 дня 1745

А. Ганибал[{158}].

И все же какими бы влиятельными ни были титулованные недруги Ганнибала (ведь из подчиненных он не ладил только с Гольмером), результаты деятельности Абрама Петровича как начальника артиллерии гарнизона и как обер-коменданта крепости были налицо. Это и образцовый порядок, и приведенная в боеспособное состояние крепость. Лучшее тому доказательство — письмо, полученное в 1744 году от Ревельского магистрата. В этом письме члены магистрата выражают Абраму Ганнибалу полное доверие и благодарят за оказываемую городу помощь и за защиту в годы войны.

Из отчетов обер-коменданта и его переписки с магистратом видно, что он действительно активно участвовал в городских делах. Это было непросто, особенно если учесть сохранившиеся «средневековые привилегии магистрата, эстляндского рыцарства, церковных и прочих служебных и сословных инстанций, функционировавших на основании утвержденных Петром I в 1710 году аккордных пунктов и условий капитуляции. «Ориентироваться в дебрях этих привилегий и традиций было для обер-коменданта делом нелегким, но необходимым, чтобы избежать конфликтов с вышеназванными институтами, весьма ревниво и придирчиво следившими за соблюдением своих «прав и преимуществ»… Причиной первых разногласий послужил язык, на котором велась корреспонденция. Несмотря на протесты магистрата и на постоянные ссылки на соответствующие пункты капитуляции и на привилегии города, Ганнибал продолжал вести переписку на русском языке. Если в 1711 году магистрат вернул такое письмо первого обер-коменданта Василия Зотова без исполнения, то поступить аналогично с Ганнибалом не посмели. Однако в каждом ответном письме магистрат жаловался на проблемы с переводом писем обер-коменданта с русского на немецкий язык»[{159}]. Позже магистрат выражал недовольство тем, что Ганнибал вмешивался в конфликты между городом и его подчиненными.

Однако в 1743 году наступило примирение. Магистрат убедился, что деятельность требовательного обер-коменданта и строгого начальника гарнизона шла городу на пользу.

Из переписки с магистратом видно, что Ганнибал «заботился о противопожарных мероприятиях в городе, соблюдении осторожности и порядка вблизи крепостных башен, где хранились порох и огнеопасные материалы; запретил продажу в трактирах военнослужащим спиртных напитков и пива в кредит, а

горожанам — покупать у солдат казенные вещи». Заботили его и другие вопросы: «организация гарнизонной службы; охрана общественного порядка на улицах города, взаимодействие между воинскими патрулями и городской стражей, ликвидация столкновений между ними…»{160}

В гарнизоне же был наведен жесточайший порядок, прежде всего в финансовой сфере, в которой ранее царили неразбериха, приписки и воровство. Жалованье офицерам и солдатам выплачивалось своевременно и точно. Постоянно приводились в порядок и ремонтировались гарнизонные строения, в первую очередь госпиталь. Был построен второй госпиталь и амбары.

И еще одна знаменательная история: для ремонта печей в гарнизонных строениях требовался кирпич, который покупали у иноземных купцов. Обер-комендант, рассудив, приказал сложить печь для обжига и приставить к ней команду из двоих солдат и одного сержанта. В крепости стали жечь свой кирпич, причем столько, что и самим хватало, и в город «по малой цене» продавали, и даже заморские покупали, *«для того, что тот кирпич вывознаго из-за моря весма добротою не хуже, а ценою дешевле». На,* вырученные с продажи деньги были куплены строительные материалы и начато строительство второго госпиталя и амбаров. Прежний располагался в одном из «дворов», которые *«весьма погнили и обвалились, так что не толико болным, но и тягостей содержать никак нельзя»*{161}.

Неудивительно, что высшие власти Империи (Сенат, Адмиралтейство, Военная коллегия, Главное управление артиллериею и фортификациею) также оставались довольны результатами работы Ганнибала. Русское население Ревеля видело в этом чернокожем армейском начальнике поборника справедливости и действительного представителя российской власти на эстляндской земле. Солдаты же безоговорочно почитали его «отцом родным».

В Финляндии

16 июня 1743 года в городе Або был подписан мирный договор между Швецией и Россией. Военные действия прекратились, но началась война дипломатическая. Наиболее спорным вопросом оставался территориальный. Ведь Швеция начала войну, чтобы вернуть балтийские земли. От того, как будет проведена граница между двумя державами, зависело, насколько долговечным станет новый договор{162}.

Была создана двусторонняя правительственная комиссия *«по разграничению со Швецкой короной земель»*. Каждая из сторон-участниц делегировала в эту комиссию своих лучших дипломатов и высших чиновников. С русской стороны делегацию первоначально возглавил генерал-аншеф князь Репнин. А 15 июня 1745 года именным указом императрицы на его место назначен генерал-майор Абрам Петрович Ганнибал. Это почетное и ответственное поручение — еще одно доказательство доверия властей к арапу.

Абрам посвятит работе в этой комиссии полтора года. В его обязанности входит вполне конкретная задача: «определить на местности прохождение государственной границы по наиболее выгодному с военной точки зрения рубежу и… наметить места будущих фортификационных сооружений, необходимых для обороны границы»{163}.

Из Финляндии он пишет Черкасову письмо, в котором среди прочего просит походатайствовать о том, чтобы ему по окончании работы в комиссии удалиться *«в свои деревнишки»*. Это письмо по настроению разительно отличается от того, что было отправлено из Ревеля в апреле 1745 года. Перед нами дружеское послание с приветами общим знакомым и даже шутками. Видимо, Абраму совсем не хочется возвращаться в ревельский гарнизон, где его ждут Гольмер и Гольштейн-Бек.

Как раз в это время вышел указ императрицы, разрешающий знатным военным брать долгосрочные отпуска для управления имениями. По окончании работы в комиссии Абрам берет отпуск. Однако он заявляет, что готов продолжить работу в комиссии, буде в том возникнет надобность{164}.

Кавалер

Финская миссия генерал-майора закончилась. На некоторое время он решил отойти от дел, спокойно пожить в имении, заняться сельским хозяйством, воспитанием детей. Первую свою мызу — Карьякулу — он продал в 1744 году, чтобы вырученные деньги вложить в имение Рагола. Этим имением с 1743 года, после нашумевшего процесса против фон Тирена, управляет шурин Абрама, Георг-Карл Шеберг, получивший в 1744 году чин лейтенанта.

В феврале 1746 года Сенат издает указ: за заслуги перед отечеством наградить Абрама Ганнибала Почетным дипломом. Тем же указом Сената волость Михайловская, пожалованная ему в свое время Елизаветой, становится его вечным потомственным владением. Теперь генерал-майор может не беспокоиться за свое будущее на тот случай, если «времена» поменяются.

Он решает заняться обустройством нового большого имения, включающего в себя 41 деревню и почти 600 семей крепостных. Именно его он решает сделать центром своих владений. Выбирает и место для усадьбы — небольшую деревушку, которой дает новое имя — Петровское{165}.

Во время его отсутствия обязанности обер-коменданта гарнизона исполняет заместитель — Федор Луцевин. В период с 1746 по 1752 год сам Ганнибал лишь несколько раз навещает эстляндскую столицу. Приезжает только тогда, когда необходима его помощь в проведении больших работ или принятии важных инженерных решений. Так было в 1747 году, когда решался вопрос о замене деревянной гавани и батареи в Ревеле каменными (проект, правда, так и не осуществился); в 1748 году — при срытии высоты Тайгес; в 1749 году — при возведении небольшого форта на острове Малый Карлус; в 1750 году — при решении вопроса о капитальном ремонте ревельской гавани; в 1751 году — при начале работ в гавани.

В 1748 году Ганнибал получает особый приказ: возобновить работы в комиссии по разграничению *«между Российской империей и Швецкой короной земель»,* но так, *«чтоб нужные места коммуникации из российской стороны упущены и потеряны не были»*{166}. В том же году он отправляется в Финляндию, где проведет несколько месяцев. С ним едет его секретарь — Иван Бауман.

На переговорах Абрам Ганнибал не замедлил снова проявить себя ревностным защитником интересов своей второй родины. Он потребовал у шведов «какой-то неоговоренный прежде

островок»{167}. Шведский представитель ответил отказом. 21 августа 1748 года в связи с разгоревшимся по этому поводу конфликтом переговоры отложены до его разрешения.

В конце этого года Ганнибал, успешно выполнивший миссию на переговорах, торжественно принят при дворе в Санкт-Петербурге. Императрица Елизавета лично вешает ему на грудь орден и ленту Святой Анны. Теперь его должно именовать *«генерал и кавалер Абрам Ганибал»*{168}.

Этот приезд в столицу он использует и для встреч со своими старыми друзьями, в том числе Алексеем Бестужевым, который в 1744 году стал великим канцлером.

Семья Ганнибалов за это время сильно выросла. 20 января 1744 года появился на свет третий сын, Осип (вначале отец хотел назвать его Януарием, но жена категорически воспротивилась этому «чертовскому имени»), а в 1747 году — четвертый, Исаак. А уже в следующем году Христина-Регина разрешилась еще одним сыном — Яковом. Итак, к 1748 году семья Ганнибалов насчитывает десятерых человек: супруги, пятеро сыновей, две дочки и Авдотья, дочь от первого брака, которой к этому времени уже полных 17 лет.

Старший сын Иван, которому исполнилось тринадцать лет, записан с 1744 года в армию. Его сестре Елизавете — одиннадцать лет, Анне — семь, братьям Петру и Осипу — соответственно шесть и четыре.

В родне со стороны жены также произошли большие перемены. В 1743 году Юлия-Шарлотта родила девочку, которую назвали Христиной-Региной. Анна-Густавиана в 1746 году вышла замуж за кондуктора Инженерного департамента Георга-Симона Соколовского. В том же году Георг-Карл Шеберг стал капитаном ревельского гарнизона.

Тень Евдокии

Но не все так безоблачно в семействе Ганнибалов, как может показаться. Не будем забывать, что формально Абрам по-прежнему состоит в браке с Евдокией Диопер. Развод должен утвердить Синод, в который бракоразводное дело попадает только… в 1743 году. А поскольку первый брак не расторгнут, дети Христины «должны были признаваться… незаконнорожденными: лишались права на поступление в какое бы то ни было заведение и сословие, за исключением крестьянского»[{169}].

В 1737 году дочь капитана Диопера послала жалобу в Синод, где обвиняла своего мужа в насилии. Только через шесть лет, пройдя через все бюрократические инстанции, дело пришло в Синод. 3 декабря 1743 года преосвященный Никодим, епископ Санкт-Петербургский, поставил резолюцию: до окончательного решения дела *«отдать рабу Божию Евдокию на поруки, для него освободить ее из-под стражи и разрешить поселиться в столице».* Присмотр за ней поручен приходу церкви апостола Андрея Первозванного.

В Петербурге Евдокия сошлась с подмастерьем Академии наук Абумовым и в 1746 году… вновь забеременела. А вот этого в ее положении допускать было нельзя. По совету священника Андреевской церкви Андрея Никифорова Евдокия пишет прошение в консисторию. Точнее, пишет за нее Никифоров, поскольку Евдокия была неграмотна. В нем она сознавалась во всем, содеянном прежде, в том числе в том, что *«такою же своею виною одержима есть, как и ныне имеется чревата».* Теперь Евдокия уже сама просит развести ее с мужем, у которого есть другая жена и с нею дети.

Не будь этой последней фразы, быть может, в том же году дело и закончилось бы. Но теперь в консистории всполошились и послали Ганнибалу опросный лист следующего содержания: 1) действительно ли он повенчан? 2) кто и в какой церкви венчал его? 3) по чьей венечной памяти? 4) которым показан браком?

Ганнибал раздраженно отвечал, что он уже излагал все обстоятельства императрице. (Действительно, он попытался решить этот вопрос в обход Синода, послав прошение Елизавете, но той оказалось не до Абрамовых семейных неурядиц.) Дело вернули в Синод. Прошло еще несколько лет. За это время Евдокия разрешилась дочерью Агриппиной, которая умерла вскоре после родов.

В сентябре 1749 года генерал и кавалер Ганнибал решает, что

пришла пора действовать. 15-го числа он направляет в консисторию письмо, в котором просит в *«разсуждение его долговременной и безпорочной службы и вторичнаго брака, его всемилостивейше оборонить, и бывшую… жену Евдокию взять в Консисторию и за чинимое ею прелюбодеяние опурешить от него вовсе, дабы оная прелюбодеица долее не называлась его женою и, таскаючись на воле, своими непотребствами более его к безчестию не довела»*{170}. К прошению приложил он и аттестат, выданный ему в перновской гарнизонной канцелярии.

Наконец, дело рассмотрел петербургский архиепископ Феодосии, который предложил:

1) Евдокию с Ганнибалом разлучить.

2) По силе указа от 8 января 1744 года, «учиня ей наказание», послать в Оренбург, или, по рассмотрению Синода, в отдаленный монастырь, *«на монастырския труды вечно»,* потому что *«таковая сквернодеица в резидующем граде быти не может».*

3) *«Генерал-майору Ганибалу к тому второбрачию не малую подала причину сентенция суда о наказании жены и ссылки ея на Прядильный двор на работу вечно, что и всякому не совершенно знающему духовных прав, покажется за действительное разлучение. Сверх же всего, с нынешнею его второбрачною женою в сожитии уже 13 лет и имеет 6 детей, чего ради, вместо разлучения, снабдить его церковною эпитимиею, и, сверх того, денежным штрафом, а с сею его женою брак его утвердить. Что ж военный суд, забыв публикованной имянной блаженной и вечно славы достойной памяти государя императора Петра Великаго в 1724 г. указ, по которому повелено прелюбодейным делам быть ведомыми в Святейшем Синоде, не токмо единый суд производили, но и сентенцию над прелюбодеициею утвердили и тем оному Ганибалу ко второбрачию оказию дали, кои под аттестатом подписались, подлежат суду»*{171}.

Решение архиепископа также должно быть подтверждено Синодом. А на это опять потребуется время. Пока же Евдокия снова отдана на поруки, дабы *«удалялась от прелюбодейнаго жития, под опасением наижесточайшего наказания, без всякаго помилования».* Однако 5 декабря 1749 года поручители от нее отказались. Того же числа Ганнибал подал в консисторию прошение, чтобы *«жену… ради ея непотребств, на поруки не отдавать, а, до решения дела в Синоде, содержать в консистории под караулом».* За ее содержание он готов платить.

Дело, однако, опять затягивается. В 1750 году в Санкт-Петербург назначен новый архиепископ — Сильвестр Кулябка, которому 17 ноября Святейший синод посылает это дело на рассмотрение. Его преосвященство нашел дело неполным. Нужно

выяснить еще одно обстоятельство: вероисповедание второй жены и, соответственно, основание, на котором супруги были повенчаны. Дело в том, что брак между православным и протестанткой мог быть заключен только по письменному разрешению епархиального начальства. Ганнибал этим вопросом, естественно, не озаботился, и это дало повод к новой переписке. Дело опять затягивалось. Теперь требовалось найти священника Петра Ильина, который заключил этот брак 14 лет назад, чтобы выяснить все обстоятельства дела и примерно его наказать. Это тоже занимает время. Выяснилось, что наказывать некого: Ильин незадолго до того скончался.

Но дело на этом не заканчивается, поскольку тогда же как раз меняется законодательство о наказании по подобным делам…

В это время супруги Ганнибалы подыскивают для своих детей преподавателя французского языка. Это должен быть добросовестный человек, обязательно с университетским образованием и конечно же в совершенстве владеющий языком{172}. Они встречаются в Санкт-Петербурге с пастором лютеранской общины Шляхетного кадетского корпуса Гилариусом Гартманом Геннингом, духовником Христины Ганнибал. Пастор Геннинг[61]— старый друг их семьи. Он с удовольствием берется отыскать за границей наставника, который отвечал бы всем предъявленным требованиям, и для этого пишет письмо своему другу Якобу Баумхартену, профессору теологии Галльского университета в Саксонии:

…Имею честь сообщить, что здесь у одного известного знатного господина, а именно у его Превосходительства господина генерал-майора де Ганнибала, супруга которого принадлежит к моей общине и у меня исповедуется и причащается, открылась служба, для которой требуется порядочный студент, особенно искусный во французском языке. Собственно этот господин является африканцем и урожденным негром… обладает… способностью к тем наукам, которые относятся к его форуму[62]. И потому что он сам принадлежит к греческой церкви, то по законам здешней страны также дети все без исключения исповедуют русскую религию. Супруга же — евангелическо-лютеранскую. Вот они меня и просили выписать такого студента, который, прежде всего, мог гарантировать, что покажет свои знания французского… так что было бы мне, а также господам, конечно, очень приятно, если бы был найден честный студент теологии, который был бы расположен к этому и захотел бы принять такое приглашение. Но поскольку такие редки и г-н генерал был бы удовлетворен, если бы он только являлся хорошим французом и при этом обладал бы хорошим кондуитом[63]… то

ему все равно, будет ли он теологом, юристом или медиком. И когда такие студенты, которые изучают языки и другие науки, иногда имеют желание рискнуть и удовлетворить просьбу господ… А поскольку г-н генерал был во Франции и, значит, является любителем французского языка, а также имеет хорошую библиотеку, то мог бы тот, кто хочет совершенствоваться во французском языке, доставить себе удовольствие частыми разговорами и от такого искусного француза, каким является г-н генерал, еще многим воспользоваться… Госпожа генеральша, впрочем, очень утонченная дама с хорошим характером и находится сейчас в самом расцвете сил…

Санкт-Петербург
21 февраля 1750.{173}

Профессора Галльского университета не должно было поразить известие о том, что в русской императорской армии служит чернокожий генерал. Как раз в это время, с 1727 по 1734 год, здесь учился уроженец Золотого Берега (Ганы) Вильгельм Антон Ано. Он получил степень доктора философии в Виттенбергском университете и профессорскую кафедру, написал не одну книгу по философии и стал государственным советником в Берлине.

В письме пастора Геннинга есть несколько интересных для нас деталей из описания Христины Ганнибал, которую пастор называет Frau Generalin (генеральша). Видно, что шведская супруга Абрама была женщиной незаурядной. Тем более понятно нетерпение и раздражение Ганнибала перед лицом российской бюрократической волокиты, из-за которой он до сих пор не может развестись с Евдокией. И до тех пор, пока это грязное дело, которое началось еще в 1731 году появлением на свет белокурой девочки, не завершится, над семейным счастьем Ганнибалов будет витать тень Евдокии Диопер, которая по-прежнему называется Евдокией Ганнибал.

ГЛАВА 9.
ПЕРВЫЙ И ЛУЧШИЙ ИНЖЕНЕР РОССИИ

В истории Инженерного корпуса Абрам Петрович (Ганнибал) — один из самых выдающихся людей того времени

М. Вегаер. «Предки Пушкина», 1937.

Ганнибал был большим гуманистом и примером для российского общества того времени

Н. Малеванов

Технический директор русской армии

Указом военной коллегии от 25 апреля 1752 года генерал-майор армии Абрам Ганнибал произведен в генерал-майоры от фортификации с назначением в Инженерный корпус. Ему вверено управление инженерной частью по всей России{174}.

Управление фортификациями в те годы являлось составной частью Главного управления артиллериею и фортификациею, которое находилось в непосредственном подчинении Сената{175}. Управление подразделялось на три части: экономическую, инспекторскую и инженерную. Абраму поручена последняя. В помощь ему определены два инженер-полковника: Людвиг и Бибиков. В том же указе определен и круг вопросов, которыми должен заниматься генерал-майор: всем частям и подразделениям Инженерного корпуса предписано *«впредь о состоянии объявленных служителей онаго генерал-майора репортовать от команд: по Остзейскому департаменту — бригадиру инженер-полковнику Лудвиху, а по российским — инженер-полковнику Бибикову и о всяких касающихся до команды делах представлять к нему ж генерал-майору, и резолюции требовать от него»*{176}.

Сразу же по вступлении в должность Абрам горячо взялся за дело: 11 мая 1752 года он доносил в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, что *«посланными от него к бригадиру Лудвиху и ко инженер-полковнику Бибикову ордерами предложено:*

1. Подать к нему, генерал-майору и кавалеру без дальнего промедления репорты, сколько при которой крепости каких находится служителей порознь с подробным показанием при том, сколь давно из них, кто, где имеется и прежде где в каких командированиях и при других исправлениях обретались, и какие в том имеют аттестаты, и ныне кто, где, при каком исправлении, от кого определенный состоит.

2. Крепостям планы с профилем и показанием около их ближайших ситуациев.

3. Какие в которой крепости и какими казенными или волны-ми людьми работы исправляютца… и по чьим, когда последовавшим прожектам.

4. Сколько в которую крепость к нынешнему году нужно каких материалов и припасов для чего требовано… и нет ли где от недостатка какой остановки.

5. Отныне о всех происходимых командных и экономических делах и о командировании по крепостям и в другие места и об

отпусках в домы и к произвождению чинами инженерных служителей и о протчем для резолюции представлять; также о состоянии всех команд и протчего и о фортификационных работах с приложением обыкновенных планов и профилей месячные и третные годовые репорты подавать особливо ж и семидневные репорты; кроме С.-Петербургской и Шлиссельбургской, ис протчих отдаленных каждому командующему во оных присылать прямо к нему генерал-майору и кавалеру, а таковые ж семидневные репорты о С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях подавать к нему ж, генерал-майору и кавалеру, и бригадиру инженер-полковнику Лудвиху.

6. О С.-Петербургской и Московской инженерных школах, кто что ученики обучили и давно ль находятся в учении… прислать к нему ж, генерал-майору и впредь таковы ж семидневные и месячные о состоянии оных учеников и резолюции требовать у него»{177}.

Из приведенного документа видно, что генералу от фортификации Ганнибалу был поручен надзор не только за состоянием всех российских крепостей, но и за уровнем преподавания в крупнейших российских инженерных школах — Московской и С.-Петербургской.

3 июня 1752 года Канцелярия главной артиллерии и фортификации определила: школы артиллерийскую и инженерную соединить в одну (осуществлено это будет, правда, только через шесть лет){178}. Русские историки сходятся во мнении, что мысль эта должна была принадлежать Ганнибалу. Ведь именно так была устроена Артиллерийская школа, в которой он проходил обучение во Франции. Ганнибал являл собой типичный образец военного инженера, который изучал артиллерийское и инженерное дело одновременно. Вполне естественно, что он полагал за благо совместное обучение будущих военных инженеров и артиллеристов.

В первые годы службы Абрама Ганнибала в Инженерном корпусе одной из наиболее важных задач стало управление возведением Тоболо-Ишимской линии укреплений в Западной Сибири, начатой по указу Сената от 28 февраля 1752 года. Работы завершились уже через два года.

Возможностей проявить свои таланты фортификатора у Ганнибала множество. С присущим ему усердием руководит он обновлением всей системы защиты на западной и северо-западной границах России. Так, в 1753 году все работы в Кронштадтской, Рижской, Перновской и Петропавловской крепостях велено производить *«по ево генерал-майора и кавалера разсуждению»]* работы же в Петропавловской крепости выполняются под непосредственным его наблюдением. Даже наём

рабочих *«для исправления при С.-Петербургской крепости самонужнейших фортификационных работ следует производить по рассмотрению ево генерал-маэора»*{179}.

В том Же 1753 году генерал-майор занимается проверкой документации и курирует строительство укреплений на юге великой империи: в Славяносербске и Новосербске, между Днепром и Донцом.

Эта осень отмечена радостным и долгожданным событием в жизни семьи Ганнибалов: 9 сентября 1753 года Святейший синод принял окончательное решение по делу Евдокии Ганнибал. Ее признали виновной «в преступных сношениях до свадьбы с Александром Кайсаровым и после — с Шишковым и Абумовым и присудили: с Ганнибалом ее развести и препроводить в губернскую канцелярию для отсылки куда таковых посылают, или в отдаленный монастырь»{180}. Брак с Христиной решено утвердить, наложив на Ганнибала эпитимию и денежный штраф. С Евдокии взята подписка в том, *«чтобы она впредь женою Ганнибала не называлась и в новое прелюбодеяние не впадала, под опасением наижесточайшего наказания, а за прежнее свое согрешение принесла покаяние пред отцом духовным и строго исполняла эпитимию, какая ей будет наложена…»* 24 января 1754 года Евдокия отправлена в Староладожский женский монастырь. К этому времени в Новгородской консистории был получен указ Синода, чтобы Евдокию в монастыре содержать и наблюдать, *«дабы оная, пребывая в покаянии, приходила в церковь к повседневному молитвословию, келейнаго правила не оставляла и, по возможности, в монастырских послушаниях обращалась неленостно»*{181}.

Двадцать один год — целую жизнь — ждал Абрам этого развода. Дело, начатое в феврале 1732 года жалобой в перновскую гарнизонную канцелярию, закончилось лишь в сентябре 1753-го. Успели вырасти дети: старший сын Иван, восемнадцатилетний юноша, морской офицер; Петр и Осип, тринадцати и одиннадцати лет соответственно, артиллерийские сержанты; Исаак (6 лет) и Яков (4 года) еще слишком малы для службы. Артиллерийские части в России тех лет — самые престижные. Не случайно отец определяет своих детей именно в эти войска.

Семья Ганнибалов живет в купленном Абрамом доме на Васильевском острове. Сам же он с конца 1753 года по январь 1754-го работает в Финляндии. Он снова выполняет ответственное поручение Коллегии иностранных дел по разграничению *между Российской империей и Швецкой короной земель*. В работе комиссии участвует и его военно-походная

канцелярия{182}. С 30 января 1754 года Ганнибал снова присутствует на заседаниях Канцелярии главной артиллерии и фортификации. В том же году, по представлению полковника из Киева, он занялся рассмотрением проекта по *«постройке в Киево-Печерской крепости вместо старых ветхих Васильковских деревянных вновь каменных ворот и при них же каменных же караульных покоев»,* а также других крепостных сооружений. Он составил планы и подал заключение на рассмотрение Канцелярии{183}.

8 том же 1754 году генерал-майор от фортификации предложил нововведение: при произведении работ по ремонту столичной Петропавловской крепости облицовывать стены не кирпичом, как было ранее, а камнем-плитняком, так как *«плита несравненно с кирпичом, но веема долговременно стоять может».* Была произведена пробная кладка, после чего, рассмотрев и одобрив планы работ Ганнибала, решили «плитную одежду» стен *«производить по временам, когда которая часть за обвалившимся кирпичом новую одежду требовать будет»*{184}.

9 августа 1754 года *для свидетельства* возможности производства этих работ по старой стене вместе с Ганнибалом на строительство прибыла важная комиссия, которая должна была дать экспертную оценку предложения Ганнибала. В комиссию входили генералы, члены Канцелярии, а также известные архитекторы-строители того времени: С. Чевакинский, М. Башмаков, О. Трезини и А. Вист. В их присутствии была произведена вторая пробная облицовка участка крепостной стены между Екатерининской куртиной и Трубецким бастионом. В протоколе осмотра записано: *«по довольному разсуждению согласие положили (в чем подписались…) следующее: хотя, как выше явствует по опробованному той крепости плану*[64] *о той одежде не назначено, но оное должно учинить»*{185}.

Все в том же 1754 году генерал-майор от фортификации предлагает еще одно нововведение: он впервые вносит в программу инженерных школ преподавание гражданской архитектуры. Таким образом, он внес свой вклад и в преподавание технических дисциплин в России.

Присутствие его требуется то в одном, то в другом конце необъятной империи. Он часто надолго оставляет столицу. В том же году, например, Ганнибал присутствует на закладке крепости Святой Елизаветы (позднее Елизаветград, еще позднее Кировоград). Именно под его руководством заложен первый камень этой крепости. 27 февраля 1755 года Канцелярией главной артиллерии и фортификации одобрены поданные заключение и собственный *«особливо учиненный им план»*

реконструкции Киево-Печерской крепости{186}.

Ганнибал — директор работ в Кронштадте и глава Инженерного корпуса

Со времени назначения в Инженерный корпус в 1752 году генерал-майор Абрам Ганнибал не покладая рук работает над упрочением оборонной системы Российской империи. Он проектирует новые крепости, руководит реконструкцией старых. Ганнибал проявляет себя превосходным фортификатором.

Кроме того, он не новичок и в гидротехническом деле. Эта сторона его дарований не осталась без внимания. 30 марта 1755 года выходит указ о его назначении на место умершего генерала Любераса главным командиром *«устроения и содержания канала и доков»* в Кронштадте, а также о *«присутствии»* его в *«Комисии по Рогервицкой гавани, Кронштадтом и Ладожском каналах»*{187}. Под его началом находится «одно из значительных гидротехнических сооружений крепостной России, начатое еще при Петре I… Западная Европа того времени подобного ничего не имела{188}. Сенатская комиссия выбрала именно его, так как сочла, что он *«довольно знаемый Правительствующим Сенатом и способный к тому делу»,* как сказано в том же указе.

В 1755 году Абраму Ганнибалу исполнилось 59 лет. Несмотря на годы, и даже вопреки им, — он все тот же. Как считает Н. Малеванов, один из его биографов, «до конца своей службы А. П. Ганнибал оставался, как и в дни молодости, требовательным и заботливым начальником». Но забота о скорейшем произведении работ никогда не вытесняет глубокую его человечность. Напротив: чем выше поднимается он по служебной лестнице, тем более заботят его судьбы подчиненных, которыми он назначен командовать. Быть может, из африканского своего детства вынес он один из основных принципов африканского общежития: богатство и власть должны прийти на помощь самым обездоленным?

Так или иначе русский африканец остается гуманистом, необычным человеком для России той эпохи. По замечанию Н. Малеванова, он «в меру своих возможностей стремился облегчить нелегкие условия жизни и труда тех сотен наемных мастеровых и работных людей, что строили канал, дамбы гаваней…

Вскоре после назначения на должность главного командира Кронштадтского канала А.П. Ганнибал предложил Конторе кронштадтских строений устроить для работных людей госпиталь. И хотя на *«содержание больных казны никакой и ниоткуда»* не полагалось, первая больница для рабочих была им

все-таки организована»{189}.

Неординарное, согласитесь, для России того времени начинание. И решение Абрам принимает неординарное. Он сам обращается к мастеровым и рабочим с предложением отчислять с каждого заработанного рубля по копейке на строительство госпиталя. Его предложение принято с энтузиазмом. Однако когда деньги собрали и посчитали, то выяснилось, что этого недостаточно. Тогда Ганнибал порекомендовал Конторе кронштадтских строений собирать деньги при выдаче жалованья офицерам и при расчетах с купцами за поставленные материалы, *«из коих не безуповательно от своего позволения по одному христианству… каждый по возможности своей давать похотят, как уже некоторые из купцов таковые доброхотные деятели и сыскались»*{190}.

Надежды на добровольные пожертвования, ко всеобщему удивлению, оправдались, и достаточная сумма набралась. Собранные деньги приказано употребить *«на пользование тех болезней медикаментов»* и на покупку продовольствия. Госпиталь был вскоре открыт. Теперь заболевшие рабочие могли рассчитывать на бесплатное питание и уход.

В том же 1755 году по инициативе Ломоносова и при поддержке императрицы Елизаветы в Москве основан первый российский университет.

25 декабря, на Рождество Абрам узнает, что он произведен в генегал-поручики. В Табели о рангах это звание занимает третью ступень. Другими словами, теперь он принадлежал к высшей знати империи: звание генерал-поручика русской армии приравнивалось к званию вице-адмирала во флоте и тайного советника в гражданской службе. Тем же указом он назначен губернатором в Выборг, на финскую границу. С одной стороны, назначение это было, несомненно, почетным, с другой же — пост губернатора был должностью административной, а значит, от всероссийских дел Ганнибал отстранялся.

Неизвестно, насколько сам Ганнибал готов был оставить свои обязанности в Инженерном корпусе, чтобы перебраться в Выборг и управлять провинцией. Лет через 12—13 он, без сомнения, с радостью занял бы этот высокий пост. Но поднося в 1726 году императрице Екатерине I свой учебник «Геометрия и Фортификация», он мечтал не об административной карьере. За прошедшие годы его страсть к фортификации, к занятиям математикой, к исследованиям в гидротехнике, инженерному делу не ослабла. Напротив, он, как никогда полон творческих сил. Неудивительно, что Ганнибал желал оставаться техническим директором при работе, которая требовала от него ума,

технических знаний и конечно же изобретательности…

Однако и императрица считала Ганнибала в его деле незаменимым специалистом. Так что недолго пришлось ему губернаторствовать. В протоколе Военной коллегии от 3 января 1756 года записано: *«Ея Императорское Величество указать изволили генерал-лейтенанту и ковалеру Ганибалу остатца при Инженерном корпусе по-прежнему… понеже оной господин генерал-лейтенант и ковалер командует ныне всем Инженерным корпусом и подлежащих до того корпуса делах представления, тако ж и о состоянии инженерных служителей месячные и третные табели и списки в канцелярию подает и о подлежащих же делах от себя к командам предложении чинит»*{191}.

Итак, генерал-лейтенант и кавалер Ганнибал остается в столице. Здесь, на Выборгской стороне, в 1756 году он обустраивает военный полигон, где курсанты Артиллерийской школы могут упражняться в практических стрельбах, а воспитанники Инженерной школы — обучаться ведению инженерной атаки{192}. Важность практического образования для будущих артиллеристов, военных инженеров и фортификаторов очевидна для воспитанника школы в Л афере…

В том же году генерал-фельдцейхмейстером и президентом Военной коллегии назначен граф П. И. Шувалов[65], брат фаворита Елизаветы Ивана Шувалова. Граф Шувалов считает, что артиллерия должна стать основной силой русской армии, потому начинает реформу в армии. В 1756 году военные инженеры и артиллеристы были объединены в один корпус. Тем самым воплотилась в жизнь мысль Ганнибала, высказанная им за три года до этого.

Как раз в это время во Франции, где Абрам Петров получил в свое время основательное образование и диплом военного инженера, проводились подобные реформы. 8 декабря 1755 года появился королевский указ, объединявший «артиллерийские и инженерные войска под непосредственной властью Его Величества Людовика XV». Причины такого объединения изложены в первой статье указа, которая гласит: «Его Величество… счел, что надлежит, для блага государственного… объединить артиллерийские и инженерные войска, нимало не сомневаясь, что удовлетворение, которое он до этих пор имел от сих чрезвычайно важных государевых служб раздельно, возрастет неизмеримо отныне, когда те, кои их составляют, сложат свои силы в ревностном служении под высокой Его Величества властью для успехов тех дел, которые будут им поручены… Его Величество указал, чтобы батальоны Королевской артиллерии полка, саперные роты со всеми службами и подкомандными

людьми, артиллерийские и инженерные офицеры составляли отныне единый корпус, называемый Артиллерии и Инженерства Королевский корпус»{193}. Однако радость по поводу этой меры среди подданных его величества оказалась более чем умеренной. Анна Бланшар, французский военный историк, дает этому такое объяснение: «Вдохновителем этого преобразования был важный военный сановник М. Дюбуа, который, в рассуждении экономии и рентабельности, надеялся, что возможно будет заставить сотрудничать в осадных войнах эти два рода войск, без сомнения искусных, но конкурирующих между собой и использующих совершенно разную технику. Граф д'Аржансон[66] видит в таком объединении еще одно преимущество: возможность подвести под власть короля артиллеристов, ограничив тем влияние генерал-фельдцейхмейстера Франции, Объединение это поддержали в какой-то мере артиллеристы, довольные таким подкреплением для себя, но оно было с недоброжелательством встречено как многими высокими сановниками, так и их подчиненными…» Но если во Франции объединение двух родов войск вызвало беспокойство в военных кругах, то в России, напротив, все, кажется, прошло вполне мирно.

4 июля 1756 года Абрам Ганнибал получил звание генерал-инженера, то есть главного военного инженера[67]. Через девять дней он отпраздновал свое шестидесятилетие. Пятьдесят два года из шестидесяти он прожил в России. Более полувека прошло с того знаменательного дня, когда 13 июля 1705 года в Вильне Петр I стал его крестным отцом. Мог ли маленький африканский принц помыслить в те дни, какая необычная судьба уготована ему на этой чужой, неизвестной земле. Несмотря на суровый климат, Россия оказала теплый прием маленькому арапу. Стоит ли говорить, что он все более привязывался к этой стране, столь далекой от его родного Логона, врастал корнями в эту почву. Многочисленное потомство: пять сыновей и две дочери — постоянное о том напоминание. Девятилетний Исаак скоро догонит старших братьев в Артиллерийской школе. Яков, младший, скоропостижно умер. Ему в этом году исполнилось восемь лет.

В качестве генерал-инженера Абрам Ганнибал становится членом Присутствия, на заседаниях которого решаются различные вопросы, связанные с артиллерийской и инженерной службами. В этом комитете происходит чисто бюрократическая деятельность, далекая от жизни и реальных интересов человека, который привык заниматься техническими, прикладными вопросами. Из протоколов Канцелярии главной артиллерии и

фортификации узнаем, что А. Ганнибал *«с июля месяца 1756* г. *по ноябрь 1757 г., в течение 18 месящее, был в присутствии всего 17 дней, из остального оке времени 23 дня находился при отправлении командных дел, а все прочие дни показывал себя больным».* За этот период *«им, генералом Ганибалом, не было подписано: протоколов — 2755 и журналов 189»*{194}. Это характерно. Таково отношение генерал-инженера к канцелярской работе. Граф П. И. Шувалов сделал ему выговор и потребовал, чтобы он «или подписал протоколы, или выразил свое несогласие». Но это ничего не изменило. Ганнибал не желал тратить время на «сидение» в присутствии и всю эту писанину. В итоге граф заменил его.

21 мая 1757 года учреждена *«Комиссия для разсмотрения положения российских крепостей».* Комиссия состоит из восьми членов: первым был генерал-аншеф В. В. Фермор, блестящий военный администратор. Абрам назначен вторым. В комиссию входит также верховный главнокомандующий фельдмаршал граф Апраксин. Комиссия призвана обследовать всю систему размещения крепостей в империи, поскольку *«многим пред сим бывшия на границе крепости, по распространении российских границ, от оных уже удалены, и прежней своей надобности не имеют, и та служба, для чего они тогда были построены, не весьма нужна, а оныя еще и по ныне равное содержание и починку из фортификационной суммы получают… а на против того при самых границах в некоторых местах, в потребных для закрытия оных, в укреплениях недостаток находится, да и некоторыя крепости со всем, за худобою положения мест, к переноске на другим места подлежат, а к тому за неузаконением в крепостях надлежащей фигуры, происходят в укреплениях великия перемены, и от излишней переломки, и употребляемой на то из фортификационной, сверх надобности и необходимой нужды, суммы, некоторыя крепости уже, за недостатком денег, без починки остаются»*{195}.

В 1756 году Россия ввязалась в новую европейскую войну, получившую впоследствии название Семилетней[68]. В июле 1757 года русские войска под командованием фельдмаршала Апраксина одержали несколько важных побед над прусскими войсками. Однако граф по непонятным причинам не пожелал воспользоваться достигнутым. Наоборот, он отдал приказ к отступлению, чем вызвал гнев русской императрицы. Она заменяет его генералом В. В. Фермором. Последний прекращает работу в Комиссии. Место председателя автоматически занимает Абрам Петрович.

Для выполнения работы специальным приказом Канцелярии главной артиллерии и фортификации Ганнибалу выдали

«имеющуюся во оной канцелярии экземплярную о крепостях именуемую «Сила Российской империи» книгу», а также *«потребные планы и карты… всем состоящим около Российской империи границам и по ним лежащим крепостям и линиям… тако ж и внутренним крепостям генеральные планы»*{196}. То есть самые секретные документы.

Новые обязанности, свалившиеся на Ганнибала, были безусловно первостепенной важности, однако неутомимый инженер и гидротехник успевает следить за работами на грандиозных гидротехнических сооружениях. Он регулярно посещает Кронштадт, Ладогу и Рогервик. В 1757 году, например, лично руководит работами по расчистке Ладожского канала. Ее производили на первых 12 верстах «по случаю засорения русла и уменьшения глубины до 3—5 футов». Кроме того, берега канала «укреплялись каменной надводной одеждой, вместо деревянной»{197}.

В Кронштадте, куда технический директор также регулярно наведывается, он выказывает озабоченность судьбами работников и их семей. Так, в разгар Семилетней войны ему приходится приложить немало усилий, чтобы выбить из Штатс-конторы (финансового ведомства) деньги на жалованье работным людям, чтобы *«они от неполучения денег не пришли во всеконечное и крайнее разорение»*{198}.

Не остаются без его внимания и дети. На протяжении многих лет на гигантской стройке заняты сотни работных и мастеровых людей, инженеров. Доходы работных и мастеровых ничтожны, а у них на руках, как правило, многочисленное потомство. Прежде арап заботился об улучшении санитарных условий для самих рабочих. Теперь решает заняться их детьми.

Абрам Петрович организует на территории Кронштадтского канала школу для малых детей. Он не гнушается сам ходить по улицам и подбирать беспризорных детей, отводить их в школу. Свидетельство Н. Малеванова об этом социальном аспекте его деятельности весьма показательно: «Подлинно отеческую заботу проявлял Абрам Петрович о детях мастеровых и работных людей. Во время своих наездов в Кронштадт лично сам определял подростков от 10 до 16 лет в ученье: кого — к письменным делам и фельдшерскому искусству, а кого — постигать столярное, слесарное и кузнечное мастерство. По мере успехов в учебе *«за прилежание науке и чтоб, смотря на то, другие в том ревность имели»* назначал прибавку к *«окладам»*.

Будучи в Кронштадте в конце августа 1756 года, А. П. Ганнибал наметанным глазом заметил двух старательных пареньков и тут же предложил *в резолюцию* Конторе

кронштадтских строений *«определенным для обучения за малолетством в токарную работу Семену Еремееву и Максиму Тимофееву, дабы оныя к ученью лутчую прилежность иметь могли да и протчие малолетние во обучении другим художествам ревность имели к прежде получаемому им окладу учинить прибавку по 10 копеек в месяц»*{199}.

Многие годы Абрам Петрович, добрый гений и покровитель кронштадтских детей, будет вести неустанную борьбу, цель которой — дать этим детям хоть какой-то шанс в жизни. И он добивается успеха. Так, например, два выходца из этой школы, Роман Дмитриев и Федор Борзов, спустя годы отличились тем, что сконструировали одну из первых паровых машин для русского флота.

Генерал-аншеф русской армии

В связи со слиянием Инженерного и Артиллерийского корпусов появилась надобность в специально подготовленных офицерах для этих родов войск. В 1758 году появляется указание генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова, который *«озаботился этим, разсмотрев состояние и обучение в науках артиллерискоей и инженерной школ, нашел, что в артиллерискоей фортификации, а во инженерной артиллерии не обучают, которые науки знать им взаимно необходимо надобны; и для того от него, генерал фельдцейхмейстера, генваря 7 числа сего году, ар-тиллери к генерал лейтенанту Глебову[69] и генерал-инженеру и кавалеру Ганибалу ордерами и предложено, чтоб в школах артиллеристов фортификации, а инженеров артиллерии обучать; а для каких резонов определено, о том к ним доволно в трех ордерах изображено»*{200}. Во исполнение этого указа генерал-лейтенантом Глебовым, главой Артиллерийского корпуса, и генерал-инженером и кавалером Ганнибалом, главой Инженерного корпуса, в том же 1758 году было проведено объединение двух школ в Петербурге: Артиллерийской и Инженерной.

В то же самое время во Франции идея такого объединения полностью провалилась: 5 мая 1758 года специальным указом Людовика XV школы были разделены вновь. А в марте 1759 года оглашен новый королевский указ: *«Инженерному корпусу вверить управление минерами и саперами, а ему поставлену быть под командование Белидора, нареченного отныне Инспектором упомянутого корпуса».* Профессор Белидор — бывший преподаватель математики Абрама Петрова. За это время блестящий математик и военный инженер Франции написал множество книг по военному инженерному искусству, стал членом Академии наук{201}. Не известно, знали ли эти два человека об успехах друг друга. Однако можно с уверенностью предположить, что Белидор, как всякий учитель, был бы горд, узнав о том, какую карьеру сделал его ученик из Лафера,

В 1759 году у Абрама снова возникает конфликт с начальством. По докладу генерал-фельдцейхмейстера Сенат определил перемещения по службе инженерных офицеров, занятых на работах при Кронштадтском канале. Принято решение сменять этих офицеров, наблюдая за тем, чтобы после каждой перемены оставалось не менее *«трех человек с капитаном из старых, яко уже заобвыкших и все важныя работы знающих».* Получив это указание, генерал-инженер Абрам Ганнибал подает в Сенат протест. Он требует, чтобы инженерные офицеры при

Кронштадтском канале проходили службу наравне со своими коллегами при Ладожском канале, то есть бессменно. Аргументирует он этот протест следующим образом: *«Из прежде находившихся при Кронштадтском канале старых инженерных офицеров, за раскомандированием остался один инженер-капитан поручик (который ныне Капитаном) Збродов, и оный был по большой части при чертежной, а не при работах… следовательно, тех инженерных офицеров из старых при том канале, яко за обвыкших и все важные работы знающих, для сохранения оных не токмо трех, но и одного за таковым их раскомандированием и разными случаи отбытием не осталось; а хотя вместо… старых, из назначенных вновь по разсмотрению Господина Генерал-Фельдцейхмейстера и Кавалера, определены и к каналу, но токмо чтоб оныя вскоре при том канале подлежащие обстоятельства познать, да и чтоб в том только по одним наставлениям в исправлении на них без привычки положиться не без сомнения есть; да из оных определенных офицеров, как некоторыя определены и при первой перемене оных чинами, уже по полученным новым чинам, в непродолжительном времени от канала взяты будут, то следственно паки на их места вновь присланным быть другим, да и далее время от времени то ж последовать будет, и за тем от частых перемен тех офицеров, в сходственность онаго указу, старым и привычным при том канале оставаться не можно…»*{202}. Но Петр Шувалов, автор проекта, слишком влиятелен, чтобы Абрам мог ему противостоять. Сенат отклоняет обоснованное и вполне разумное требование генерал-инженера, и ему предписано следовать распоряжениям графа Шувалова{203}.

Однако этот конфликт никак не повлиял на головокружительную карьеру арапа: 23 октября 1759 года Абрам Ганнибал произведен в генерал-аншефы и назначен главным директором ладожских каналов и Комиссии кронштадтских и рогервицких строений{204}.

Спустя некоторое время, 30 августа 1760 года, императрица жалует его орденом Александра Невского — звездой и красной лентой через плечо. Теперь Ганнибал — кавалер двух орденов: Святой Анны и Святого Александра Невского.

Не забывает Абрам своими заботами и подчиненных: в 1761 году он ходатайствует в Сенат об утверждении штата работников при кронштадтском канале. При рассмотрении этого вопроса в документах была допущена ошибка, и 150 из определенных в штат 456 человек остались без отпускных. Абрам опротестовал это решение Сената и добился своего{205}.

Помнит Ганнибал и о кронштадтских детях. По его требованию Контора кронштадтских строений регулярно

присылает ему списки *малолетних* и выполненных ими работ (в слесарных мастерских подростки занимались изготовлением замков). В феврале 1759 года, лично осмотрев присланные замки, Ганнибал распоряжается *«для лутчего… поощрения впредь ко обучению, дабы они по нынешнему их возрасту в содержании себя пропитанием, тако ж в одежде и обуви нужды понести не могли и ревность имели отныне производить каждому по 1 р. 50 коп. в месяц»*[{206}].

Однако более или менее спокойное течение дел прерывается событиями чрезвычайными и весьма неблагоприятными для Абрама. Накануне Рождества 1761 года императрица Елизавета сдает настолько, что изъявляет желание исповедаться. Ее соборуют[{207}]. 25 декабря князь Никита Трубецкой объявляет дворянам, собравшимся в императорском дворце, о преставлении государыни. «Посреди горестных рыданий собравшихся Никита Трубецкой провозглашает императором Петра III»[{208}].

Как и смерть Екатерины I, кончина ее дочери Елизаветы завершает целую эпоху в жизни крестника Петра. «25 декабря 1761 года Ганнибал оплакивал свою крестную сестру и благодетельницу императрицу Елизавету и, присягнув ее преемнику, императору Петру III, похоронил и своего единственного начальника, графа Шувалова, по смерти которого должность его поручена временно, до назначения новаго фельдцейхмейстера, генерал-лейтенанту Ивану Федоровичу Глебову»[{209}].

С января по март 1762 года работы на каналах, как обычно, приостановились, так как озера сковало льдом. Ганнибал остается в Петербурге. Пользуясь освободившимся временем, он занимается подготовкой к следующему году. В газетах опубликованы объявления, в которых в *«Военно-походную канцелярию его высокопревосходительства господина генерала и кавалера Ганнибала»* приглашаются *«на торги все, желавшие поставлять что либо командам каналов: Кронштадтскаго и Раниенбаумскаго»*[{210}].

В это время на заметные роли при дворе выходят из тени разные люди. Из Сибири возвращены Бирон, Миних, Лесток. Граф Георг Гольштейн назначен главнокомандующим. Другой Гольштейн, губернатор Эстляндии, недруг обер-коменданта Ганнибала в 40-е годы, становится фельдмаршалом. 18 мая образовано специальное «Особое собрание при Высочайшем дворе». Петр Гольштейн-Бек включен в состав этого совета. Все это не могло не отразиться на судьбе Абрама Петровича.

Уже через три недели, 9 июня 1762 года Ганнибала отправили в отставку. Была указана причина: *«за старостию»,*

Ганнибалу шестьдесят шесть лет, он полон сил, готов трудиться и дальше. Вопреки установившейся в русской армии традиции, отставка не сопровождается повышением. Ганнибал не получил ни полагавшегося ему звания фельдмаршала, ни благодарностей, ни поздравлений. Более того, на его место назначен восьмидесятилетний старик, фельдмаршал граф Миних, только что возвращенный из Сибири.

Вечером 9 июня Петр III дает обед на 400 персон в честь ратификации мирного договора с Пруссией. По этому случаю он нарядился в прусский военный мундир…

Менее чем через месяц в России снова происходит дворцовый переворот, и в который уже раз во главе его встает энергичная женщина. Петра III свергла его жена, принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, ставшая еще при жизни Елизаветы великой княгиней Екатериной Алексеевной. В российскую историю она войдет под именем Екатерины И.

Ганнибал, который внимательно следит за придворными переменами, в июле 1762 года пишет на имя Екатерины прошение. Он еще надеется получить причитающееся ему по отставке. Напомнив Екатерине, что он уже 57 лет является верным слугой императорской фамилии, Абрам сообщает, что *«июня 9 дня неповинно и без всякого моего преступления от службы отстранен без награждения»,* и просит пожаловать ему земли в Ингрии *«для пропитания з бедною моею фамилиею»*{211}.

Но у новой императрицы хватает своих забот. В июле убит ее супруг император Петр III. Убийство совершено приближенными императрицы, но народу объявлено, что император скончался от «геморроидального криза». Екатерине нужно время для утверждения своей власти. Новая императрица заявляет, что восстановит попранную справедливость. Бесчисленные жертвы прошлых режимов устремляют к ней свои челобитные и жалобы. Очень скоро ее просто затопило «потоком писем… три четверти из них она оставляла без ответа»{212}. Прошение Абрама Ганнибала постигла та же судьба. На оригинале письма стоит отметка безымянного секретаря: *«решения не учинено».*

Абрам Ганнибал навсегда покидает службу. Ему шестьдесят шесть лет, он знавал всех правителей, что правили этой бескрайней страной. Сын века XVII, рожденный в Африке, он вошел в историю другого, XVIII века и другого континента — Европы.

ГЛАВА 10.
ЧЕРНЫЙ БАРИН

…прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей…

Пушкин, «К Языкову», 20 сентября 1824 г.

Отставка. Суйда

В конце пятидесятых годов Ганнибал занялся планомерным расширением своих и без того не малых владений. Он покупает земли в районе Петербурга. Когда он покидает Канцелярию главной артиллерии и фортификации, в его руках уже два обширных имения: Михайловское с окрестностями в Псковской губернии и Суйда в Копорском уезде, в которую входят: Руново, Елицы, Тайцы и прилегающие к ним деревни. Это новое имение расположено примерно в 60 километрах от Петербурга. Кроме имений, Ганнибал владеет большим домом в самой столице, на Васильевском острове. Позже он продаст его, а на вырученные деньги построит новый.

Вероятно, Абрам Ганнибал еще в тридцатые годы почувствовал вкус к сельскому хозяйству. Остаток своих дней он решает посвятить обустройству своих имений. Появляется у него, наконец, время и для тихого спокойного общения с семьей, детьми. Со свойственной ему увлеченностью он отдается воспитанию младшей, трехлетней Софьи.

Старшие дочери давно вышли замуж. Елизавета Абрамовна замужем за военным инженером, подполковником Андреем Пушкиным. Род Пушкиных древний и знатный. Пушкины близки и к царской фамилии. Так что отец Елизаветы, «ветеран петровской эры», мог только радоваться, глядя на этот союз. Вторая дочь, Анна Абрамовна, также сменила фамилию. Ее муж — генерал-майор Семен Неелов.

Сын, Петр Абрамович, 1 июня 1763 года получил чин капитана от артиллерии. Ему двадцать один год.

В сентябре 1765 года покой отставного генерала нарушил нарочный из столицы. Он привез следующее послание:

Абрам Петрович. Мне не безызвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились, в то время когда блаженным памяти Государь Петр Великий по способности вашей употреблял вас по многим делам, по нему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого Государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги. А как мне известно же, что он помышлял о строении канала от Москвы до Петербурга и к тому уже и проект зделан был, то вы мне особливую благоугодность сделаете, ежели чертеж тому отыскав (когда он у вас был), пришлете ко мне со всеми принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он вчерне только был зделан. Но ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то по крайней мере укажите мне, где оный отыскать можно, который я с

нетерпеливостью видеть хочу.

Так же есть ли вы о сем проекте от Его Величества рассуждения слышали, сколь о том вспомните, ко мне отписать[70].

Остаюсь к вам доброжелательна Екатерина.

2 сентября 1765. Царское Село.

Тянуть с ответом Абрам Петрович не стал. Уже 7 сентября он направил императрице следующее послание:

Всемилостивейшая Государыня.

На высочайшее Вашего Императорского Величества всемилостивейшее повеление я всеподданнейше доношу: хотя прежде сего счастие имел при блаженны и вечно достойный памяти Государя Петра Великого в смотрение моем иметь собственной Его Величества кабинет, в котором все чертежи, прожекты и библиотека имелось; только ныне за долговремением о прожекте Московского до Санкт Петербурха канала я и в рассуждении слышать не упомню, окроме о кратчайшей Прешпективе до Москвы, который совершить Его Величество всегда напоминать изволил, а после смерти сего Великого Государя уже в нонешних временах видел я книги и другие достопамятные вещи сего Кабинета в Академии Наук, а как все те прожекты и чертежи всегда вместе содержались, следовательно и ныне под сохранением там же быть надлежат или в Архиве Собственного Кабинета.

Вашего Императорского Величества, всемилостивейшей государыне всеподданнейший раб

А. Ганнибал{213}.

Утром 7 сентября Иван Ганнибал передал это письмо сенатору Григорию Теплову. Тот передал его в собственные руки Екатерины. Императрица, ознакомившись с этим письмом, собственноручно сделала сверху следующую отметку (весьма, надо сказать, нелестную для Академии наук): *«Есть ли сии планы в Академии, то и спрашивать их не для чего, понеже верно украдены».*

В том же 1765 году Вольное экономическое общество составило анкету «из 65 пунктов, касающихся состояния различных сторон жизни России (промышленности, торговли, транспорта, сельского хозяйства, населения, природных условий и т. д.)». Эта анкета «была разослана во многие губернии страны. Санкт-Петербургский губернатор С. Ф. Ушаков особым объявлением от 5 февраля 1766 г. направил нарочных для раздачи ее по уездам. Таким образом она и попала к А. П. Ганнибалу».

Ганнибал ответил на анкету. Его ответы впервые были опубликованы в 1989 году М. Ф. Прохоровым, которому удалось найти в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки этот интереснейший документ XVIII века, проливающий свет на экономические взгляды Ганнибала. «В своих ответах, — пишет Прохоров, — А. П. Ганнибал пытался поставить и решить важный в экономической науке XVIII века вопрос о роли органических удобрений для подъема зернового хозяйства, зависимости земледелия от скотоводства. Он отмечал, что *«…в здешнем месте благополучные годы у которого крестьянина земля унавожена».* По его мнению, *«…которой крестьянин довольно имеет скот рогатой и в пропорции лошадей, у того весьма надобно земли из худой в добрую поправиться».*

Примечательно, продолжает Прохоров, что Ганнибал «один из первых в уезде явился инициатором разведения картофеля («земляных яблок») и в анкете отметил, что на Суйдовской мызе *«…показанные яблоки давно имеются и для домашнего расходу довольно родиться».* В вотчине проводились успешные опыты по высеву зерновых культур *(«из дальних провинций привозитца, и озим всходом, так и умолотом знатно превосходит старой»).* Но неудачей закончились, например, его эксперименты по культивированию на мызе льна и конопли *(«первой год нарочито родится, а на другой оныя семена совсем перерoдятся и негодным учинятся»).*

Заслуживают внимания практические советы Ганнибала по рациональной организации отдельных сторон помещичьего хозяйства, например, по отбору семенного фонда, высеву зерновых и технических культур, созданию дренажной системы и т. п».{214}.

Гордый отец

В эти мирные годы Абрам Ганнибал наконец-то может спокойно пожить с любимой и любящей супругой. Он теперь имеет возможность видеть ее ежедневно. Вечерами, усаживаясь отдохнуть от дневных забот на «каменный диван» в саду, Абрам, обладающий, по воспоминаниям современников, великолепной памятью, рассказывает любимой «Крестине» о «далекой Африке своей». По свидетельствам потомков, истории эти часто вызывали у патриарха слезы. Особенно эпизод увоза маленького негритенка из родного Логона. Единственная сестра мальчика Лагань, видя удаляющийся корабль, в отчаянном порыве бросилась вплавь за ним вслед. С удаляющегося от родного берега корабля видел пленник, как воды сомкнулись над головой сестры…{215}

Супруги Ганнибал с гордостью и волнением следят за карьерой сыновей, которая начинается как раз в эти годы. В 1768 году Турция объявила войну России. 10 февраля 1769 года подполковник Иван Ганнибал получил повышение. Он становится командующим морской артиллерией.

В июле 1769 года эскадра адмирала Г. А. Спиридова направляется из Балтики в Средиземное море. Под командой бригадира Ивана Ганнибала — десантный отряд в 2500 человек. В 1770 году тридцатипятилетний старший сын чернокожего генерала показывает себя героем во время кампании в Греческом архипелаге. Адмирал подыскивал хорошо защищенный порт для русской эскадры на берегах Морейского полуострова. Выбор его пал на османскую крепость Наварин. Он приказывает майору князю Долгорукому овладеть ею, но последний докладывает, что «не нашел возможным брать приступом крепость, хорошо вооруженную и защищенную многочисленным гарнизоном»{216}. Тогда овладеть крепостью приказано Ивану Ганнибалу. Прибыв в Наварин с одним фрегатом и двумя кораблями, после массированной бомбардировки он высадил десант из 300 человек русских, к которым добавил греческих волонтеров. С кораблей спущены крупнокалиберные орудия, и на берегу, с восточной и западной стороны, приказано установить батареи. После двухнедельной осады, 10 апреля 1770 года крепость взята. Иван Ганнибал назначен комендантом захваченной крепости, и ему поручено ее восстановление{217}. За проявленную в этом предприятии отвагу он получает орден Святого Георгия 3-й степени.

Уже через два месяца Иван снова отличился, В знаменитом Чесменском сражении, которое состоялось 24—26 июня в

Эгейском море, он, будучи цейхмейстером, то есть командующим артиллерией, соединенной русской эскадры графа А.Г. Орлова, приказал изготовить три брандеры. В ночь на 26 июня с их помощью «взорван на воздух весь турецкий флот, укрывавшийся в Чесменской бухте». Искусство Ивана Ганнибала в управлении артиллерийским огнем соединенной эскадры также вызывало восхищение[218].

В том же 1770 году два его брата получают продвижение по службе. 13 декабря Петр Абрамович, а 29-го Осип Абрамович становятся майорами. Младший их брат, двадцатитрехлетний Исаак Абрамович, в это время в Польше, где также ведутся активные военные действия. В чине артиллерийского капитана он командует артиллерийским подразделением Нашебургского пехотного полка. Исаак отличился в сентябре 1771 года в военных действиях против гетмана Огинского, под командой Александра Суворова. Последний не забыл упомянуть его в своей реляции главнокомандующему русскими войсками в Польше И.И. Веймарну от 12 сентября 1771 года о победе при Столовичах. В реляции отмечено, что *«господин капитан Ганнибал… оказал свою неустрашимость с храбростию»*[219].

7 декабря 1772 года Иван Ганнибал произведен в генерал-майоры армии. Через несколько недель, в 1733 году, его брат Осип женится. Его супруга, Мария Алексеевна, происходит из рода Пушкиных. Осипу 29 лет, он подающий надежды красавец-офицер, хорошо образованный, элегантный, «столичный щеголь и любезник». Отец не дал благословения на этот брак. Понятия о семейной жизни у Осипа весьма смутные. Он принял скоропалительное решение, и его семейной жизни суждено продлиться недолго. Заметим сразу, что Осип — самый непоседливый из сыновей Ганнибала. Он раздражает отца легкомысленностью и расточительством, даже мотовством. По воспоминаниям самой Марии Алексеевны, *«за худое поведение находился он под гневом отца своего, который не токмо чтобы давать ему на содержание — запретил ему себя видеть»*. Вскоре у молодых возникают финансовые проблемы, ведь до сих пор Осип жил на отцовский пенсион. Мария Алексеевна вынуждена продать *«приданую деревню… для заплаты долгов мужа»*[220]. Юная супруга приложила все усилия, чтобы помирить мужа с отцом, и добилась успеха. Осип Абрамович получил прощение и позволение приехать. Супруги поселились в Суйде, «в доме свекра и свекрови — Абрама Петровича и Христины Матвеевны Ганнибал»[221]. Здесь 21 июля 1775 года появится на свет их единственная дочь, которую назвали в честь старшей сестры Марии Надеждой.

В это время Иван Ганнибал получает из рук императрицы Екатерины Великой ленту и орден Святой Анны. 10 июля того же года чин подполковника получил Петр Ганнибал. К своему восьмидесятилетию ветеран петровской эры не мог желать лучшего.

13 июля 1776 года лучший русский инженер XVIII века празднует восьмидесятилетний юбилей. В усадьбе праздник. В Суйду съехалось множество гостей, в том числе старые друзья именинника. Мы знаем некоторые имена: Иван Бауман, бывший секретарем Абрама в Финляндии, стал теперь статским советником; барон Александр Воберзер, придворный советник, когда-то он работал вместе с именинником в комиссии по Рогервикской гавани; коллежский асессор Каспер Юрьевич Тироль; Сергей Романов, священник суйдской церкви, духовник Ганнибала; Савва Челпанов, служащий Конторы лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Всех их Абрам давно знает. Они должны стать свидетелями при подписании завещания.

Составить духовную по всей форме он попросил Челпанова. Старый инженер вполне отдает себе отчет в том, что его жизнь подходит к концу и пришло время распорядиться своим немалым состоянием в деньгах и землях.

Завещание Ганнибала

Во имя Свитыя единосущныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Я, нижеимянованный генерал аншеф ордена святаго Александра Невского и святыя Анны кавалер Аврам Петров сын Ганнибал, имея о детях моих родных ниже сего объясненных должное попечение, как они, будучи при мне в равном воспитании, находятся и ныне в любви, так желаю, чтобы по смерти моей находились в непременной братской дружбе, а потому к пресечению всех каковых-либо между ими несогласиев, находясь в непоколебимом уме и разуме, сие мое утверждаю при нижеподписавшихся свидетелях завещание, оставившим от меня сыновьям моим родным Ивану, Петру, Иосифу, Исааку Ганнибалам, да будет сия моя духовная в непременной меж ими раздел, и кому из них каким движимым и недвижимым имением владеть по сей духовной определяю, тому ровным навсегда и доволну быть, к исправке за себя каждому бить челом, где по указам надлежит без всякого нарушения споров, а именно:

Ивану владеть пожалованною мне от Ея Императорского Величества в вечное и потомственное владение в Псковской губернии — Михайловскую губу с принадлежащими к ней усадьбами и деревнями, да присовокупленною мною в Ингерманландиы в Копорском уезде мызу Суйду со всеми ж ко оной мызе принадлежащими деревнями, что в них имеется мужеска и женска пола душ;

Петру присовокупленные мною ж в Ингерманландиы в Копорском уезде мызу Елицы с принадлежащими ко оной мызе деревнями;

Иосифу в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Руново с деревнями, что в них состоит мужеска и женска пола душ;

Исааку в той же Ингерманландии в Копорском же уезде мызу Тайцу со всеми принадлежащими к ней деревнями, что в них состоит мужска и женска полу душ, да сверьх того Петру, Оси-фу, Исааку деньгами в награждение по пяти тысячь рублей. Дочери моей девице Софье даю из движимого имущества пять тысяч рублей, до недвижимого ж ничего ей дела нет, а вдовствующей дочери моей Елизавете Пушкиной и замужней дочери ж моей Анне Нееловой до движимого и недвижимого моего имения совсем дела нет. Понеже они от меня выданы в замужество с довольным вознаграждением.

Сверьх того завещеваю:

первое, что я еще в смежность к тем недвижимым имениям при жизни своей присовокуплю, то по смерти оставляю во

владение старшему моему сыну Ивану, а по нем навсегда неразделимым ни в какие части;

второе, всем движимым и недвижимым по смерти моей имением владеть и доходами пользоваться супруге моей Крестине Матвеевой дочери, доколе она здравствовать будет беспрепятственно, не отделяя себе однако ж ни единые души в седьмую часть, и при ее жизни детям моим во владение натачиваемого не вступать. Когда же по власти Всевышнего и она отыдет от сего света, тогда уж детям моим во владение вышепредписанного вступать, равномерно и движимое имение, какое выше означенного, тако ж и дворовых людей на лицо по смерти обоих нас останется, всио то разделить сыновьям нашим между собою полюбно. Итак далее, доставаясь всегда и по них, ежели они будут иметь сыновей, старшим сыновьям их владельца, если ж сыновей у них не останется, а останется из них хоть один брат, то наследовать всеми теми недвижимыми имениями брату их родному, поступая по наследственной линии по порядку старшинства, дабы означенные недвижимые имения никогда не выходили из роду Ганнибалов и не разделялись другим ни братьям, ни сестрам, ни дочерям, в приданые их недвижимого имения в женский род не давать, которым помянутые имения, по основанию сего положения, доставаться должны и детям их старшим вечно, дабы никто, у кого ж имения во владении будут, не имел отнюдь власти, не только всех их, но ничего, ни малейшего из них, ни продать, ни заложить, ниже укреплять в какие-либо кому крепости или векселя, а потому оные недействительны да будут.

И чтоб все оное так было ненарушимо ни от кого и состояло в своей силе по сему моему завещанию, в том подтверждаю и подписуюсь моею рукою при отце моем духовном состоящей в Копорском уезде в мызе моей Суйде церкви Воскресения Христова иерее Сергие Романове. Учинена в помянутой мызе июля 13 дня 1776 года.

Сию духовную писал камер конторы Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел канцелярист Савва Челпанов.

К сей духовной генерал-аншеф и кавалер Аврам Петров сын Ганнибал руку приложил,

к сей духовной отец его духовный Сергий Романов руку приложил,

к сей духовной статский советник Иван Николаев сын фон Бауман руку приложил,

и свидетелем был у сей духовной надворный советник барон Александр Петров сын фон Воберзер, свидетелем был и руку приложил,

у сей духовной коллежский ассесор Каспер Юрьев сын Тироль

свидетель был и руку приложил.

Сия духовная передана в контору Юстиц-Коллегию 15 июля 1776 года[222].

Это завещание примечательно для понимания характера Абрама Ганнибала. Патриарх остался верен кодексу о наследовании, который был установлен в 1714 году Петром I, но отменен в 1731 году. Кодекс этот имел цель предотвратить дробление земель и потому не оставлял за женщинами никаких наследных прав. Ганнибал, однако, не задумываясь нарушал как Петров, так и действующий кодекс, когда речь шла о любимой Крестине, с которой он прожил к тому времени сорок четыре года. Авторы, знакомые с этим бесценным документом, отмечали, что «удивительная нежность сквозит в словах о Христине Матвеевне»[223]. 1776 год стал юбилеем для обоих супругов: сорок лет тому назад в Николаевской ревельской церкви скрепили они свои судьбы пред Богом и людьми.

В 1777 году Иван Ганнибал указом императрицы Екатерины введен в состав Адмиралтейств-коллегий. Через год Осип стал членом Псковского городского административного совета. Ивану же именным указом императрицы от 25 июля 1778 года поручено *«построение новозаводимаго на Днепре при Александровском шанце города с надлежащими укреплениями, и в оном верфи и адмиралтейства».* В том же указе Ивану посвящены лестные слова Екатерины II: *«От известных нам усердия к службе и искусства ваших ожидаем, что вы в сем важном и государству полезном деле на вас возлагаемом преуспеете»*[224]. По предоставленным комиссией под руководством графа Орлова-Чесменского расчетам, этот город и был спланирован Иваном Ганнибалом. Город получил название Херсон.

Место было выбрано еще прежде — Григорием Потемкиным. Оно оказалось не совсем удачным: предполагаемый город стоял на болотах, удаленный от всех источников снабжения и строительных материалов. Однако под руководством Ивана Ганнибала Херсон строился с удивительной быстротой: «Через три года уже существовал новый город с дворцом, адмиралтейством, литейным домом, арсеналом, верфями, казармами и частными домами, крепость была снабжена гарнизоном с 200 орудиями, на верфи строились различные суда»[225].

С назначением на должность главного директора работ в Херсоне Иван Ганнибал получил повышение. 1 января 1779 года он стал генерал-поручиком, с сохранением должности генерал-фельдцейхмейстера. За полтора месяца до этого специальным

указом императрицы от 20 ноября 1778 года ему выражена благодарность: *«Усердие и ревность, с которыми выполняете вы волю Нашу в толь важном и полезном для Государства деле, обнадеживает Нас всеми теми успехами, коих Мы к славе Отечества от сего ожидаем… в знак же благоволения Нашего посылаю при сем к вам табакерку, украшенную нашим портретом…»*{226}.

Кончина патриарха

Абрам Петрович и Христина Матвеевна по-прежнему живут в Суйде. Увы, их последний час приближается неумолимо: По свидетельствам близких, почтенный старец ведет жизнь философа и мудреца. Однако в свои 84 года он находит силы и энергию лично следить за строительством нового особняка в Петербурге и даже руководить строительными работами. В имение часто наведываются друзья. Среди них и именитые персоны. Так, нередко заезжают во владения «черного барина», как называют хозяина суйдские крестьяне, отец и сын Суворовы.

Осип Абрамович в это время в Пскове. Он женился второй раз. Брак его заключен «с псковской жительницей, новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой, урожденной Шишкиной, вдовой капитана Ивана Толстого». Венчание прошло в имении Толстой, в Новоржевском уезде, в церкви Амвросьевского погоста. Осип *«выдал подписку, что вдов»,* и священник, не подозревавший обмана, обвенчал их. «В Псковском историческом архиве, — пишет исследовательница Грановская, — хранятся документы, характеризующие капитаншу Толстую… роковую женщину, как опытную сутяжницу и ростовщицу»[{227}].

Брак Осипа Ганнибала с Марией Алексеевной не удался. «Ревность жены и непостоянство мужа, — писал Пушкин, — были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом». Но на самом деле развода не было. Вот что писала сама Мария Алексеевна: *«Стал он, следуя дурным наклонностям, заслуживать гнев родительский и, чтобы оного избавиться, бежал из дому, оставя отцу своему письмо, что он навек от него скрылся»*[{228}]. Бросив жену, Осип увез с собой и восьмилетнюю дочь. Позже Мария Алексеевна сумела вернуть ее обратно, хотя и с большими трудностями.

В апреле 1780 года Осип Ганнибал назначен членом Санкт-Петербургского городского совета.

В эти же годы старший сын Иван награжден Екатериной за высокие заслуги перед Отечеством. Он получает 10 000 десятин земли, а в следующем году — ленту и орден Святого Александра Невского.

В Херсоне застала Ивана Ганнибала весть о кончине матери. Верная супруга чернокожего генерала отошла в мир иной в ненастный февральский день 1781 года. Иван тотчас бросает все дела в Херсоне и мчится в Суйду. 25 марта он напишет Осипу: *«Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь ево в опасности и надежды никакой нет.*

Все наши домашние там находятся…»{229}.

Черный барин ненадолго пережил свою супругу. 20 апреля 1781 года, в возрасте восьмидесяти пяти лет последний свидетель Петровской эпохи Абрам Петрович Ганнибал скончался.

Африканец но рождению, уроженец маленького городка Логон, усыновленный великим правителем России Петром, он прославился как один из вернейших и знаменитейших сынов императорской России. Его можно назвать также самым знаменитым представителем Африки в царской России.

Когда в XIX веке, в оправдание рабства, европейские «ученые-антропологи» изобретали различные теории о неравноценности рас и заявляли, что черная раса стоит на лестнице развития ниже, чем белая, именно в России нашлись люди, которые выступили против этого. В качестве примера они приводили Абрама Ганнибала. Петр Долгоруков, потомок одного из знаменитейших родов России, в своих мемуарах весьма почтительно отзывался о нем: «Абрам Ганнибал служит, пожалуй, ярчайшим примером несправедливости, опровергая пресловутые предрассудки, утверждающие, что раса негров в интеллектуальном и моральном отношении ниже белых людей. Он был необыкновенно одарен, учеба давалась ему сказочно легко, он обладал редкими познаниями в математике и других отраслях человеческого знания, мать которым—математика… Был *он* полон благородства и безукоризненно честен»{230}.

Россия в знак признательности чернокожему птенцу гнезда Петрова сделала его имение в Петровском музеем. На его могиле в Суйде установлен обелиск[71] с такой эпитафией:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН

прадед А.С. Пушкина

Абрам Петрович ГАННИБАЛ

выдающийся русский математик, фортификатор и гидротехник

ЭПИЛОГ

По своей смерти черный барин оставил потомкам многочисленные владения в Псковской губернии и в окрестностях столицы, дом в Петербурге (сейчас — дом № 29 по улице Чайковского), богатую библиотеку, многочисленные и разнообразные инструменты и приборы для занятий физикой и механикой, 60 тысяч рублей наличными (немалая по тем временам сумма) и не менее тысячи четырехсот крепостных мужского пола.

Колокольный звон на похоронах патриарха, должно быть, последнего из доживших до этого времени соратников великого преобразователя России, стал похоронным звоном по Петровской эпохе. Последние следы славной эры царя-реформатора исчезали под его надгробием. «Суетный век Екатерины ворвался в мерную жизнь ганнибаловского дома сразу после смерти почти восьмидесятипятилетнего его главы. Летом 1782 г. произведен был раздел имущества между его детьми по закону 1731 г., действовавшему в государстве, а не по воле покойного. Ивану не были даны никакие земли в Михайловской губе, очевидно, замененные петербургским домом и другим имуществом отца»[231].

Так псковские владения были поделены между тремя младшими братьями.

Слава Ганнибалов, однако, на этом не угасла. Продолжает блистать уже знаменитый генерал Иван Ганнибал. 20 марта 1783 года указом императрицы Екатерины он отозван из Херсона. Ему надлежит приехать в Петербург, так как ее императорское величество вознамерились препоручить ему *«некую особую комиссию»*. Императрица довольна его успехами, и грудь Ивана Абрамовича украшает четвертый орден Святого Владимира.

Брат его, Петр, с 1781 года полковник, 10 ноября того же года уходит в отставку в чине генерал-майора армии. Три с половиной месяца спустя, 28 февраля 1784 года, в связи с болезнью уходит в отставку и прославленный генерал. Ему 49 лет. По отставке получает он звание генерал-аншефа с правом получать генеральское жалованье до конца дней своих[232].

Иван Ганнибал, закоренелый холостяк, остался бездетным. Когда его безответственного брата Осипа привлекли к суду за двоеженство, он принимает активное участие в судьбе его первой жены и дочери Надежды. По словам Петра Долгорукова, «он всегда выказывал нежную привязанность к свояченице и племяннице; в его доме были они окружены не только лаской, но

и уважением; именно он занимался образованием племянницы…»

И действительно, Иван очень привязался к маленькой Надежде. Чтобы обеспечить ей и ее матери достойную жизнь, он отдает в их полное распоряжение 10 000 рублей — сумму, удержанную из части наследства Осипа. *Он* приглашает к девочке лучших гувернанток и педагогов. Она занимается французским, танцами — то есть получает «светское образование».

Надежда Осиповна была чрезвычайно хороша собой. Очень смуглая кожа напоминала о ее африканских корнях. Была она умна, весела и удивительно обаятельна. В свете ее назовут «прекрасной креолкой»{233}.

Юный офицер Сергей Львович Пушкин влюбится в нее и будет просить ее руки. Дядя Иван даст благословение от всей семьи Ганнибалов, объяснив свое решение тем, что жених *«не очень богат, но весьма образован».* Венчание состоится 28 сентября 1796 года в Суйде, в фамильной церкви Ганнибалов. Посаженным отцом на этой свадьбе станет Иван Абрамович Ганнибал. Прелестной Надежде будет тогда двадцать один год. Через год, 20 декабря 1797 года, родит она первую дочь, Ольгу.

А еще позже, за несколько месяцев до конца XVIII века, 27 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года, «прекрасная креолка» разрешится в Москве вторым ребенком. Его назовут Александром. Впоследствии он прославится как величайший гений России и один из величайших поэтов всех времен. Имя ему — Александр Пушкин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
ТАК ГДЕ ЖЕ РОДИНА АБРАМА ГАННИБАЛА?{234}

Хорошо известно, что прадед Пушкина по материнской линии Абрам Петрович Ганнибал, крестник Петра Великого, знаменитый генерал-аншеф, выдающийся математик, гидротехник и фортификатор России XVIII в. был уроженцем Африки: об этом неоспоримо свидетельствуют архивные документы. А известен ли нам конкретный регион Африки, где родился три века тому назад Абрам Петрович Ганнибал? Соответствует ли исторической правде «абиссинская» версия происхождения Ганнибала, принятая с конца XIX в. в русской и мировой литературе? Есть ли достоверные документы, указывающие на то, что именно на побережье Красного моря, в Эритрее, жил и царствовал африканский князь, один из сыновей которого стал в России славным инженером по фамилии Ганнибал?

Г. А. Леец, известный эстонский историк, пишет в биографии Ганнибала, вышедшей в 1980 г.: «Никаких документальных данных о родине и происхождении Ибрагима — так звали Абрама Петровича в младенческом возрасте — не имеется»{235}. В 1983 г. в книге «Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина» известный русский литературовед И. Л. Фейнберг справедливо заметил: «…многое в биографии А. П. Ганнибала остается до сих пор неясным и даже загадочным… Все еще вызывает споры происхождение А. П. Ганнибала: спор идет о том, был ли он, как сообщал сам, эфиопом[72], притом княжеского происхождения, или негром (как думал Пушкин)»{236}. При этом и Леец, и Фейнберг принимают «абиссинскую» версию происхождения Ганнибала, автор которой — известный русский антрополог академик Д. Н. Анучин. Надо полагать, Анучин привел убедительные доказательства, ведь после опубликования его статьи в 1899 г. исследователи Пушкина и Ганнибала согласились с ним.

Абиссинская версия

В архивных документах имеется очень важное свидетельство Ганнибала о его происхождении. В прошении 1742 г. в Сенат о выдаче дворянского герба Ганнибал писал: *«Родом… я из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего,*

в городе Лагоне, который и кроме того имел под собой еще два города»{237}. Вот единственный документ, в котором сам Ганнибал упоминает свою родину — Африку и родной город Лагон. Других документальных указаний на его происхождение нигде нет. Правда, сохранились любовное письмо Ганнибала 20-х гг. XVIII в., в котором он называет себя «черным Абрамом», и другое письмо 40-х гг., где он пишет о своей «черноте». Таким образом, из первоисточников известно, что Ганнибал по цвету кожи был черным, что он был африканцем и что его родной город — Лагон. Нигде Ганнибал не назвал ту страну или ту часть Африки, где находился Лагон.

Через несколько лет после смерти Ганнибала — умер он в 1781 г. — немецкий зять его Роткирх (1746 — 1797), муж дочери Ганнибала Софьи (1759—1802), написал известную в пушкиноведении Немецкую биографию Ганнибала, в которой прямо сказано, что тот «был родом африканский арап из Абиссинии».

Вот как характеризует данную биографию известный специалист по родственным связям Пушкина Н. К. Телетова: «Эта первая по времени издания биография А. П. Ганнибала была написана в конце 80-х годов 18-го века. Многое в ней основано на рассказах старого Арапа, но кое-что оказалось нелепым вымыслом»{238}. Далее Телетова пишет: «Через четыре года после смерти Ганнибала-отца, 21 апреля 1785 г., принят был закон об упорядочении дела русского дворянства, которое должно было быть переписано с внесением фамилий в шесть книг. С этим законом пришлось столкнуться уже сыновьям Ганнибала, которые мечтали войти в «лучшую» шестую книгу. Для того, вероятно, и трудился Роткирх через год или два после принятия этого закона над возвеличиванием рода своей жены в Немецкой биографии ее отца, чтобы доказать право Ганнибалов быть внесенными в шестую книгу «древних благородных дворянских родов»{239}.

Важно отметить, что все исследователи Ганнибала, в том числе и я, соглашаются с Телетовой, и никто не считает указание Роткирха о родстве отца А.П. Ганнибала с великим карфагенским полководцем Ганнибалом правдоподобным. На мой взгляд, так же критически надо отнестись и к другим указаниям об африканском периоде жизни Ганнибала. Во всяком случае, самым авторитетным свидетельством, которым мы располагаем, является сообщение самого Ганнибала об Африке (широкое географическое понятие) и о родном его городе Лагоне, или Логоне (точное географическое указание). Любое серьезное исследование должно начинаться, с моей точки зрения, именно с показаний самого Ганнибала. Однако Анучин выдвигает на

первый план сведения Немецкой биографии об Абиссинии. Почему?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, придется отвлечься от Пушкина и Ганнибала и обратиться к антропологическим и этнографическим взглядам академика Анучина. Нельзя давать какую-либо оценку его статьи без понимания двух терминов, о которых я уже упоминал: понятий арап (или неф) и абиссинец (или эфиоп), в разные времена служивших в русском языке для обозначения жителей Африки. Все русские пушкинисты, в том числе и Анучин, придают огромное значение разнице между этими терминами. Каково же отличие арапа, то есть негра, от абиссинца, или эфиопа?

Анучин утверждает: «Раса негров в умственном и культурном отношении стоит на низшей ступени сравнительно с белой расой… Физическое развитие негров в общем слабее, чем у белых… Негры, по-видимому, не в состоянии возвыситься над уровнем самой обыденной посредственности»{240}. А абиссинцы, которые являются смесью белой семитской и негритянской рас, «способны к более высокой культуре»{241}. Поэтому он, как и его европейские коллеги антропологи того времени, относит их к так называемой хамитской расе[73].

Анучин отнюдь не скрывает от читателя своей цели: показать русскому народу, что негры не внесли никакого вклада в развитие мировой культуры, что их мозг менее развит, чем у белых, что «негры всегда были и продолжают быть — там, где не приняли европейского языка и культуры[74], — полудикарями и полуварварами, и во все времена народы высших рас (выделено мною. — *Д.Г.)* считали их… предназначенными самой природой для служения другим народам в качестве рабов»{242}. Вот почему законно и «позволительно сомневаться в том, что чистокровный негр, переселенный из Африки в Европу и предоставленный здесь влиянию воспитания, мог проявить в такой степени свои способности, в какой их проявил Ибрагим Ганнибал, чтобы из сыновей этого негра, мулатов, оказался один (Иван Абрамович), составивший себе почетную известность не только своею храбростью, но и своим талантом как администратор, чтобы, наконец, правнук этого негра, А. С. Пушкин, отметил собою новую эпоху в литературно-художественном развитии европейской нации и приобрел себе славу великого поэта»{243}.

«Антропологический эскиз» Пушкина написан Анучиным с одной целью: отвергнуть негритянское происхождение великого русского поэта! И время опубликования работы не могло быть выбрано лучше: 100-летие со дня рождения Пушкина. Раз нельзя

изменить историю, надо было считаться с африканским происхождением, но ни в коем случае не соглашаться с «оскорбляющей» идеей о том, что «гениальный прадед гениального поэта» был негром. И этого можно было добиться, ведь в Африке «много рас», и, к великому счастью ученого-расиста, в архиве не нашлось точного указания на страну, откуда происходил африканский арап.

Ясно, что у выдающегося антрополога вопрос был решен прежде, чем он приступил к своей исследовательской работе. Сыграло на руку и существование Немецкой биографии, в которой черным по белому написано об абиссинском происхождений Ганнибала. Оставалось только «научно» доказать, что африканская ветвь предков Пушкина принадлежит к «расе, способной к более высокой культуре» — к хамитам, а не к неграм. Необходимо было показать, что все, кто писал о Ганнибале раньше — включая и детей Ганнибала, и самого Пушкина, — ошибались. И вопреки тому, что сам Ганнибал считал себя арапом, то есть негром, что таким считали его в России все современники и потомки, да и вся русская литература, — мнение Анучина было самым авторитетным на протяжении целого XX в. Какая ирония судьбы: в области пушкиноведения почти единодушно приняты идеи антрополога-расиста! Между тем замечательная русская поэтесса Марина Цветаева писала, что Пушкин «своим рождением разрушил все расистские теории»{244}. А Вегнер, один из немногих биографов Пушкина и Ганнибала XX в., открыто критиковал уважаемого академика: «… вся его статья в целом для нас совершенно неприемлема. Анучин исходил из таких взглядов, из которых впоследствии махровым цветом распустились современные фашистские теории, теории в корне антинаучные и глубоко вредные»{245}. По словам Фейнберга, Набоков также «ругал» Анучина, называя его статью «сочинением, которое с исторической, этнографической и географической (номенклатурной) стороны стоит ниже всякой критики»{246}.

И все же почему никто из исследователей не прислушался к мнению Набокова и Вегнера, не подверг должной критике статью академика Анучина? Мне кажется, это объясняется тем, что среди пушкинистов просто нет специалистов по Африке. В ноябре 1993 г., встретившись с профессором Л.М. Аринштейном из Российского фонда культуры, я убедился, что не все пушкинисты верят в «аберрации» Анучина.

Топонимическая фальсификация

Несколько фактов заставляют основательно пересмотреть принятую версию об эритрейской родине предков Пушкина. Прежде всего, города Лагон в Абиссинии нет и не было, там есть и было селение Лого (это далеко не одно и то же!). Анучин «нашел» в абиссинском Хамасене округ Loggon, где располагалась резиденция князя Приморской провинции. Возникает вопрос: почему Анучин (ученый-географ) не опубликовал в подтверждение карту местности? Далее он сделал вывод:

«… Отец Ибрагима Ганнибала был владетельным князем в северной Абиссинии… Есть основание даже думать, что это был именно князь Приморской области, базар-нагаш, имевший, как мы знаем, своею столицею в конце 17-го века Добарву (или Дебароа), которая могла называться (выделено мною. — *Д.Г.)* так же, по имени всего округа, Логон…»{247}.

Этот вывод опровергается данными полевых и исторических изысканий Н.П. Хохлова. Вот что пишет Леец: «Н. П. Хохлов разыскал в 1971 году в Эфиопии места, о которых Д. Н. Анучин писал как о родине Ибрагима-Абрама. Н. П. Хохлов побывал в Эритрее и в бывшей столице Приморской провинции Добарве на берегу реки Мареб, и в Лого (Логон у Анучина, ныне деревушка в 4-х километрах от Добарвы). Это Лого в далеком прошлом было местом жительства правителей провинции бахар-нагашей…»{248}. Очевидно, речь идет совсем о другом месте, отличном от родного города Ганнибала — Лагона. На самом деле Логон Анучина не существует. Добарва никогда не назывался Логоном, или Лагоном. И приморский порт Массава никогда не назывался Лагоном, что и подтверждали эритрейские специалисты-картографы, работавшие с Хохловым. В Эритрее «есть два Лого: Лого Чова в области Хамасена и Лого Кузай около Хазому»{249}. В статье Анучина Лого Чова стало Логон-Чуан. Таким образом, ученый-географ пошел на подлог и фальсификацию: его город Лагон на самом деле деревня Лого. Хохлов нашел ее «на одной из старинных карт», а значит, и прежде это селение называлось Лого, а не Логон. В местном языке не существует топонима Логон, это слово ничего не означает на языке жителей Лого. Неизвестно там и имя Лагань. Хохлов, разочарованный этим, обвинил… «воображение Пушкина»{250}. Не лучше ли предположить, что если в Абиссинии нет названия Логон и имени Лагань, их не надо было там искать?

Почему Леец, все-таки заметивший разницу между Логоном у Анучина и Лого у Хохлова, считает, что оба исследователя пишут о том же самом Лагоне, о котором сообщал Ганнибал в 1742 г.? И почему Хохлов не усомнился в выводах Анучина, хотя эфиопские историки, библиотекари и картографы прямо говорили ему, что в

их стране нет и не было Лагона?

Полагаю, что Леец, Фейнберг, Хохлов и другие биографы Пушкина XX в. подходили к решению вопроса о происхождении Ганнибала анучинским путем: так как Ганнибал уроженец Абиссинии, там и следует искать его родной город Лагон. Они не придали значения расистским позициям Анучина и положились на его доказательства и знание им истории Абиссинии.

Однако сам Ганнибал никогда не писал о том, что он из Абиссинии. И сын Ганнибала, Петр Абрамович, в своих воспоминаниях об отце не называл Абиссинии: *«Отец мой… был негер, отец его был знатного происхождения…»*{251}. Нам известно, что П. А. Ганнибал читал Немецкую биографию и даже был одним из ее хранителей. Он же и передал ее Пушкину. Поэт, который также читал Немецкую биографию и даже перевел ее на русский язык, не воспользовался информацией об Абиссинии и везде писал, что прадед его по материнской линии негр. Можно даже предположить, что Пушкин знал от самого Петра Абрамовича Ганнибала, что указание на Абиссинию не соответствует исторической правде. Князь Петр Долгоруков в своих мемуарах пишет о Ганнибале, но также не упоминает Абиссинию. Единственным, кто указал на Абиссинию, был Рот-кирх. Но нам известно, с какой целью он написал Немецкую биографию.

Кроме того, и самое главное: территория Африки, называвшаяся в конце XIX в. Абиссинией, где Анучин искал город Лагон, значительно отличалась от Абиссинии XVII — XVIII вв. Во «Всеобщей истории Африки», написанной под эгидой ЮНЕСКО, читаем: «Термин Habesistan или Abyssinia, употребляемый в оттоманских источниках, включает все территории южнее Египта до острова Занзибара или Мозамбика в восточной Африке»{252}. Роткирх, как и многие европейцы XVII — XVIII вв., почти ничего не знавшие об Африке, мог считать, что Абиссиния — это африканская империя, которая на севере граничит с Египтом, на востоке простирается до Красного моря и части Берберского залива, на юге — до Лунных гор, а на западе граничит с царством Конго и Нубийским царством. Посмотрите на карту Африки 1730 г., изданную в Амстердаме, и увидите, что название Эфиопия служило в XVIII в. для обозначения почти всей Африки. А. Давидсон в книге «Облик далекой страны» пишет, что на одной космографии 1707 г. Эфиопия обозначает почти всю Африку.

В познаниях об Африке самого Ибрагима Ганнибала большое значение имел константинопольский период его жизни. Известно, что турки употребляли термин Хабесистан для обозначения всех территорий черной Африки, находящихся к югу от Египта до Мозамбика. Следовательно, во время пребывания в серале

Абрама, как и всех уроженцев черной Африки, называли «хабеш». Слово ХАБЕШ употреблялось турками в том же смысле, что и слово АРАП в России. Оно всегда указывалось перед фамилией африканцев. Например, черного евнуха, ставшего в 1587 г. главой султанского гарема с чином паши, звали Хабеши Мехмед Ага. Это означает, что Абрам отлично знал, что Хабесистан (или Абиссиния) был в XVIII в. слишком широким географическим понятием.

Из сказанного следует, что надо снова искать город по имени Лагон, причем на всей территории черной Африки.

Об увозе сына лагонского князя в Константинополь

Ганнибал упомянул родной город только один раз в официальном документе 1742 г. — в прошении Сенату о выдаче ему дворянского герба: *«…родился во владении отца моего в городе Лагоне…»* Почему он не назвал страну?

Может быть, потому, что просто не помнил ее названия, так как покинул родину навсегда семилетним ребенком. Он указал в прошении все, что знал и помнил о своем знатном происхождении: у отца было владение; в княжестве было три города, в том числе и родной Лагон. Обмануть он не мог хотя бы потому, что русская императрица Елизавета, дочь Петра Великого, отлично знала Ганнибала с детства. Значит, его свидетельство надо считать единственно верным.

Указав название родного города, Ганнибал выразил свою волю не быть анонимным хабешем, сыном какого-то абиссинского или африканского князя. Не назови он имени родного города, мы бы никогда не смогли провести поиски. В Абиссинии XVII в., простиравшейся от берегов Красного моря до острова Занзибар, существовало много африканских княжеств. А город Лагон во всей Африке был только один, и находился он не в Эритрее.

В Немецкой биографии сообщается, что отец Ганнибала был «вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот он восстал в конце прошлого века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; этому последовали небольшие, но кровопролитные войны; однако же, в конце концов, победила сила, и этот Ганнибал, восьмилетний мальчик, младший сын владетельного князя, был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника. Собственно, по молодости лет, этот жребий должен был миновать его. Однако, так как у его отца, по мусульманскому обычаю, было

много, и даже чуть ли не тридцать жен и соответственно этому множество детей, эти многочисленные старые княгини с детьми, объединенные стремлением спасти себя и своих, нашли способ хитростью и интригами почти насильно посадить его, как младшего сына одной из младших княгинь, не имеющей при дворе достаточно приверженцев, на турецкий корабль и поручить его предназначенной ему судьбе. У его единственной сестры Лагани, бывшей на несколько лет его старше, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная наконец уступить большинству, она еще в тлеющей надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата проводила его до борта этого кораблика; однако видя, что все последние усилия ее нежности бесплодны, она бросилась в море и утонула».

Изучение истории северной Эфиопии начала XVIII в. не подтверждает версию Немецкой биографии. Фейнберг в своей монографии о Ганнибале рассказал о неудачных поисках Набокова в архивах; Хохлов, побывавший в Эфиопии и прочитавший все исторические хроники того времени, также ничего не нашел. В начале XVIII в. в северной Эфиопии никакого восстания против османской власти не было.

Рассказ Роткирха об обстоятельствах увоза мальчика в Константинополь не может быть основан на воспоминаниях Ганнибала: в то время сыну лагонского князя было семь лет, и вряд ли он разбирался в тонкостях событий, которые привели к его увозу в Турцию. Вероятно, все это придумал сам Роткирх и, возможно, он кое-что добавил к трагическому эпизоду с сестрой Ганнибала. Последний мог рассказывать своим детям о том, что его взяли в плен после какого-то военного конфликта, в результате которого князь Логона (его отец) потерпел поражение. Нельзя также сомневаться в трагической кончине его сестры. Правдоподобно и то, что у этого князя было много жен и детей. Но факт полигамии отнюдь не означает, как это писал Роткирх и подтвердила Телетова{253}, что он был обязательно мусульманином. В Африке многоженство князей — очень древняя традиция: князья, короли или императоры должны были брать в жены девушек из всех этнических групп, которые составляли их государства. Благодаря этому обеспечивалось национальное единство страны.

Заметим, что Пушкин не придает большого значения этому рассказу Роткирха и не пользуется им в своих записках. В примечании к строфе L в первом издании первой главы «Евгения Онегина» (1825) он пишет: «… прадед Абрам Петрович Аннибал на 8-ом году своего возраста был похищен с берегов Африки и

привезен в Константинополь». Следующий текст, взятый из книги Фейнберга, дает яркую характеристику отношения Пушкина к рассказу Роткирха о детстве Ганнибала: «И Благой, и Набоков (Благой раньше) пишут, что это все фантазия, выдумка, сочинения с практической целью создать легенду о знатном происхождении Арапа. И верно указывает тут же Благой, что Пушкин критически отнесся к преданию об африканском периоде биографии Арапа. Пушкин упоминал *Арапа,* уже в первых своих автобиографических записках (я убежден, что так называемое примечание Пушкина к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» является отрывком из этих записок Пушкина, вскоре после 14-го декабря сожженных им)… Сначала в черновике было сказано, как и в «Немецкой биографии», что старый Арап (в глубокой старости, говорится в «Немецкой биографии») вспоминал, как его сестра Лагань, плывя за кораблем, на котором увозили похищенного Ибрагима, утонула. В старости, замечает Пушкин, тут Ганнибал плакал, но поэт даже в первых Записках, в примечании к «Онегину», это оставил в черновике, заметив только, что она плыла за удаляющимся кораблем. Уже во вторых Записках Пушкина было сказано: отец Абрама был негр, сын негритянского князька, в то время как в «Немецкой биографии» подчеркивается роскошь и знатность положения отца Ганнибала. Так что Пушкин был критичен»{254}.

Во всех рассказах о детстве, пленении Ганнибала и его отправке в Константинополь можно доверять лишь следующим фактам:

- отец Ганнибала был князем;
- под властью отца Ганнибала было несколько городов (три, по воспоминаниям самого Ганнибала);
- резиденция князя располагалась в городе Лагоне;
- город Лагон находился на берегу реки или моря;
- князь имел много жен и детей;
- у Ганнибала была сестра по имени Лагань;
- как сын князя он мог быть взят в плен только после военного конфликта;
- те, кто взял его в заложники, имели связи с турками.

Так где же находится город Лагон?

После тщательного изучения истории Африки XVII—XVIII вв., исторической географии Африки, всех топонимов, более или менее близких к имени Логон или Лагон, отношений между Османской империей и Африкой XVII—XVTII вв. я пришел к выводу о том, что энигматический африканский город Лагон (в некоторых источниках — Логон) находился к югу от озера Чад[75], в бывшем Центральном Судане (не следует путать древний Судан

— по-арабски «страна черных людей» — с современным африканским государством Судан). Там, на берегу реки Логоне, располагалось княжество Лагон, или Логон, которое в 1790 г. после принятия местным князем ислама стало Султанатом Лагон (см. карту). Столицей этого княжества был сильно укрепленный город, носивший то же имя Лагон, или Логон-бирни (бирни — стена, крепость, столица, главный город на местном языке). Лагоном правил миарре (или князь) по имени Бруха. Ныне этот город находится на севере Камеруна.

Я считаю родиной Ганнибала суданский Лагон, или Логон. Главнейший аргумент в пользу такого заключения: в черной Африке XVII—VIII вв. был только один город по имени Лагон.

Ряд фактов и обстоятельств подкрепляют это мнение:

- история Лагона убедительно показывает, что в XVII— XVIII вв. многих мальчиков и девочек этого города и других немусульманских территорий вокруг озера Чад продавали на рынках северной Африки и Турции;

- в период увоза Ганнибала в Турцию состоялись военные столкновения в городах, находившихся на берегах реки Логоне;

- князя, правившего Лагоном в то время, звали Бруха;

- у миарре Бруха было много жен и детей;

- город Лагон находился на берегах крупной (965 км) реки Логоне, по которой плавали многочисленные суда;

- река, на языке жителей Лагона, обозначается словами лагане, или лагуане;

- существование топонимов (княжество Логон, город Лагон, слово лагане, или лагуане, служащее для обозначения реки) и личных имен (народ лагуане, Ана Логон — имя одного из логонских князей), соответствующих именам Лагон и Лагань (единственные африканские слова из родного языка Ганнибала, которые мы знаем), является неоспоримым дополнительным подтверждением, что именно там родился прадед русского поэта;

- в XVIII в. у народов котоко, проживавших на реке Логоне, было три главных города — Гульфеиль, Куссери и Лагон (Decalo, p.185—186), которые и могли входить во владение отца Ганнибала. Позже, в XIX в., под властью логонских султанов было пять городов.

В заключение можно со всей определенностью утверждать, что принятая с 1899 г. в литературе версия об «абиссинской родине» Ганнибала не соответствует действительности. Она была основана исключительно на предположениях Анучина, считавшего невозможным негритянское происхождение великого поэта; сам же Пушкин не сомневался в своем негритянском происхождении. Центральноафриканский город Лагон, где

родился три века назад его прадед, находится в наши дни на севере Камеруна, на берегах реки Логоне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
ОТЗЫВ НА РАБОТУ Г-НА ДЬЁДОННЕ ГНАММАНКУ «НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПУШКИНСКОЙ АФРИКИ»

Работа г-на Дьёдонне Гнамманку посвящена чрезвычайно актуальному исследованию африканской родины предков Александра Пушкина.

Г-н Гнамманку впервые убедительно идентифицировал город Лагон (который А.П. Ганнибал упоминал как свою родину), собрал богатый материал об истории Лагона и осмыслил его в свете тех фактов, которые были известны, но до сих пор не были научно подтверждены.

Исследователь критически изучил все предшествующие работы на данную тему и продолжил научные поиски в направлении, определенном В. Набоковым. В то же время г-н Гнамманку отверг широко признанную теорию академика Д. Анучина (1899 г.) об эфиопском происхождении предков Пушкина и доказал ее антинаучный характер, связанный как с идеологическими взглядами Д. Анучина, так и с ошибочными посылками историко-географического плана: Д. Анучин искал родину Ганнибала на территории Абиссинии конца XIX в., а она очень сильно отличалась от той территории, которая называлась Абиссинией в XVII—XVIII вв., то есть во времена Ганнибала и в период написания его «Немецкой биографии», где и упоминалась Абиссиния (единственный раз из всех источников о родине Ганнибала).

На рубеже XIX—XX вв. топонимика еще не существовала как наука, и этим можно объяснить сделанное Анучиным произвольное отождествление города Лагона с абиссинской деревней Лого Чава. К сожалению, дальнейшие исследователи, кроме В. Набокова, не подвергли должной критике выводы Д. Анучина, и впервые доказал их топонимическую несостоятельность г-н Гнамманку. Он же впервые оценил результаты проведенных в современной Абиссинии полевых исследований и исторических разысканий, которые показали, что на территории, указанной академиком Анучиным, никогда ни один город не носил названия Лагон или Логон, что там не существует личного имени Лагань и что история этих мест конца XVII — начала XVIII в. не соответствует имеющимся данным о детстве Ганнибала и обстоятельствах увоза его в Истамбул.

Исследование Д. Гнамманку опирается на новейшие труды ЮНЕСКО по истории Африки и на современные научные представления о топонимах и других собственных именах как важнейших, географически определенных фактах истории языка. Именно такие факты, зафиксированные самим Ганнибалом и его потомками, включая Пушкина, находятся в центре внимания исследователя, и все они блестяще подтверждаются материалом, собранным гном Гнамманку.

В результате его исследования оказалось, что в Африке имеется единственный город с названием Лагон (вариант: Логон Бирни) в районе озера Чад, на территории современного Камеруна, в XVI—XVIII вв. — столица княжества Лагон/Логон. Изучение истории Лагона позволило г-ну Д. Гнамманку устранить многие неясности и противоречия в вопросе о происхождении предков Пушкина.

1. Оказалось возможным правильно истолковать показания самого Ганнибала о том, что он родился «во владении отца», «в городе Лагоне». Вероятно, здесь назван только город и не названа страна именно потому, что княжеское владение его отца и столица княжества — его родной город — носили одно и то же название: Лагон/Логон.

2. Находит подтверждение зафиксированное Пушкиным семейное предание о сестре Ганнибала по имени Лагань, плывшей за кораблем, увозившим ее брата в рабство, и погибшей при этих обстоятельствах. Город Лагон стоит на крупной судоходной реке Лагоне, причем понятие «река» в местном языке обозначается словом *лагане.* Таково же самоназвание народности Лагона (этноним *лагане* или *лагуане).*

3. Имя Ганнибала Абрахам /Ибрагим/ Абрам соответствует имени князя, правившего Лагоном в конце XVII в., — Бруха.

Перечисленные нами языковые факты: топонимы *Лагон / Логон,* этноним *лагане / лагуане,* географический термин *лагане* «река», антропоним Бруха служат неопровержимым доказательством верности гипотезы, выдвинутой гном Гнамманку, — о том, что город Лагон был родиной А.П. Ганнибала.

Кроме того, история Лагона конца XVII в. не противоречит всем известным сведениям о детстве Ганнибала, а прямо соответствует им: это и войны с соседними исламскими государствами, имеющими связи с Оттоманской империей, куда в результате этих войн попадали заложники и рабы; и сведения европейских путешественников XVII—XIX вв., совпадающие с воспоминаниями о детстве Ганнибала; и факт постройки в XVII в. мощной крепости в столице, городе Лагоне, князем Бруха (таким

образом фортификационные способности Ганнибала являются прямой наследственностью от отца), и т. д.

Наконец, признание Лагона в центрально-западной Африке родиной Ганнибала возвращает нас к Пушкину, который считал себя «потомком негров», своего прадеда — негром, арапом, причем четко определял понятие арап как «черный африканец» и придавал соответствующие черты автопортретам и портретам Ганнибала, сохранившимся в его рукописях. Предшествующие исследователи, опираясь на теорию Анучина, вынуждены были признать, что все, о чем писал Пушкин в отношении африканских предков, не соответствует действительности. Выводы Дьёдонне Гнамманку, напротив, подтверждают все сведения, зафиксированные Пушкиным, и тем самым дают богатейший материал исследователям творчества великого поэта, не раз обращавшегося в своих произведениях к Ганнибалу и африканскому происхождению своих предков.

Доклад, прочитанный гном Гнамманку на международной научной конференции в Москве 28 августа 1995 г., вызвал огромный и вполне заслуженный интерес специалистов — участников дискуссии и средств массовой информации, включая телекомпании «Останкино», РТР и НТВ, которые осветили исследование Д. Гнамманку среди главных событий дня в информационных программах.

Ирина Юрьева,

кандидат филологических наук,

Ответственный секретарь Ассамблеи Российского Пушкинского общества

Москва, 7 *сентября 1995* г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТРА АБРАМОВИЧА ГАННИБАЛА (1742-1826)

Отец мой служил в российской службе, происходил в оной чинами и удостоился генералом аншефом чина орденов святыи Анны и Александра Невского, был негер, отец его был знатного присхождения, то есть владетельным князем, и взят в омо-наты. Отец мой Константинопольского двора из оного выкраден и отослан к государю Петру I.

О произведении в чинах его и воспитании

Воспитан при дворе персонально блаженным и вечной славы достойныя памяти государем Петром Великом, был при всех тех походах и баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, был у государя в великой милости, крещен в бытность государя в Польше в городе Гродне[76]. Воспреемником были государь Петр Первый и королева польская[77], имя дано Петр, но как он по молодости плакал, когда его оным именем называли, то государь велел его называть прежним именем, до крещения его, Аврамом. В 1716 году от его величества послан во Францию и служил в тамошней военой службе и дослужился до артиллерии капитанского ранга. В 1723 году прибыл оттуда в Россию, по имянному его величества указу — пожалован лейб-гвардии Преображенского полку в бомбандирскую роту порутчиком и поручено ему было обучать артиллерийскую и инженерную науку, как знал, рота состояла из молодых людей; до кончины государя Петра Первого был отец мой командирован им в город Ригу для осмотру крепости и исправления, приехал по исправлении ему порученного, уже государя не застал в живых, явился к государыне Екатерине I, принят ею был милостиво и пребывание, как и прежде, его при дворе не отменено. В 1730 году по указу бывшего верховного совету тайного определен в Тобольской гарнизон майором и того же году сентября 25-го дня по именному ея и. в. указу переведен в инженерный корпус капитаном, в 1723 г.[78] по имянному ея величества указу, по челобитью его за болезьми из службы уволен. В городе Пернове[79] женился на девице лутеранского закону Крестине Матвеевне дочери Шеберьховой, купив мызу в 5-ти хаках, состоящую по деревням, городе[80], где и жил, а с

первою женой разошелся, коя была гречанка, оставя дочь, рожденную им[81], по имени Поликсена[82], при себе. В 1740-м году по высочайшей милости е. и. в. государыни Елисаветы I вступил опять в службу[83] и произведен артиллерии в подполковники. 1742-м году января 12 дня по высочайшему имянному ея и. в. указу пожалован в армейские генерал-майоры и в Ревель обер-комендантом. В 1752 году апреля 25 дня по имянному ея и. в. указу тем же чином в инженерный корпус, потом произведен в генерал-инженеры, из инженерного генерал-аншефом, и препоручены ему были Ладожский, Кронштадтский и Рогервицкий каналы.

1760-м году уволен императором Петром III в отставку[84], а 1781 году скончался в апреле 20 числа, а мать моя скончалась того же году феврале месяце; по отставке жили в купленной отцом моим деревне, отстоящей от С. Петербурга 55-ти верстах, Ингерманланде в мызе Сюйде, где и погребены в оной церкви, при селе[85] находящейся.

Детей после себя оставил: Ивана, генерал-поручика, Петра, артиллерии полковника, Иосифа, морской артиллерии второго ранга капитана, Исака, морской артиллерии третьего ранга капитана, дочерей — Елизавету, которая была за Пушкиным, вдовою, Анну, коя была за генералом майором Нееловым, Софья за Роткирьхом. Братья, сестры и зятья волею Божиею все в разные годы помре, остался я один, я и старший в роде Ганнибалов.

Теперь начну писать о собственно моем рождении, происходящих чинах и приключениях. Родился я в 1742-м году июня 21-го числа пополуночи 10-ть часов в городе Ревеле, где отец мой, в оном городе, был обер-комендантом. Восприемники были заочно вечнодостойная императрица Елисавета Петровна с достойным памяти наследником Петром Третьим, в то же время пожаловано отцу моему 500 душ[86] Псковской губернии в Опоченском уезде Михайловской губы. Крещен мой отец[87] в Польше в городе Гродне, воспреемником был государь Петр Великий и королева польская.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА

Начало новой автобиографии

…Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рани (мужа честна,* говорит летописец, то есть знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело.* Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру

остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году[88], с польской королевою[89], супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал[90]. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп[91]. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии[92]) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами[93]. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что, во всяком случае, он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил его образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году[94].

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова[95] и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве[96]. До самой кончины своей он не мог

без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тот час призвала его к двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы[97], также деревню *Раголу*[98], близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93-м году своей жизни[99]. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре[100], а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя[101], отличился и, ползая на коленах, выпросил отцовское прощение. *Под* Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня[102] оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януа-рий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт,* говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя)* — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной,

дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в Черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. РОДОСЛОВНАЯ ГАННИБАЛОВ

(с 1696 по 1906)

Абрам Петрович Ганнибал

(1696-20.04.1781)

жена Христина-Регина Шеберг

(7-02.1781)

Второе поколение: Дети (7)

1. Иван Абрамович Ганнибал 5.06.1735-1801

2. Елизавета Абрамовна Ганнибал 1737 —?

за Андреем Павловичем Пушкиным

3. Анна Абрамовна Ганнибал 1741 — 1788

за Семеном Нееловым

(? — 1786)

4. Петр Абрамович Ганнибал 21.07.1742-3.06.1826

жена Ольга Григорьевна Данненштейн (5.06.1742 — 18.06.1817)

5. Осип Абрамович Ганнибал

20.01.1744-12.11.1806

жена Мария Алексеевна Пушкина[103]

(20.01.1745 — 27.06.1818)

6. Исаак Абрамович Ганнибал 1747 — 1803

7.Софья Абрамовна Ганнибал 1759 — 1802

за Адамом Карповичем Роткирхом (1746 — 1797)

Третье поколение: Внуки (идентиф. 12)

1. Вениамин Петрович Ганнибал 1780-23.12.1839

2. Надежда Осиповна Ганнибал 21.06.1775 — 29.03.1836

с 1796 за Сергеем Львовичем Пушкиным[104] (23.05.1770 — 29.07.1848)

3. Христина Семеновна Неелова

4. Павел Исаакович Ганнибал 1776 — 1841

жена Варвара Тихоновна Ланге (? — 21.06.1866)

5. Семен Исаакович Ганнибал? — 1853

6. Яков Исаакович Ганнибал? — 1840

жена Елизавета Александровна Вындомская, сестра П. А. Осиповой

7. Дмитрий Исаакович Ганнибал? — 1837

8.Екатерина Исааковна Ганнибал за Иваном Карловичем Меландером

9. Александра Исааковна Ганнибал

10. Иван Адамович Роткирх

11. Надежда Адамовна Роткирх 1782 — 1856

за Павлом Леонтьевичем Шемиотом (1769 — 1859)

12. Любовь Адамовна Роткирх

7.10.1785-1.02.1855

за асессором Бибиковым

Четвертое поколение: Правнуки (идентиф. 9)

1. Мария Вениаминовна Ганнибал, дочь Вениамина Петровича Ганнибала

с 1826 за Федором Павловичем Коротовым

2. Ольга Сергеевна Пушкина, дочь Надежды Ганнибал 20.12.1797 —2.05.1868

с 1828 за Николаем Ивановичем Павлищевым (6.05.1802-8.12.1879)

3. Александр Сергеевич Пупкин, сын Надежды Ганнибал и правнук Абрама Петровича Ганнибала

6.06.1799-10.02.1837

с 1831 г. жена Наталья Николаевна Гончарова

(27.08.1812-26.11.1863)

4. Лев Сергеевич Пушкин, сын Надежды Ганнибал 17.04.1805-19.07.1852

жена Е.А. Загряжская

5. Александр Яковлевич Ганнибал, сын Якова Исааковича Ганнибала

27.09.1797-03.1834

6. Владимир Иванович Роткирх 20.06.1809-11.02.1889

жена Розалия Версман (1809-1906)

7. Семен Павлович Неелов

8. Софья Павловна Шемиот, дочь Надежды Роткирх 1798-1827

за Александром Вейманом (1791 — 1882)

9. Ольга Павловна Шемиот 1802 — 1879

за Александром Вейманом (по смерти первой жены, Софьи Шемиот)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А.П. ГАННИБАЛА

(Даты …… Исторические события - События в жизни Ганнибала)

В Африке

1696…… Царствование Миарре Бруха в Логоне.

Родился в городе Логон в Центральной Африке.

1703 …… Вплоть до 1707 года на княжество Логон нападают войска султана Багирми Абд-эль-Кадера. — Захвачен в плен и уведен в рабство в Турцию.

В Османской империи

1703 …… Восшествие на престол султана Ахмеда III. — Паж при дворе турецкого султана в Стамбуле.

В России

1704 …… Взятие Нарвы. — Во дворце Петра I.

1705 …… — 13 июля крещен в Вильно.

1706 …… Победа войск Карла XII под Гродно. — Приписан к Преображенскому полку барабанщиком.

1708 …… Победа русских при Лесной.

1709 …… Полтавская битва. — Абраму 13 лет.

1710 …… Взятие Ревеля русскими.

1711 …… Сражение на реке Прут. Учреждение Сената. Свадьба Петра I с Екатериной.

1714 …… Гангутское морское сражение. — Секретарь и ординарец царя.

Адъютант Петра I.

1717 …… Второе путешествие Петра I в Европу.

Во Франции

…… Визит Петра I в Париж. Реформы Ло. — Начинает изучение математики в Париже.

1718 …… Испанская война. — Лейтенант французской армии.

Ранен в сражении при Фуэнтараби.

1720 …… Открытие артиллерийской школы в Лафере. Белидор публикует свою книгу «Краткий курс военной и гражданской архитектуры и гидротехники». — Студент школы в Лафере.

1723 …… — Капитан французской армии. Диплом инженера Королевской гвардии.

Снова в России

1724 …… Петр I назначает поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк и преподавателем математики и военно-инженерного дела. Главный придворный переводчик.

1725 …… Кончина Петра I.

Воцарение Екатерины I. — Назначен преподавателем математики великого князя Петра Алексеевича.

1726 …… — Вручает Екатерине двухтомный рукописный труд «Практическая геометрия и Фортификация».

1727 …… Кончина Екатерины I.

Воцарение Петра П. Меншиков становится генералиссимусом. — Ссылка в Сибирь. Принимает имя Ганнибал.

1730 …… Кончина Петра II. — Конец ссылки.

…… Воцарение Анны Иоанновны. — Назначен майором в Тобольский гарнизон. Назначен инженер-капитаном в Пернов.

1731 …… Свадьба с Евдокией Андреевной Диопер. Преподаватель военно-инженерного дела в Пернове. Рождение белой девочки.

1732 …… Прошение о разводе и начало дела об отравлении.

1733 …… Война за Польское наследство (1733-1735). — Покупает мызу Карьякула (Эстляндия).

Уходит в отставку и поселяется в имении. Знакомится с Христиной-Регина Шеберг.

1735 …… Появляется на свет Иван Абрамович Ганнибал (5 июня).

1736 …… Война с Турцией (до 1739). — Свадьба в Ревеле с Христиной-Регина.

1737 …… Рождение Елизаветы Абрамовны Ганнибал.

1740 …… Кончина Анны Иоанновны. Император — младенец Иван VI. Регент — Бирон. Дворцовый переворот: Бирон арестован, регентша — Анна Леопольдовна. Премьер-министр — Миних.

1741 …… Швеция объявляет России войну. — Вступление в службу.

Главнокомандующий — Ласси. — Подполковник в Ревеле. — Рождение Анны Абрамовны Ганнибал.

Новый дворцовый переворот: воцарение Елизаветы Петровны.

1742 …… Генерал-майор и обер-комендант Ревельской крепости.

Елизавета Петровна жалует имение Михайловское.

Коронация Елизаветы Петровны. Русская армия оккупирует Финляндию. — И. о. губернатора Ревеля.

Швеция капитулирует. — Рождение Петра Абрамовича Ганнибала.

1743 …… Мир со Швецией.

1744 …… Рождение Осипа Абрамовича Ганнибала,

1745 …… Глава русской делегации в двусторонней комиссии по разграничению земель между Россией и Швецией в Стокфорсе.

1747 …… Рождение Исаака Абрамовича Ганнибала в имении Петровское.

1748 …… Кавалер ордена Святой Анны.

1752 …… Генерал-майор от фортификации с назначением в Петербург Назначен в Инженерный корпус управляющим Инженерной частью по всей России. Поручен контроль за образованием в инженерных школах.

Поручено управление работами по возведению укреплений на западе и северо-западе Российской империи; в Кронштадте, Риге и Петербурге.

1753 …… Под его руководством проводится строительство Тоболо-Ишимской линии укреплений (в Западной Сибири).

Государственная миссия в Финляндии. Святейший синод официально расторгает брак с Евдокией Диопер.

1754 …… Контролирует возведение укреплений в Новосербске, Славяносербске, Елизаветграде.

Предлагает ввести преподавание гражданской архитектуры в военно-инженерных школах.

Составляет проект реконструкции Киево-Печерской крепости.

1755 Создание в Москве Университета. …… Поручено строительство и содержание Кронштадтского канала.

Основывает госпиталь для рабочих на Кронштадтском канале.

Член комиссии по проведению работ в порту Рогервика (Балтийский порт), на Ладожском и Кронштадтском каналах.

Генерал-лейтенант армии.

Глава Инженерного корпуса. Назначен губернатором в Выборг.

1756 …… Начало Семилетней войны — По решению Сената остается главой Инженерного корпуса.

(1756-1763)……. Инженер-генерал: главный военный инженер российской армии.

Открывает школу для детей рабочих и мастеров в Кронштадте.

1757 …… Главнокомандующего заменяет генерал Фермор. — Вице-президент комиссии фельдмаршала Апраксина — по рассмотрению состояния крепостей Империи.

1758 …… — Поручен контроль за учебными программами в Инженерных и Артиллерийских школах.

1759 …… — Рождение Софьи Абрамовны Ганнибал. Генерал-аншеф. Директор работ на Ладожском канале и комиссии по

Кронштадту и Рогервику. Покупает имение Суйда.

1760 …… — Кавалер ордена Святого Александра Невского.

1761 …… Кончина Елизаветы Петровны (24 декабря). Воцарение Петра III.

1762 …… 9 июня отправлен Петром III в отставку на пятьдесят седьмом году жизни.

Убийство Петра III. — Отъезд в Суйду.

Воцарение Екатерины II. — Начало мирной сельской жизни.

1765 …… Екатерина пишет Ганнибалу по поводу канала Петербург—Москва. — В Суйде регулярно бывают Суворовы.

1770 …… Чесменское сражение.

1775 …… Рождение Надежды Осиповны Ганнибал.

1776 …… Празднует 80-летие. Составляет завещание.

Рождение Павла, сына Исаака Абрамовича Ганнибала.

1780 …… Рождение Вениамина, сына Петра Абрамовича Ганнибала.

Закончен новый дом в Петербурге.

1781 …… Кончина супруги Христины после сорока восьми лет совместной жизни.

20 апреля уходит в мир иной.

1796 …… Надежда Осиповна Ганнибал, «прекрасная креолка», выходит замуж за Сергея Пушкина.

1799 …… Рождение поэта Александра Пушкина, правнука генерала Абрама Ганнибала.

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ

1. Княжество Логон и сопредельные земли в XVI — XVIII вв.

Источник: UNESCO, General History of Africa, vol. V, p. 500. (Составлена J.W. Antwi/ B.M. Barkindo, Bayero University, Kano.)

2. Торговые пути, связывавшие центральноафриканский регион с Северной Африкой и долиной реки Нил.

Источник: UNESCO, General History of Africa, vol. V, p. 500. (Составлена J.W. Antwi/ B.M. Barkindo, Bayero University, Kano.)

ЛИТЕРАТУРА

Азанчевский. История Преображенского полка. 1859.

Анекдоты прошлого столетия// Русский Архив, 1877. Т. 2.

Анненков П.В. Пушкин в александровскую эпоху: 1799—1826. СПб., 1874.

Анучин Д.Н. А.С. Пушкин (антропологический эскиз) // Русские Ведомости. Отд. оттиск. 1899.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836.

Благой Д.Д. Абрам Петрович Ганнибал — Арап Петра Великого// Молодая Гвардия. 1937. №3.

Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., 1967.

Бозырев В.С. Музей-заповедник А.С. Пушкина. Л., 1979.

Бракоразводное дело Ганнибала, Архив Духовной Консистории, № 2, 466, СПб.

Брокгауз Ф.А. — Ефрон И.А. Русский энциклопедический словарь.

Валишевский К. Дочь Петра Великого. 1990.

Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937.

Виноградов И. Здесь рождались волшебные строки // Правда. 1977. 5 июня.

Временник пушкинской комиссии АН СССР, №21. Л., 1984.

Временник пушкинской комиссии АН СССР, №23. Л., 1987.

Ганнибал А.П. Geometrie practique et Fortification. Т. I—И, 1725— 1726.

Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографии // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. XVII—XX.

Гастфрейнд Н. Письма Абрама Ганнибала // Всемирный Вестник. 1903. №1.

Гейченко С. Библиотека Абрама Ганнибала // Литературная Россия, 1976.

Гельбиг. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1986. №4.

Гнамманку Д. Где родился Абрам Ганнибал? // Российские Вести. 1995. №101.

Гнамманку Д. Так где же родина Ганибала? // Вестник АН. 1995. №12.

Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великаго. СПб., 1794.

Голиков. Деяния Петра Великаго. Т. XV// Русский Архив, 1877. Т.2.

Гордин А.М. А все-таки Ганнибал // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1993.

Грановская Н.И. «Если ехать вам случится…». Л., 1989.

Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный…». СПб., 1992.

Давидсон А. Облик далекой страны. М., 1975.

Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Б АН, Вып.1: XVII век. Л., 1956.

Кабинетные дела, Т. II, № 38, л.82, 84, 86, 93.

Кабинетные дела, Т. II, № 42, л.71.

Карты и планы XV-XVIIIв, М., 1992.

Керсновский. История русской армии, в 4-х томах. Т. 1, 1992.

Козлов В. Когда родился прадед АС. Пушкина // Неделя. 1969. № 44.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

Лаптева Т. А. 06 «Арапе Петра Великого». Материалы для биографии А. П. Ганнибала // Исторический архив. 1992. №1.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства.

Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин, 1984. 2-е изд.

Лонгинов М.Н. Абрам Петрович Ганнибал // Русский Архив. 1864. №2.

Луппов СП, Книга в России в первой половине XVIII века. Л., 1973.

Малеванов Н.А. К биографии А.П. Ганнибала//Пушкин: исследования и материалы. М.; Л., 1962, T.IV.

Малеванов Н.А. Прадед поэта//Звезда. 1974. №6.

Материалы Верховнаго Тайного совета и Совета министров // Сборник Русского Исторического общества. Т. 79, 84, 101, 106, 130.

Материалы для истории русского флота. Ч. IX. СПб., 1882.

Мадзалевский Б.Л. Род Пушкина. М., 1907.

Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.

Нестерчук В. Предки А.С. Пушкина — инженеры и деятели водного хозяйства // Речной транспорт, 1962.

Опатович С.И. Евдокия Андреевна Ганнибал // Русская старина, 1877. Т. XVIII.

Павленко Н.И. Ганнибал в Сибири//Нева. 1983. № 8. С. 190-195.

Павленко Н.И. И пробил час // Родина. 1997. №10.

Павленко Н.И, Птенцы гнезда Петрова. М., 1989.

Павлищев Л.Н. Из семейной хроники. М., 1890.

Паина Э. С. Об обстоятельствах отставки А.П. Ганнибала //

Пушкин: исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т.IV.

Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник, 1860. Т.83.

Пекарский П.П. История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т.1.

Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т.1.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862.

Письма русских государей и других особ царского семейства. ГИМ, 1861.

Походный журнал за 1714 год. Камер-фурьерский журнал, 1714 (1854).

Прохоров Н. Ф. Ответы А. П. Ганнибала на анкету Вольного Экономического общества // Советские архивы. 1989. № 4.

Прянишников Е.А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981.

Пушкин А.С. Поли. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 — 1949.

Русский биографический словарь. СПб., 1914.

Савельева А.И. Исторический очерк инженерного управления в России, СПб., 1879.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч.П. СПб., 1872.

Семевский М.И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993.

Сенатский архив. Т.V. СПб., 1892.

Сергеев М. Сибирские злоключения Арапа Петра Великого // Альманах «Ангара». Иркутск, 1970.

Сергеев М. Жизнь и злоключения Абрама Петрова — арапа Петра Великого. М., 1996,

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. II. Т. 17-18.

Сондоевский Г.И. К биографии Ганнибалов, предков А.С. Пушкина // Сборник трудов членов Псковскаго Археологическаго Общества за 1896 г.

Стасов В.В. Арап Петра Великаго и калмык Екатерины I. СПб., 1861.

Струков Д.П. Главное Артиллерийское Управление. СПб., 1902. 4.1, кн. 1.

Телетова Н.К. Ганнибалы — предки Пушкина // Белые Ночи, Л., 1978.

Телетова Н.К, Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981.

Телетова Н.К. О мнимом и подлинном изображении А.П. Ганнибала // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995.

Телетова Н.К. Примечания к статье В.В. Набокова. В кн.: Легенды и мифы о Пушкине. СПб,, 1995.

Фабрициус И.Г. Главное инженерное управление. СПб., 1902. 4.1,

Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. М., 1983.

Хмыров М. Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время. СПб., 1867.

Хмыров М.Д. Абрам Петрович Ганнибал. В кн.: Хмыров М.Д., Исторические статьи. СПб., 1873.

Хохлов Н.П. Присяга просторам. М., 1973.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.

Чистяков А.С. История Петра Великого. М., 1992.

Шишов А. Повторить Нарву шведы уже не могли… // Родина. №10. 1997.

Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб., 1903.

Штелин Я. Подлинный анекдоты, собранный… в 4-х томах. М, 1830.

Шубинский С.Н. Княгиня Волконская и ее друзья// Исторический вестник. 1904. Т.98.

Эйдельман Н.Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз. М., 1991.

Эйдельман Н.Я. Ганнибалов колокольчик // Наука и жизнь. 1983. №10.

Abrège *de l'Histoire du Czar Pierre Alexievits avec une relation de l'Etat présent de la Moscovie, de ce qui s'est passé de plus concidérable depuis son arrivée en France, jusqu'a ce jour// Mercure de France. Paris,* 1717.

Allainval L. *Anecdotes du rkgne de Pierre I, Ière et lime parties.* Paris, 1745.

Archeologia, Juillet-Août 1970, №35.

Augoyat (col.), *Aperçu historique sur les fortifications, les ingénieurs et sur le corps du génie en France.* Paris, 1862. Tome II.

Barth H. *Voyages et découvertes dans l'Afrique septentrionale et centrale pendant les années 1849 a 1855.* Paris, 1861. Tome III.

Blanchard A. *Les ingénieurs du «Roy» de LouisXIVa Louis XVI. Etude du corps des fortifications.* 1979.

Blanchard A. *Dictionnaire des ingénieurs militaires 1691— 1791.* Montpellier.

Boblaye Th. Le P. *Esquisse historique sur les Ecoles d'Artillerie,* Metz, Vieux Fort des Vincennes, Cote: 34523.

Decalo S. *Historical dictionary of Chad. London,* 1987.

Dolgoroukov P. *Mémoires. Geneve,* 1867.

Dumas A. *En Russie. Paris, Francois Bourin,* 1989.

General history of Africa. Unesco, 1992, vol. 5.

Gnammancou D. *«La traite des Noirs en direction de la Russie», Communication présentée au Collogue Unesco, «La Route de l'Esclave» a Ouidah, sept. 1994, a paratre dans Actes du Collogue «La Route de l'Esclave»,* Unesco.

Grunwald C. *de, La Russie de Pierre le Grand. Hachette,* 1953.

Guichen vicomte de, *Pierre le Grand et le premier traite franco-russe,* 1682 a 1717. Paris, 1908.

Helbig H. *Russische Güntlinge. Tubingen,* 1809.

Histoire générale de l'Afrique. Unesco, 1992. V. 1.

Kake L.B. «La traite négrière et le mouvement de populations entre l'Afrique Noire, l'Afrique du Nord et le Moyen-Orient», *La traite négrière du XVIe au XIXe siècle.* Unesco, 1985.

Lebeuf A. «L'origine et la constitution des principautés Kotoko», *Contribution de la recherche ethnologique a Vhistoire des civilisations du Cameroun.* Paris, CNRS.

Ley F. *Le marechal de Munnich et la Russie au XVIIIe siècle.* Paris, Labrairie Plon, 1959.

Lortholary A. *Le mirage russe en France au XVIIIe siècle.* Paris, Editions Contemporaines, 1951.

Massie R. K.. *Pierre le Grand.* Paris, Fayard, 1985.

Mercure de France, № d'avril, mai et juin 1717 aux archives de la Bibliotheque Nationale de France, Cote: microfilm-m-238.

Mercury F. «Le secret de Law», in *Les Grandes Enigmes du temps jadis,* par Bernard Michal, Ed. Famot. Genève, 1976.

Nachtigal G. Sahara and Sudan. III. London, 1987.

Petitfils J-Chr. *Le Régent* Paris, Fayard, 1992.

Orhonlu (Cengiz), *Habesh Eyaleti.* Istanbul, Edebiyat Fakültesi Matbaasi, 1974.

Pouchkine A. *Oevres complètes,* 1.1. Lausanne, *V*Age d'homme, 1973.

Pouchkine A. *Oevres complètes,* till (autobiografie, critiques, correspondance). Lausanne, L'Age d'homme, 1973.

Pouchkine A. *Poésies.* Paris, Gallimard, 1994.

Pouchkine A. *La dame de pique et autres textes.* Paris, La Collection POL.

Rodinson M. «Généalogie royale de Logone-Birni (Cameroun)» in *Etudes Camerounaises,* tome III, mars-juin 1950, № 29—30, I FAN, pp.75— 82.

Rousset de missy J. *Mémoires du règne du Pierre le Grand, Empereur de Russie,* en 4 volumes. La Haye, 1725—1726.

Saint-Simon. *Mémoires.* Paris, 1826.

Saint-Simon. *Mémoires complets et authentiques du due de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et le Regence.* Paris, 1829.

Schtcherbatow M. *Journal de I 'empereur Pierre le Grand depuis 1698 jusqu'a la paix de Nychtadt en 1721,* publié par J.H.S. Forn. 1773—1774.

Stockholm dagblad, 1899. 11.06.

Trimingham, *Islam in Ethiopia.* Oxford University Press, 1952.

Troyat H. *Pouchkine* (1946). Paris, Plon, 1953.

Troyat H. *Catherine la Grande.* Paris, Flammarion, 1977.

Troyat H. *Pierre le Grand.* Paris, Flammarion, 1979.

Urvoy. *Histoire de l'empire de Bornou.* 1949.

Uzunparsili I. *Kapukulu Ocaklari,* I & II. Istanbul, 1988.

Vaudal A. *Louis XV et Elisabeth de Russie.* Paris, Plon, 1882.

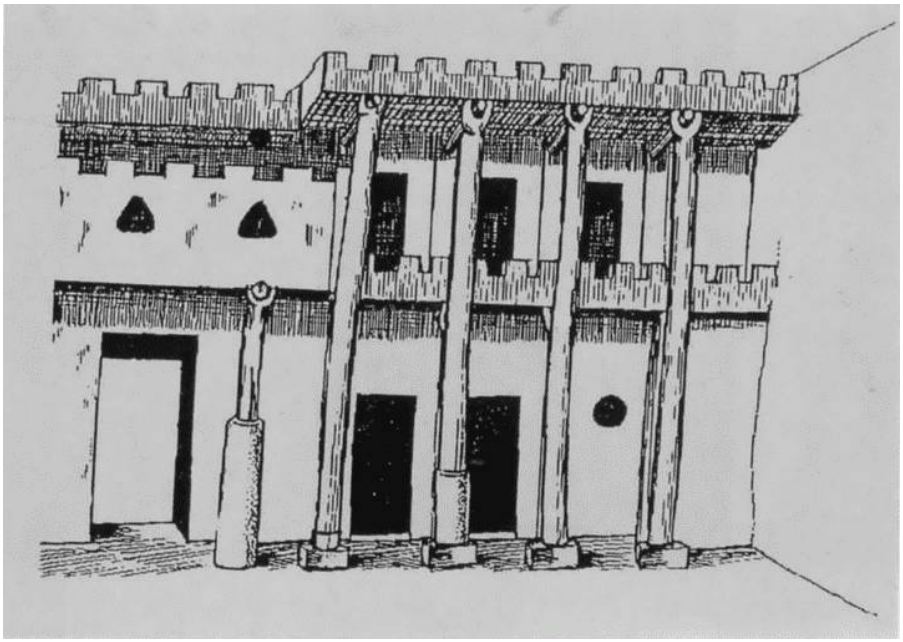
Voltaire. *Histoire de I 'empire de Russie sous Pierre le Grand.*

Zeys E. *Esclavage et guerre sainte. Consultation adressée aux gens du Touat par un érudit nègre, cadi de Tombouctou.* 1900.

Zouber M.A. *Ahmad Baba de Tombouctou (1556—1627). Sa vie et son oeuvre.* Paris, G.-P. Maisonneuve et Larose, 1977.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Предполагаемый портрет Абрама Ганнибала. Неизвестный художник (Ж. Б. Ван Лоо?)



Фасад двора для аудиенции в городе Логон. Из книги: A. Lebeuf (1969).

Невольничий рынок в Стамбуле. По рисунку Т. Аллома. Первая половина XIX в.

Граф Петр Андреевич Толстой, посол России в Османской империи. И. Г. Таннауэр. 1719 г.

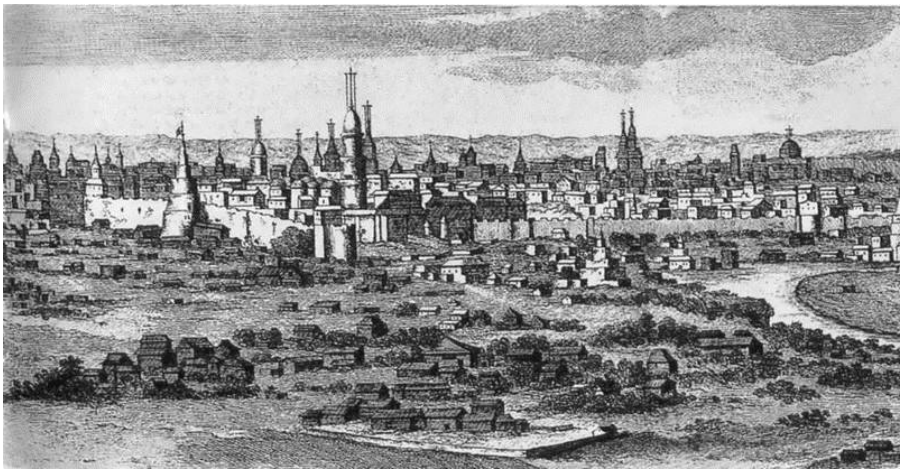
Савва Лукич Владиславич-Рагузинский. Б. К. Растрелли.

Петр I с арапчонком. Гравюра А. Шхонебека. 1705 г.

Царь Петр Алексеевич. Гравюра П. ван Гунста с оригинала Г. Неллера 1697 г.

Портрет Петра I с семьей. Миниатюра на финифти Г. С. Мусикийского. 1717 г. Слева: Петр и Екатерина, сидящие в креслах; справа стоят: Алексей Петрович, Анна и Елизавета Петровна и маленький Петр Петрович.

Флашрок Петра I.



Панорама Москвы в 1702 г. Иллюстрация к книге К. Де Брюйна (издание 1704 г.).

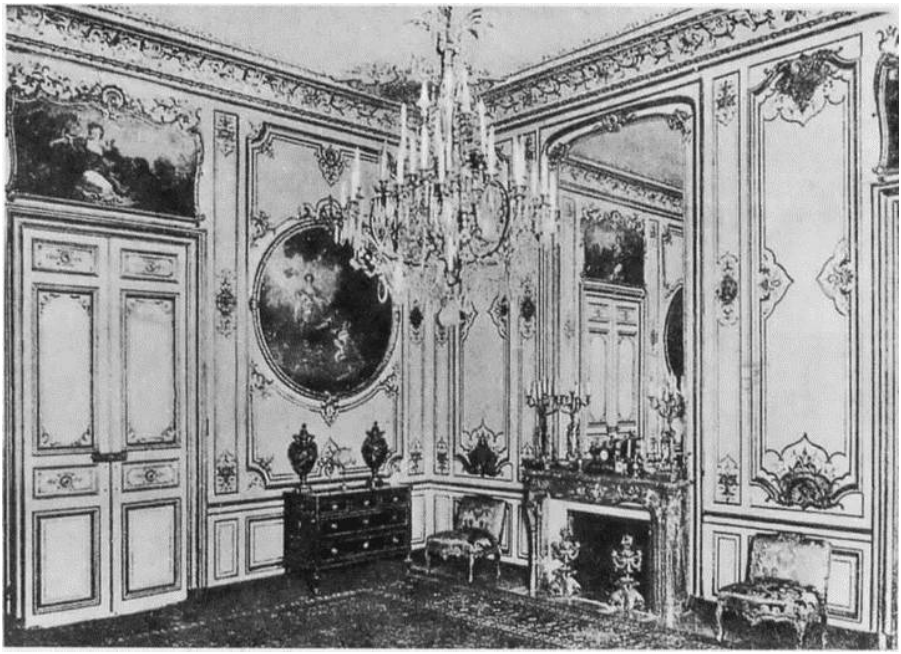
Барабанщик Абрам Петров на поле битвы у деревни Лесной в 1708 г. С картины П.-Д. Мартена-младшего.

Сражение при Лесной. Барельеф работы А. К. Нартова. 1720-е гг.

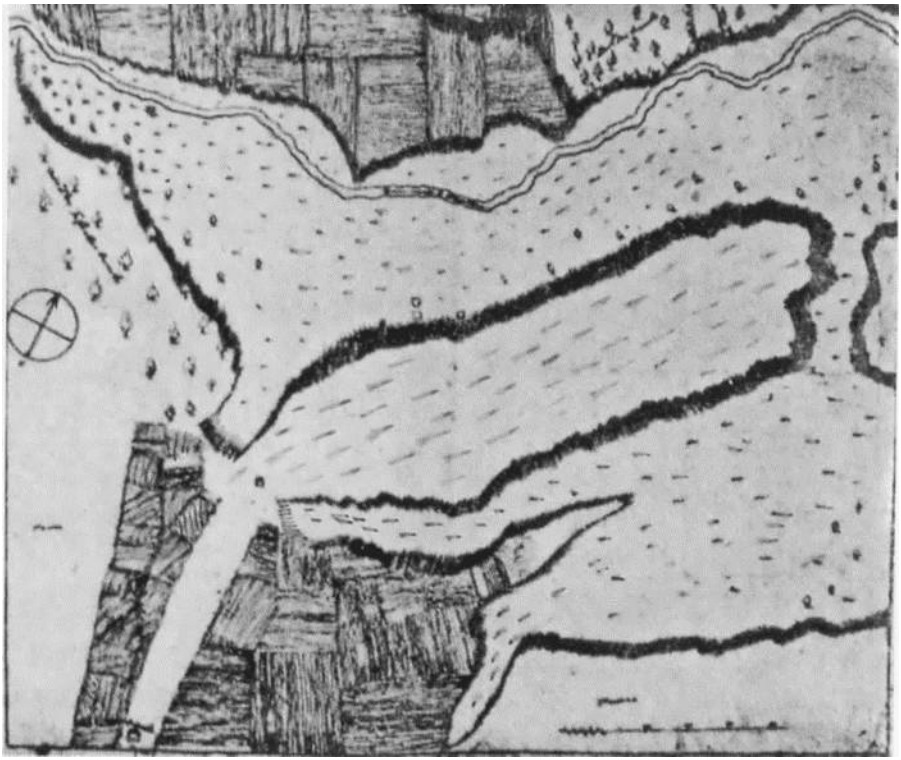
Аллегорическое изображение Петра Первого, победителя турок под Азовом и

шведов под Полтавой. На заднем плане: Абрам Петров в форме императорского Преображенского полка. Неизвестный художник. Первая четверть XVIII в.

Полтавский бой. Барельеф работы А. К. Нартова. 1720-е гг.



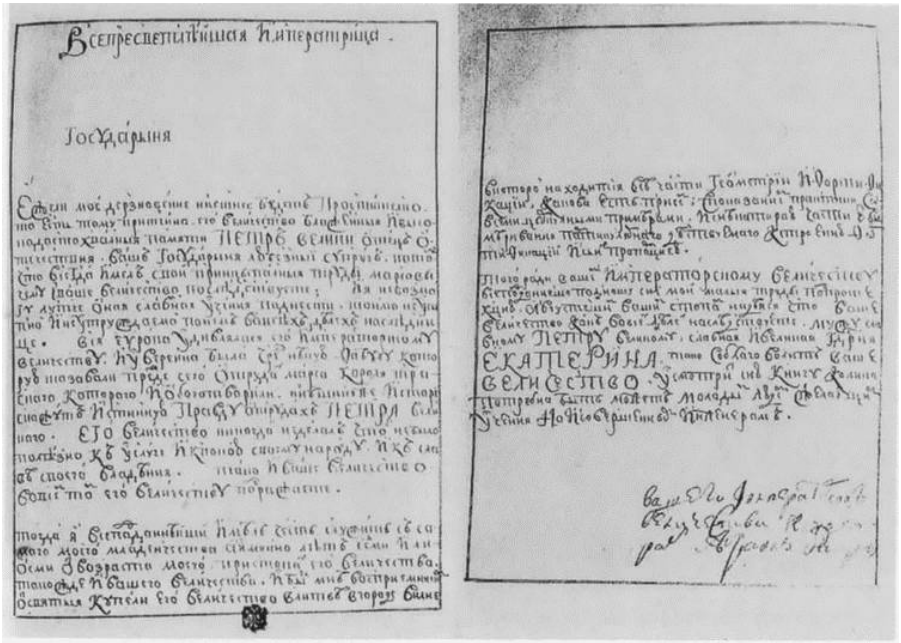
Отель Матиньон в Париже. Интерьер. 1720—1724 гг.



План местности на реке Вегмас (Карелия), где были обнаружены марциальные воды. Составлен Абрамом Петровым в 1724 г. На плане рукою Ганнибала помечено: «План, где найдены марциальныя воды по корельской дороге, снимал Абрам Петрович и принес в конторку 1724 году сентября в 4-й день».

Петр I на смертном одре. И. Н. Никитин. 1725 г.

Императрица Екатерина Алексеевна. Ж. М. Наттье. 1717 г.

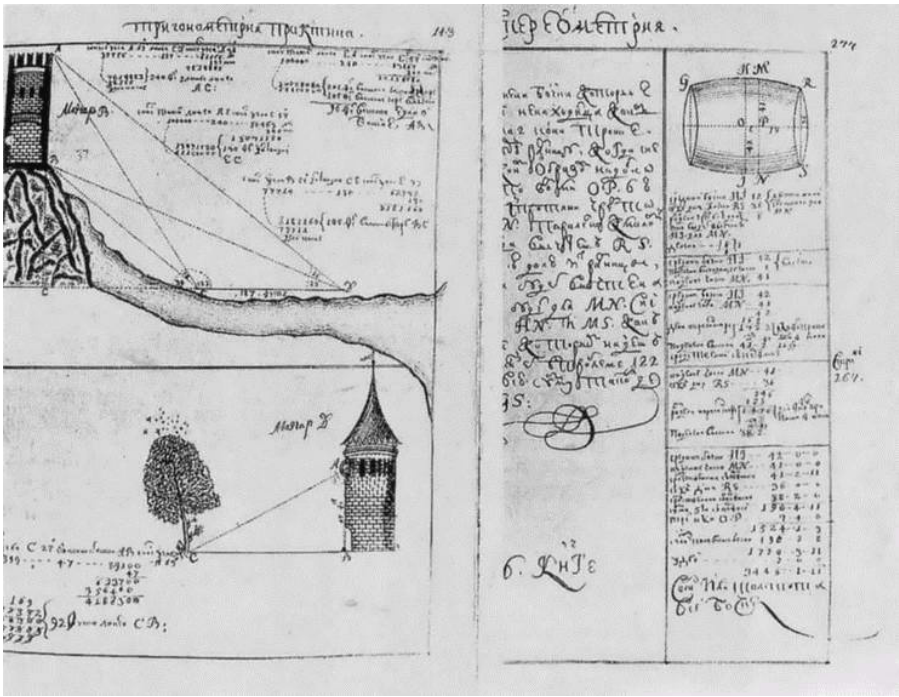


Посвящение императрице Екатерине. Страница рукописного труда Ганнибала. Фото автора.

Рукописная книга Абрама Ганнибала. Том 1: Геометрия. Том 2; Фортификация. 1725—1726 гг.

Император Петр II. Портрет из Романовской галереи.

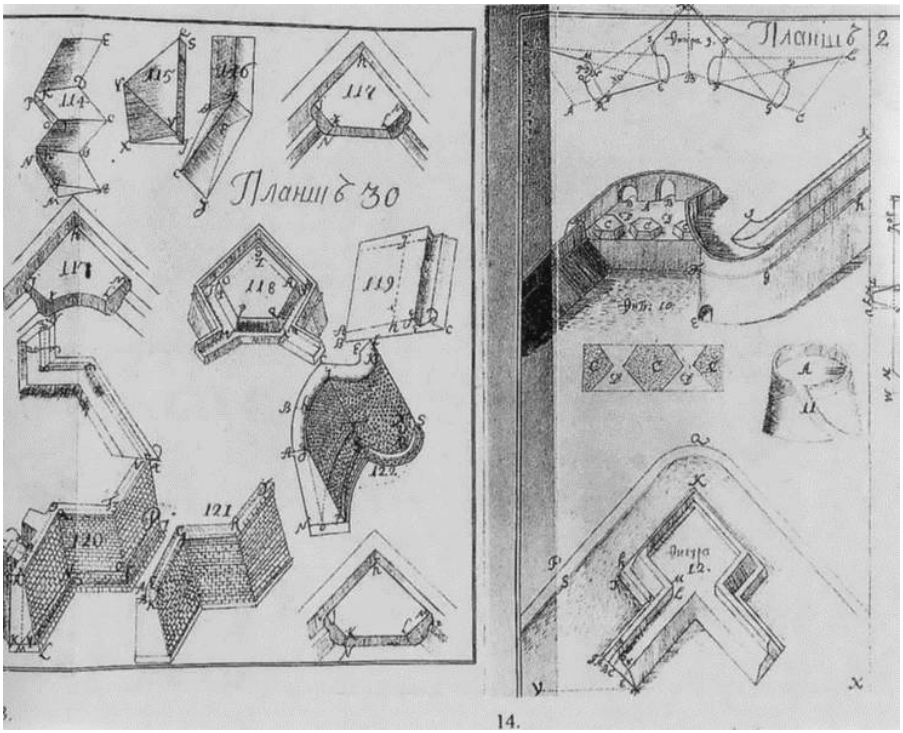
Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Неизвестный художник первой четверти XVIII в.



Страницы рукописного труда Ганнибала.

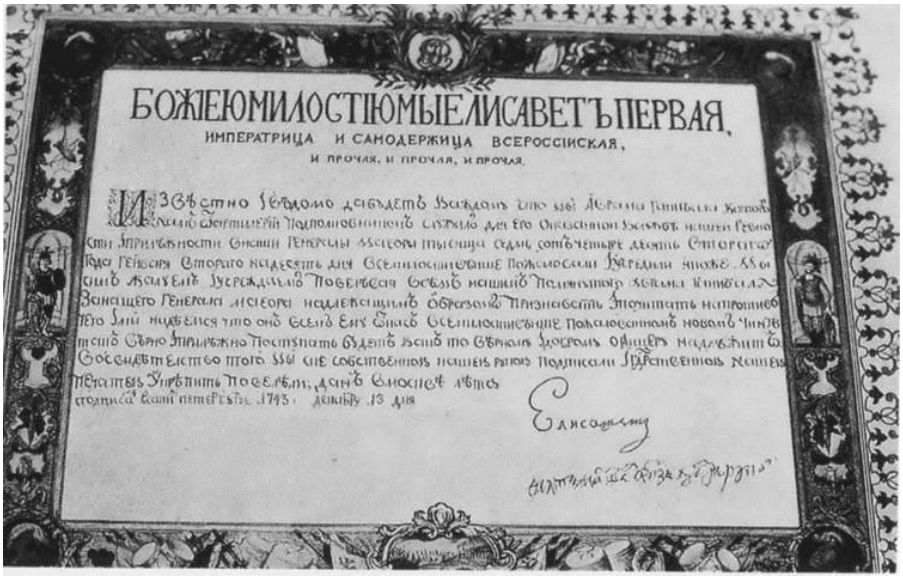
Императрица Анна Ивановна.

Граф Бурхард Христофор фон Миних.

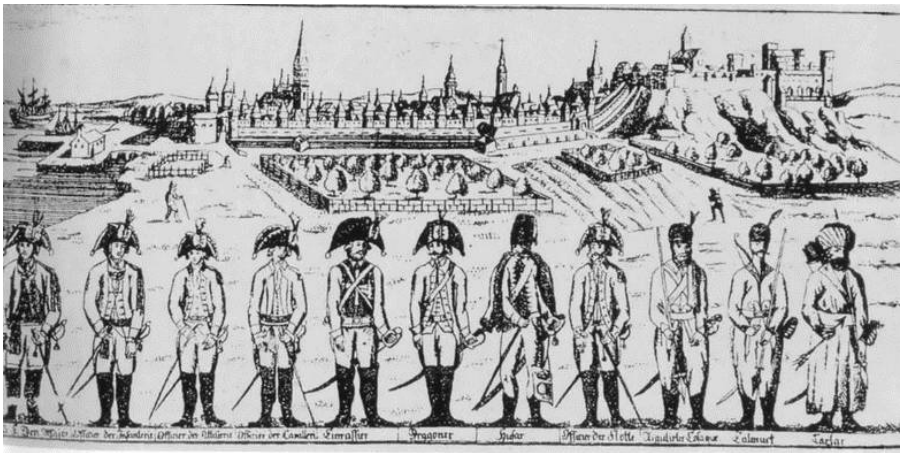


Страницы рукописного труда Ганнибала.

Императрица Елизавета Петровна. Гравюра Е. П. Чемесова с неоконченного живописного оригинала П. Ротари, 1761 г.

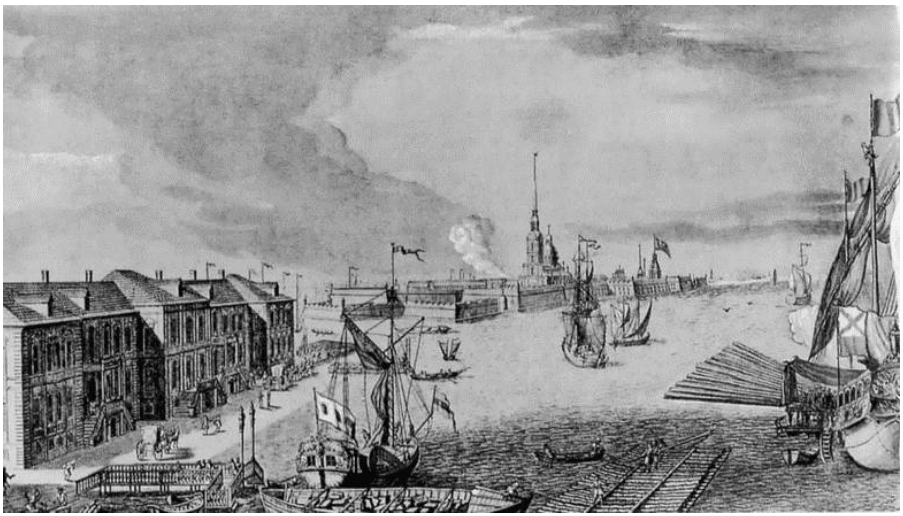

БОЖЕЮМИЛОСТЮМЫЕЛИСАВЕТЪПЕРВАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Указ императрицы Елизаветы о присвоении Ганнибалу чина генерал-майора. Подписан 13 декабря 1743 г.



Вид Ревеля в XVIII в. и войска российской армии той эпохи. На переднем плане слева направо: генерал-майор, офицер от инфантерии, артиллерийский офицер, кавалерийский офицер, кирасир, драгун, гусар, морской офицер, казак, калмык, татарин.

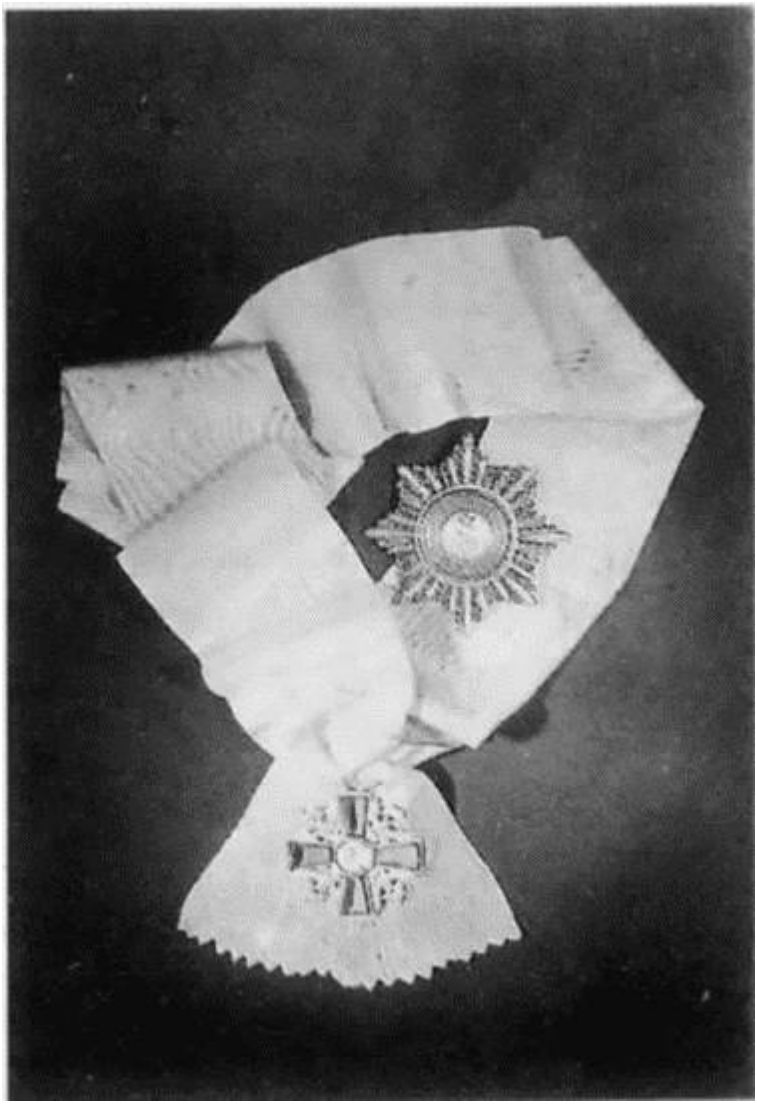
Дом генерала Ганнибала в Санкт-Петербурге (ныне ул. Чайковского, д. 29). Фото автора,



Вид вверх по Неве от Адмиралтейства и Академии наук. 1753 г. Гравюра Е. Г. Виноградова. Фрагмент. С рисунка М. И. Махаева, выполненного под наблюдением Д. Валериани. 1749 г.

Герб рода Ганнибалов.

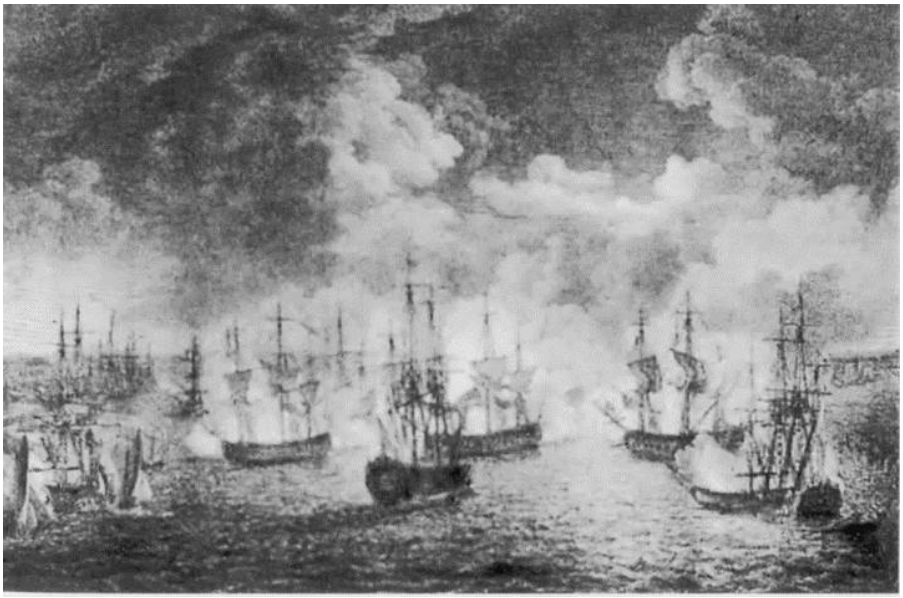
Императрица Екатерина И. Гравюра Е. К. Чемесова.



Орденские ленты Святой Анны и Святого Александра Невского. Первую награду Ганнибал получил в 1748 г., вторую — 30 августа 1760 г.

Портрет генерала Меллер-Закомельского. Неизвестный художник. До недавнего времени считался портретом Абрама Петровича Ганнибала. Ошибочность этого мнения установлена Н. К. Телетовой.

Иван Абрамович Ганнибал. Неизвестный художник.



Чесменский бой. Я. Ш. Кэнот. 1777 г.

Дом-музей Ганнибалов в Петровском. Наверху — флюгер с изображением слона — герба Ганнибалов.

Парк в Петровском. Октябрь.

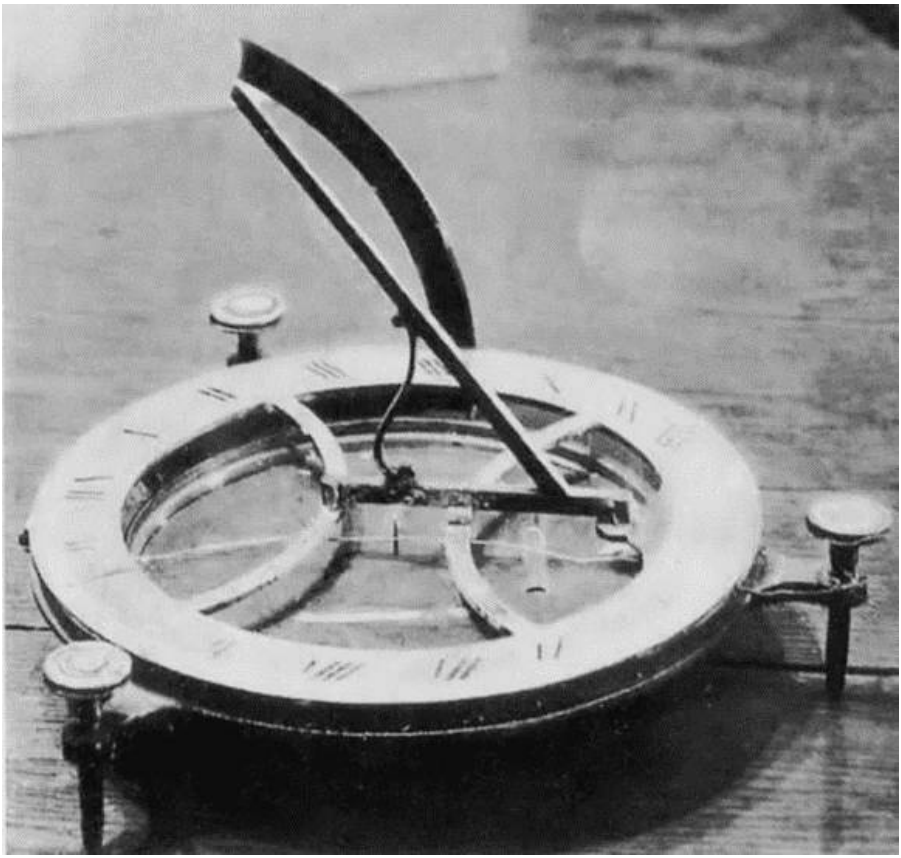
Беседка-грот.

Парк в Петровском. Март.

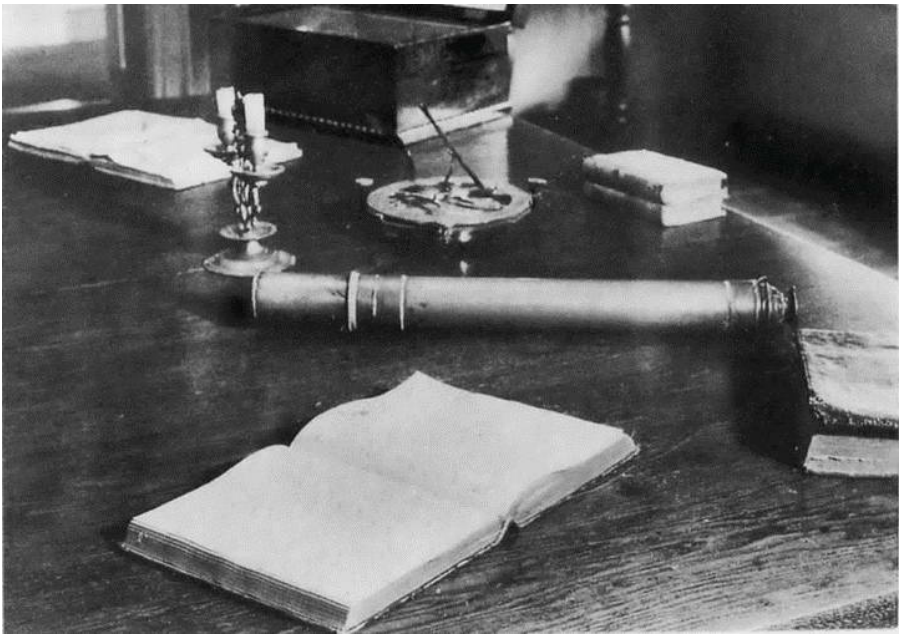
Библиотека Ганнибала.

Кабинет Абрама Ганнибала в Петровском.

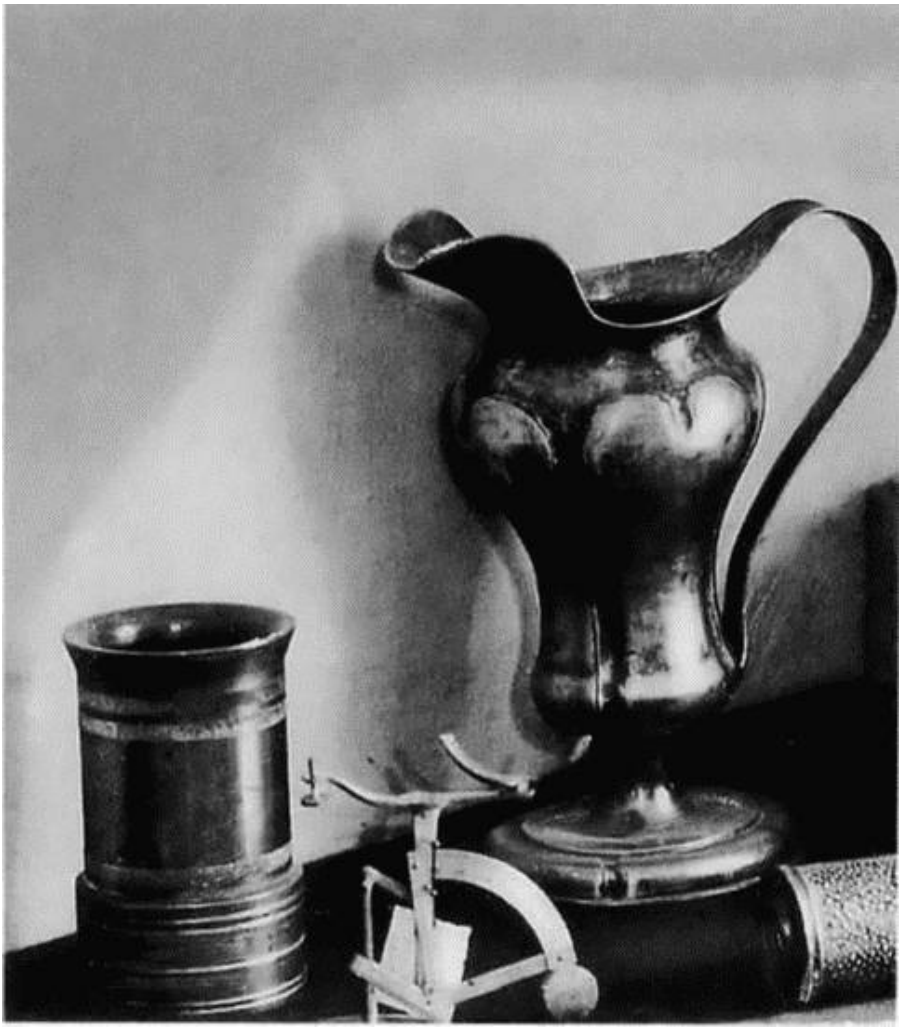
Глобус.



Секстант.



Письменный стол в кабинете Абрама Ганнибала.



Кубок.

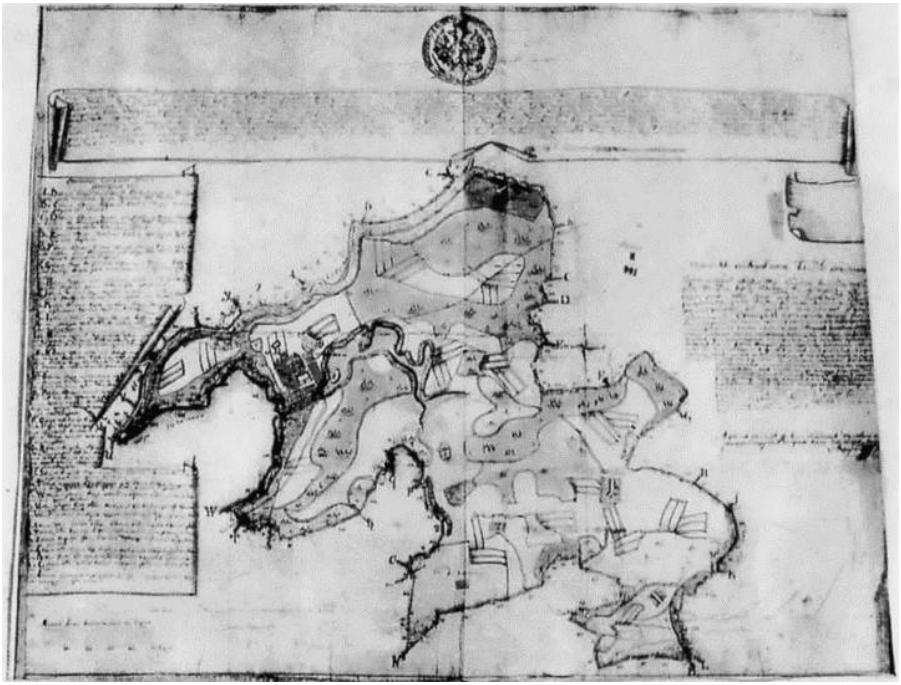
Кабинет Абрама Ганнибала: портрет Петра I.

Коллекция.

Каминные часы в гостиной.

Дом-музей Ганнибалов в Петровском. Гостиная.

Дом-музей Ганнибалов в Петровском. Парадная зала.



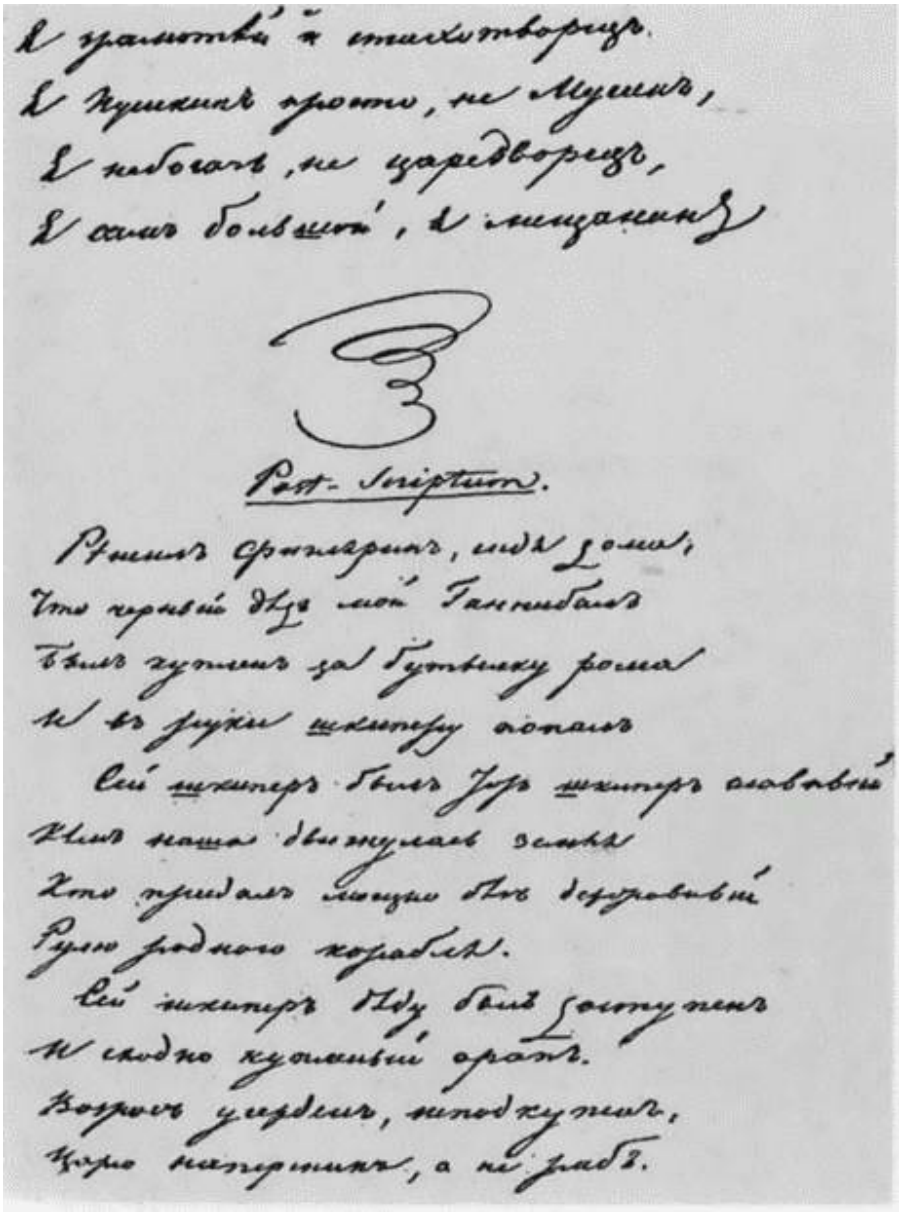
Петровское. Межевой план 1786 г.

Дом-музей Ганнибалов в Петровском. Кабинет Вениамина Ганнибала.

Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал.

Сергей Львович Пушкин.

Александр Сергеевич Пушкин, Гравюра Е. И. Тейтмана. 1822 г.


Я арапова́ я стихотворца.
Я Пушкина прямо, не Мусина,
Я небогат, не царедворец,
Я самый большо́й, я мещанин.

Post-Scriptum.

Прапра Фрейлина, мой Дома,
Что первый дед мой Ганнибал
Взят турчи́н за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был Петр шкипер славный
Им наша двинулась земля
Кто придал мощную Россию державный
Руку родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен
И сходно купленный арап.
Возрос умерен, неподкупен,
Корыстолюбия, а не слаб.

Беловой автограф стихотворения А. С. Пушкина «Моя родословная».

Парк в Суйде. Шестисотлетний дуб, свидетель Абрама Ганнибала. Фото Н. Р. Брумберг.

Суйда. Дом Ганнибала, Фото Н. Р. Брумберг.

Суйда. Каменный диван в парке. Фото Н. Р. Брумберг.

Могила Абрама Петровича Ганнибала в Суйде. Фото автора.

Памятник Абраму Ганнибалу в Петровском.

notes

Примечания

1

Пушкин называл своего предка то Аннибал, то Ганнибал, что соответствовало французскому написанию имени знаменитого карфагенского полководца. Русские авторы XIX и XX веков в большинстве своем следовали за поэтом. Мы же сочли нужным писать Ганибал (Hanibal), тем самым оставаясь верными тому, как сам прадед поэта писал свое имя. Орфография цитируемых источников сохранена, поэтому читатель встретит и написание Ганнибал (Hannibal), с двумя «. *(Прим. авт.)* В русском переводе сохраняется уже сложившаяся в России традиция написания этого имени с двумя *н. (Прим. перев.)*

2

Дата названа ошибочно. Случилось это в 1704 году.

3

Себастиан Вобан (Vauban) (1633—1707) — знаменитый французский маршал, инженер и писатель времен Людовика XIV. Во французскую армию попал в качестве пленного испанца, после чего в 1669 году за усердие в постройке и реставрации крепостей, а также за военные успехи назначен главой инженерного дела Франции. Активно ратовал за объединение инженерных войск и артиллеристов в один корпус. За значительное усовершенствование техники постройки крепостей, а также осады принят в члены Академии наук в 1699 году. В 1703 году Людовик XIV присвоил ему звание маршала. Но в 1704-м попал в немилость после публикации труда «La dime royale» (королевская десятина), в котором жестоко критиковал существовавшую финансовую систему и предлагал кардинальные налоговые реформы. После его смерти увидели свет его фундаментальные труды по фортификации, которые служили учебниками не одному поколению военных инженеров. (Брокгауз-Ефрон.) *Прим. перев.*

4

Иначе макари, мангале, мандагали, мида, сао, со — народ в Камеруне и Чаде, живут по рр. Логоне и Шарек к югу от оз. Чад (Африка. Энциклопедический справочник). Язык котоко принадлежит к чадской подгруппе афразийской макросемьи языков (по классификации Гринберга), ранее называвшейся семито-хамитской. *Прим. перев.*

5

Из работы Анни Лебеф известно, что «в XVI веке Джиованни Лоренцо Ананья составил первое топонимическое и этническое описание этого чрезвычайно любопытного региона Африки, где среди главных городов котоко названы: Macari (Макари), Unkusseri (Кусери).., Lagone (Логон-Бирни), Calfe (Гульфеиль)…» Lange (1972), с.301, см. также Lebeuf, с.211.

6

Канури, иначе — берибери, народ в Сев.-Вост. Нигерии, живут также на ю.-в. Нигера и на вост. берегу оз. Чад. В IX в. создали гос-во Канем-Борну. Язык канури (часто путают с близкородственным канембу) — группообразующий, принадлежит к нило-сахарской макросемье. В XIV в. канембу являлся государственным языком гос-ва Канем, но уступил свои позиции канури — языку государства Борну, в XVI—XIX вв. Именно язык канури служит языком межэтнического общения в Центральном Судане. *Прим. перев.*

7

В своей книге Барт рассказывает, что государство Логон «состояло некогда… из большого числа маленьких княжеств, из которых наиболее могущественным было Гонкель (Honkel), до тех пор, пока миарре, или султан Бруа не основал 150 лет тому назад город Логон и не назначил его своей резиденцией. Этот князь и его потомки бы ли язычниками, и в те времена лишь немногие в городе были магометанами..», По поводу имени миарре того времени см. также Rodinson (1955), с.75-82.

8

Вопрос о знатном происхождении предка Пушкина встал уже давно. Пушкин сам оказался мишенью для насмешек одного из своих врагов, Фаддея Булгарина, который в 94-м номере «Северной пчелы» опубликовал сатирическую заметку, где среди прочего говорилось: «…Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от Мулата, или, не помню, от Мулатки, стал доказывать, что один из предков был Негритянский Принц. В Ратуше города доискались, что в старину был процесс между шхипером и его помощником за этого Негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шхипер доказывал, что он купил Негра за бутылку рому. Думали ли тогда, что к этому Негру признается стихотворец. Vanitas vanitatum». Такие нападки не могли не задеть Пушкина. Уязвленный, он отвечает эпиграммой, которая опубликована как Post-Scriptum к стихотворению «Моя родословная»:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигалась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб…

У Пушкина не было тех обширных материалов о предке, какими мы располагаем сегодня. Не было у него также прямых доказательств знатного происхождения «черного деда». Но он гордился своим чернокожим предком. Лучшим доказательством тому служит письмо поэта от 1830 года: «В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)… генерал-аншеф, и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших

летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев».

Сегодня мы располагаем собственноручным прошением А. Ганнибала императрице Елизавете. Нет оснований не доверять сведениям, приведенным в челобитной, так как Елизавета знала все о происхождении просителя. История княжества Логон на озере Чад подтверждает заявление Ганнибала о том, что под властью отца было три города (Гнамманку).

9

Великая и Малая Русь (Украина) и Польша, разумеется, не находились под властью Турции. Однако эти территории постоянно подвергались нападениям крымских татар, вассалов Османской империи, захватывавших во время своих набегов огромное количество пленных (особенно в XV—XVI веках). *Прим. перев.*

10

Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (? —1738) — граф, русский дипломат, потомок боснийских князей Владиславичей; его отец, притесняемый на родине турками, переселился с семьей в Рагузу и принял двойную фамилию. Смолоду занялся торговлей, а в 1702 году стал тайным агентом русских дипломатов, князя Голицына и Украинцева. Исполняя два дела одновременно, он явился с товарами в Азове в 1702 году, как бы изучая торговый путь по Черному морю, а через год очутился в Москве, где был обласкан Петром I. Снабженный русскими товарами, Владиславич вернулся в 1705 году в Константинополь к посланнику Толстому, через три года опять приехал в Москву, получил право беспошлинной торговли и двор на Покровке, а в 1710 году — чин надворного советника и малороссийское поместье; участвовал в Прутском походе; получил от правительства Рагузы диплом на графский титул. В 1716 году отправился в Италию, где провел шесть лет, вел переговоры с римской курией и сенатами Венеции и Рагузы, а также наблюдал за присланными для образования русскими. Смерть папы Климента XI помешала заключению конкордата с Россией, и Владиславич вернулся в Петербург. Екатерина I отправила его чрезвычайным посланником в Китай; благодаря его энергии 3 апреля 1728 года был подписан выгодный для России мирный договор (Брокгауз-Ефрон).

В «Письмах и бумагах Петра Великого» он именуется Саввой Рагузинским, иллирийским шляхтичем из Царьграда. Петр познакомился с ним в 1702 году, когда Савва был «греческим купцом» в Азове, захваченном у турок в 1696 году. За коммерческие услуги Петр I дал ему 6 июля 1703 года жалованную грамоту на право торговли в России, пожаловав ему вместе с тем в Азове «дом и лавку торговую». В 1711 году Савва сопровождал Петра в Прутском походе.

Предприимчивый Савва стал затем владельцем мануфактур и имений на Украине, торговой конторы в Архангельске, позднее был возведен в графское достоинство. В 1716 году он получил от Петра в Прибалтике, в Рижском уезде, в аренду крупные мызы Лаудону и Лубану. При Екатерине I в 1725 году граф Савва Рагузинский был отправлен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китай; в результате переговоров 14 июня 1728 года был заключен Кяхтинский трактат.

«Доставка негритят была делом рук «греческого купца Саввы», имевшего в Константинополе давнишние торговые связи.

Ему… в видах, дальнейшей карьеры важно заручиться расположением царя… Савва и взялся доставить… арапов в подарок Петру, любившему всякие редкости. Турецких сановников того времени легко было подкупить…» (Леец, с.21). *Прим. перев.*

11

Здесь и далее в приводимых документах сохраняется орфография оригинала. *Прим. перев.*

12

Власти Валахии, через которую проходил путь посольства, не толь ко не препятствовали русским, но даже помогали им. Подтверждение тому — выдержка из *росспросных речей* Андрея Васильева (человека Саввы) в Посольском приказе: *«А ведомостей де никаких он, Андрей, едучи через Волоскую землю ни о чем не слыхал и не ведает. Только де как он, Андрей, с теми арапами приехал в Ясы и тамошной де волоской господарь, уведав об нем и о тех арапах, его, Андрея, тотчас из Яс выслал с теми арапами на загородный двор, на котором живет человек его господарской, от Яс с милю, в деревне Татарам, для того что де в то время в Ясах в приезде были из розных мест для своих потреб многие турки. И естли б де он, господарь воложской, над ним так не помилосердствовал, и его б де, Андрея, с теми арапами турки поймали, понеже турки в вывозе из турецкого государства в иные страны зело присмотривы и осторожны»* (Лаптева, с. 184). *Прим. перев.*

13

А. Фарварсона Петр пригласил в Россию в 1698 году, во время своего пребывания в Англии. Англичанин стал составителем устава морского училища и первым преподавателем в нем (Пекарский, 1862). *Прим. перев.*

14

Дело не только в том, *что* русские научились делать, но в том, *как*. «В войнах того времени господствовала линейная тактика. Шведский король, которого справедливо считали выдающимся полководцем, внес в нее новшество — для атаки он сводил свои войска в плотные колонны и бросал на узком участке в штыки… Но под Полтавой Петр сумел разрушить отработанный прием шведской пехоты…» Он сам провел рекогносцировку и выбрал место для лагеря, прикрытое с флангов и сзади лесом, обрывом и рекой. У выбранного места был один недостаток: в случае успешной атаки русские были бы сброшены с обрыва… Но Петр учел это обстоятельство, как и то, что шведам о нем известно…

К вечеру 25 июня Петр I разместил войска на выбранном им поле, а к утру будущего дня здесь был уже обустроен полевой укрепленный лагерь. Подступы к нему закрывала передовая позиция: шесть четырехугольных земляных редутов, построенных в одну линию на расстоянии ружейного выстрела друг от друга, и четыре таких же редута, расположенных перпендикулярно к первой линии… Военный историк… А. Соколовский писал: «Это гениальное движение русского царя к противнику… создало в военной истории единственный пример так называемого наступления укрепленной позиции» (Шишов, с.76).

То ли Карл XII уповал на мифическую слабость русской армии, то ли разведка подвела его, однако шведские войска двинулись прямо в расставленную западню. Провалилась и надежда на то, что атака, начавшаяся в три часа утра, будет неожиданной и мгновенной (солдатам даже не выдали с собой хлеба) — русские дозоры обнаружили шведские части и подняли тревогу.

«Как и было задумано русским командованием, шведы, пойдя в атаку, натолкнулись на огонь редутов, и колонны наступавших оказались расколотыми на части. Местность не позволяла им обойти ни фронтальные, ни перпендикулярные к русской позиции линии полевых укреплений. В результате, прорываясь с большими потерями через редуты, шведская пехота утратила свое главное преимущество — стремительность атаки.

В ходе сражения Петр преподнес своему сопернику и другой тактический сюрприз. По законам все той же линейной тактики за линиями редутов должна была стоять пехота, прикрытая с флангов кавалерией. Царь отказался от такого привычного построения войск и за линией редутов поставил всю драгунскую

конницу — семнадцать полков с артиллерией под началом Меншикова. Такой поворот событий весьма удивил шведскую пехоту. Четырнадцать знамен и штандартов стали трофеями русских драгунов уже после первой схватки на передовых позициях…» (Там же.). *Прим. перев.*

15

Телетова (1978), с.278. Именно она первой высказала предположение, что на этой картине Петр изображен со своим чернокожим крестником.

16

Екатерина (до обращения в православие Марта Скавронская) стала законной супругой Петра незадолго до Прутского похода, хотя к тому времени у них с Петром уже были две дочери. Когда стало ясно, что войны с Турцией не избежать, царь поспешил завершить все дела, в частности узаконить наследниц. *Прим. перев.*

17

Г. Леец также приводит эту историю в своей книге. Пушкин же отвергает утверждение, что Ганнибал был камердинером. «Голиков ошибается,- пишет он, — у государя не было камердинеров, а прислуживать он ставил ординарцев…»

18

Герцог Дю Мен (Дюмен) — Людовик Август Бурбон, герцог Менский (1670—1736), сын Людовика XIV и г-жи Монтеспан (1641—1707), легитимированный в 1693 году. Во время визита Петра I в Париж он был членом регентского совета при малолетнем короле Людовике XV (Леец, прим., с.32). *Прим. перев.*

19

Герцог Менский был одновременно и принцем Домбским.

20

«Ефимки французские» — экю, серебряная монета весом 29.35 г. (Леец, с.32). Вообще ефимками называлась любая иностранная валюта. *Прим. перев.*

21

Конон Никитич Зотов (7—1742)— средний сын Никиты Моисеевича Зотова, первого учителя Петра. Образование получил в Англии. В 1715 году, будучи капитан-поручиком, был отправлен во Францию для изучения организации французского флота. Автор трудов по морскому делу и переводчик с французского. Впоследствии стал генерал-экипаж-мейстером (контр-адмиралом) (Брокгауз-Ефрон), *Прим. перев.*

22

«Война за испанское наследство, в которой король Франции Людовик XIV хотел отвоевать от так называемой большой коалиции европейских держав испанскую корону для своего внука Филиппа Анжуйского, началась в 1701 году и закончилась в 1713-м Утрехтским и в 1714 -м Раштаттским миром… Однако через несколько лет начались раздоры между прежними союзниками — на этот раз в другой обстановке. В августе 1718 года в Гааге образовался четверной союз в составе Англии, Франции, Австрии и Голландии, направленный против Испании, не желавшей выполнять условия Утрехтского договора и стремившейся восстановить свое подорванное могущество. Летом 1717 го да Испания напала на Италию, флот ее захватил Сардинию, а в 1718 году Палермо и Мессину. Но затем в ходе военных действий наступил перелом. В августе 1718 года английский адмирал Бинг уничтожил испанский флот у берегов Сицилии, а в следующем году французские войска под командованием маршала Джемса Бервика вторглись в се верную Испанию, где осадили и захватили Фуэнтарабию, Сансебастьян и Ургел. В конце 1719 года Испания капитулировала и подписала в январе 1720 года соглашение с державами четверного союза» (Леец, с.47). *Прим. перев.*

23

Документы любезно предоставлены нам мэрией города Лафер.

24

С.С. Гейченко в 1945—1989 гг. был директором Государственного музея-заповедника «Михайловское». *Прим. перев.*

25

Реестр приводится по работе А. С. Ганнибал с небольшими изменениями. (В список, приведенный в упомянутой работе, не вошли художественные произведения, имевшиеся в библиотеке. *Прим. перев.)*

То есть военные подвиги. *Прим. перев.*

27

Речь идет о «короле фраском» (фракийском), то есть Александре Македонском (Фейнберг, с.26). *Прим. перев.*

28

Выдержка из посвящения книги Ганнибала. По нашему предложению эта книга будет издана под патронажем ЮНЕСКО и Библиотеки РАН (обладательницы рукописи) по случаю трехсотлетия рождения ученого африканца в серии научных публикаций программы ЮНЕСКО «La route de l'Esclave».

29

Конспиративное имя Егора Ивановича Пашкова.

30

Михаил Бестужев, брат Аграфены Петровны, русский посланник в Польше.

31

Алексей Бестужев, второй брат княгини — посланник в Дании.

32

Как мы увидим далее, Абрам всегда старается переслать друзьям (в данном случае княгине) копии всех документов, касающихся его судьбы, которые попадают к нему в руки. *Прим. перев.*

33

Антрополог Анучин в своей знаменитой статье в подтверждение эфиопского происхождения предположил, что имя Ганнибал могло быть трансформацией топонима Адди Бало (название местечка на севере Эфиопии). Но эта гипотеза неправдоподобна, поскольку Ганнибал родом из другой части Африки. В этой же статье сказано, что имя Ганнибал дал Абраму сам Петр при крещении, однако разыскания в императорских архивах не выявили ни одного документа петровского времени, где бы Абрам назывался этим именем.

34

Присвоение Ганнибалу нового звания не означает повышения. Дело в том, что Абрам был приписан к Преображенскому лейб-гвардии полку, самой элитной части российской армии. При переводе в любую другую часть офицер Преображенского полка автоматически получал звание ступенью выше. *Прим. перев.*

35

«Бурхард Христофор Миних, сын датского советника, родился в 1683 г. в Ольденбурге. В войне за Испанское наследство сражался под знаменами принца Евгения в Нидерландах, был ранен в 1712 г. при Денене и взят в плен французами. Вскоре перешел в чине полковника на польско-саксонскую службу, где командовал коронной гвардией и в 1717 г. произведен в генерал-майоры. Вследствие дуэли дол жен был уйти со службы и предложил в 1721 г. свои услуги России. Петр I произвел его в 1722 г. в генерал-лейтенанты и поручил ему многие инженерные работы, в том числе и постройку Ладожского канала. При Петре II генерал-аншеф. В 1729 г. возведен в графское достоинство Российской империи и назначен санкт-петербургским генерал-губернатором. В 1730 г. генерал-фельдцейхмейстер, в 1732 г. генерал-фельдмаршал и президент Военной Коллегии. В 1734 г. главнокомандующий русской армией в войне против Польши и в 1735— 1739 гг. против Турции. По заключении Белградского мира был награжден чином подполковника лейб-гвардии Преображенского полка, бриллиантовыми знаками ордена св. Андрея и шпагой с драгоценными камнями. В 1740 г. при императоре Иоанне IV (Иоанне VI, — *Перев.)* первый министр. В 1741 г. при восшествии на престол Ели заветы Петровны арестован и сослан в Сибирь (Пелым). Екатерина II назначила его главным директором Ревельской и Нарвской гаваней, Кронштадтского и Ладожского каналов и достройки Балтийского Порта (Палдиски) в Эстляндии. Умер в 1766 г. и погребен в Эстонии в своем поместье Луунья, в 12 км восточнее г. Тарту» (Леец, с.72). *Прим. перев.*

36

И здесь ему навредила «компания» княгини Волконской. В Митаве у Анны был до Бирона другой фаворит — Бестужев, которого Бирон ненавидел. Волконская же — из рода Бестужевых. А по логике Бирона «друг врага моего — враг мой». *Прим. перев.*

37

Многие историки и исследователи биографии Ганнибала действительно сходятся в том, что именно Миних был инициатором «удаления» Абрама из столицы. А предлог тому был благовидный. Обстановка в Европе была неспокойной, а ко времени вступления Анны Иоанновны на царство прибалтийские крепости пообветшали и уже не соответствовали европейскому уровню вооружения. Сохранился один показательный документ 1731 года, точно рисующий ситуацию:

А в каком ныне крепости состоянии имеютца — ведомостей в скором времени, за далностью мест и за неимением доволного числа в практике искусных инженерову порознь об всем аккуратно ныне сочинить невозможно. Однако ж генерално известно есть, что все крепости через долгое время исправлением упущены… А из иных крепостей, которые, как, например, бывшие швецкия пограничныя: Нарвская, Выборгская, Ревельская, Перновская, Рижская и Динаменская, — еще и во время швецкаго владения в надлежащем состоянии не были; однако ж и те еще великого исправления требуют… Ибо многая крепости, от долговременного в непоправлениях запущения, повредились во многих местах и через то в немалое худое состояние пришли, так что к обороне зело безнадежны. А другие, например Ревель и Рига, хотя в своих линиях и в целости содержатся, однакож обретаются местами весьма в худом фланкировании и несильной дефензии.

Так что назначение Ганнибала устраивало всех: императрица получила еще одного знающего инженера для исправления крепостей, Абрам занялся делом, по которому так соскучился, а Миних, кроме славы благодетеля, получил еще одного своего сторонника в Прибалтике. *Прим. перев.*

38

Среди исследователей жизни Ганнибала до недавних пор не было единогласия относительно имени этого ребенка, да и самого его наличия. В «немецкой биографии», написанной, очевидно, одним из близких к Ганнибалу людей, называется имя Авдотья. Его в своих биографиях повторили Петр Долгоруков и Хмыров. В биографических заметках Пушкина, составленных по семейным преданиям, названо имя Поликсена. Вслед за Пушкиным так называет незаконную дочь Эйдельман. Существовала и третья версия: белокурая девочка Авдотья (о которой в бракоразводном деле ничего не говорилось) — не более чем легенда. Лишь совсем недавно в исповедной росписи Воскресенской церкви пригорода Вороничи за 1746 год обнаружена запись, в которой среди детей «Аврама Петровича Ганнибала» упоминается и дочь Евдокия пятнадцати лет. Следовательно, девочка родилась примерно в 1731 году. (Евдокия и Авдотья — варианты одного и того же имени.) *Прим. перев.*

39

Адмирал Иван Михайлович Головин — еще один из птенцов гнезда Петрова. Во время войны со шведами он был денщиком Петра I, по том командовал отдельным морским отрядом, в 1712 году стал генерал- майором. В 1732 году Головин был назначен адмиралом и начальником галерного флота (Сергеев, с.83). *Прим. перев.*

40

Этой истории была посвящена статья в номере шведской газеты Stockholm Dagblad от 11 июня 1899 года, любезно переведенная на французский и предоставленная в наше распоряжение Франческой Картей. Пользуясь случаем, хотим выразить ей глубокую признательность.

41

Бумага, в которой подробно описывается порядок действий священника и вступающих в брак во время обряда венчания, записаны все тексты, которые священник должен произнести, все вопросы, которые он должен при этом задать. *Прим. перев.*

42

Леец, с.84. По словам этого автора, внутреннее убранство Преображенского храма (как сейчас называется Николаевская церковь) сохранено таким, каким оно и было в XVIII веке, когда в ней венчался Ганнибал.

43

Ссылка на работы на мануфактуры, в частности на Прядильный двор, была распространенным наказанием в отношении женщин, виновных в прелюбодеянии. *Прим. перев.*

44

Исследователи XIX века, например Анучин и Анненков, были, к сожалению, детьми своего века, в котором расовые предрассудки являлись вещью обычной и распространенной даже среди людей образованных. Поэтому они приняли за чистую монету обвинения Евдокии, приведенные в статье Опатовича (а их ведь надо еще доказать), и писали, что подобная жестокость — это «природа» африканцев! Имен но они повинны в том, что в русской литературе сложились негативные клише в отношении африканцев. Они представляли Ганнибала злобным и жестоким существом… Если даже, взбешенный предательством жены, которая к тому же хотела его отравить, он и повел себя по отношению к ней жестоко, то все равно было бы смешно приписывать это его «природной» жестокости. Вот как отвечает на эти обвинения Анна Сергеевна Ганнибал, дальний потомок Абрама Петровича: «Авторы, писавшие о Ганнибалах, приписывают обыкновенно характеризующую их будто бы жестокость африканскому их происхождению. Едва ли это справедливо: читая хроники чисто русских семей, записки и воспоминания о крепостном праве — и не только первой половины XVIII, но даже и XIX столетия, — мы можем убедиться, что жестокость была свойственна нравам того времени, а не была исключительным достоянием африканцев. Абрам Петрович, не смотря на свое происхождение, был чисто русским человеком; воспитанный Великим Петром, проведя в его близости столько лет, Ганнибал не мог быть иным: не существуй в России обычай жестоко расправляться с виновными членами семьи, подчиненными и крепостными, вероятно, что и Ганнибалы не проявили бы в этих случаях приписываемой им жестокости». Вегнер добавляет: «История Евдокии Андреевны вызывает в нас самые скорбные чувства. Принудительная вы дача замуж за нелюбимого человека погубила всю ее жизнь. Но все-таки нельзя относить на счет африканской породы то, что исходит совсем из иных причин».

45

Граф Густав Дуглас, швед, был взят в плен под Полтавой. В 1717 г. получил в управление отвоеванные у Швеции провинции Финляндии. В 1725 г. генерал-майор, в 1729 г. генерал-лейтенант, в 1738 г. генерал-аншеф, Эстляндский губернатор с 31 июля 1738 г. по 11 марта 1740 г. В 1740 г. был предан суду за изменническую переписку со Швецией, умер под следствием в 1741 г. *Прим. перев.*

46

Вальдемар Левендаль, датский барон, с 1742 г. граф, был в 1736 г. принят на русскую службу в чине генерал-лейтенанта, с 1740 г. генерал-аншеф. Эстляндский губернатор с марта 1740 г. по 1 ноября 1743 г. В ноябре 1743 г. перешел на службу Франции. Маршал Франции с 1747 г. Умер в 1755 г. *Прим. перев.*

47

Гольмер Петр Петрович начал службу в артиллерии с 1727 г., штык-юнкер с 1728 г., майор с назначением в Ревель с 1740 г., генерал-майор с 1758 г., генерал-лейтенант с 1759 г., умер в 1760 г. *Прим. перев.*

48

Де Брини, Адриан, генерал-майор и генерал-квартирмейстер с 1733 г., генерал-лейтенант с 1741 г., александровский кавалер в 1744 г., умер в 1747 г. *Прим. перев.*

49

Принц Людвиг-Иоганн-Вильгельм Гессен-Гомбургский, сын Фридриха-Якова, ландграфа Гессен-Гомбургского, род. в 1704 г., при был в Россию в 1721 г., пожалован: генерал-майором в 1728 г., генерал-лейтенантом в 1730 г., Андреевской лентой в 1734 г., званием генерал-фельдцейхмейстера в 1735 г., чином фельдмаршала в 1742 г. Умер в Берлине в 1745 г. *Прим. перев.*

50

В те времена при переписи крепостных учитывались только взрослые мужчины, значит, каждая из означенных в реестре «душ» — это целая семья.

51

Дата неверная. Она появилась в результате ошибки или описки. Ганнибал находился на службе у Петра уже в 1705 г. Он сам неоднократно пишет об этом в разных документах. 1) В письме секретарю царя Макарову от 5 марта 1722 г.: «…то ли я выслужил, живучи при Его Величестве 17 лет…» (1722 — 17 = 1705) (см. гл. 4). 2) В Прошении в Сенат за 1731 г. граф Миних, основываясь на челобитной Ганнибала, пишет: «…служит он Вашему Императорскому Величеству с 705-го го да» (см. гл. 6). 3) В письме Екатерине II от июля 1762 г. Ганнибал напоминает императрице, что он верный слуга императорской фамилии уже «57 лет» (1762 — 57 — 1705) (см. гл. 9). Нам известно, что маленький Абрам вместе с другими африканскими детьми приехал в Москву из Константинополя в ноябре 1704 г. Петр же увидел их впервые толь ко 19 декабря того же года. По всей вероятности, Абрама отправили в монастырь изучать русский язык на несколько месяцев, прежде чем он начал жить во дворце. Царь крестил его летом 1705 г.

52

Этот каменный двухэтажный дом со службами и комендантским садом сохранился в Таллине и поныне (ул. Тоомпеа).

53

Иоганн-Даниил Шумахер родился 5 сентября 1690 г. В 1711 г. получил звание магистра в Страсбургском университете. Вскоре вынужден был покинуть университет за сочинение вольных стихов. Переехал в Париж, где познакомился с Лефортом. В 1714 г. приехал в Петербург, принят на работу секретарем по иностранной переписке к лейб-медику П. В. Арескину. В его ведение входили также библиотека и кунсткамера. С 1719 г., после смерти Арескина, вел всю переписку по приглашению иностранных ученых и формированию Академии наук, в которой после стал секретарем.

В 1728 г., по отъезде президента Академии Блюментроста в Москву, остался его заместителем. Первые же годы отсутствия Блюментроста ознаменовались тем, что Академия погрязла в долгах. Сам Шумахер постоянно интриговал против неугодных академиков, жалуясь на них Блюментросту. В Академии царила атмосфера скандала и процветали интриги и протекционизм. Благодаря этому Шумахер подчинил себе все канцелярии и сосредоточил в своих руках всю административную власть в Академии. Некоторые академики не выдержали такой обстановки и уехали на родину (например, Бернулли в 1735 г. и Эйлер в 1741 г.). В 1737 г. учреждена единая Академическая Канцелярия, и Шумахер становится ее советником. В 1740 г., когда уехал из России президент Академии Корф, выяснилось, что библиотека Академии разворована. Шумахер выставил на имя Корфа счет в 4339 (!) рублей за книги, якобы взятые им из библиотеки.

В 1742 г. от академиков поступила жалоба на Шумахера, в которой он обвинялся в протекционизме, хищениях и в том, что он не принимает в Академию русских. По именному указу Елизаветы создана следственная комиссия под председательством Н.Ф. Головина. На время следствия Шумахер посажен под домашний арест. Следствие закончилось ничем, Шумахер освобожден из-под стражи и восстановлен в должности. В 1744 г. представлен в статские советники с назначением на должность директора Академии.

В 1746 г. президентом Академии назначен Разумовский. Большая группа академиков (в их числе Ломоносов) снова подала жалобы на Шумахера. К прежним обвинениям добавилось то, что он врывается на заседания Академического научного совета и вмешивается в принятие решений. Однако следствие закончилось ходатайством президента о повышении Шумахера. В 1749 г. он назначен вице-президентом. 13 мая 1754 г. Шумахер получил чин

статского советника. Одряхлевший, полуслепой, Шумахер продолжал править Академией до конца 1760 г. Умер он 15 сентября 1761 г. (Пекарский (1862), с.15— 63). *Прим. перев.*

Последняя фраза написана на смеси французского и немецкого языков. *(Прим. перев.)*

55

Имеются, видимо, в виду «Санкт-Петербургские ведомости», которые издавались под патронажем Академии наук. *(Прим. перев.)*

56

Как выясняется из других писем, газета доставлялась Ганнибалу нерегулярно и в подшивке не хватало некоторых номеров. *(Прим. перев.)*

Обстоятельствам. *(Прим. перев.)*

На всякое действие Абрама Левендаль реагировал из столицы «репремандом» лично к нему. А кроме того, видимо, распространял про него порочащие слухи. *Прим. перев.*

18 Там же, с.21-22.

По поводу этого указа Г. Леец пишет следующее: «Разногласия между магистратом и А.П. Ганнибалом вызывал… вопрос об участии города в фортификационных работах и традиционном использовании для этих целей так называемых портовых доходов. В условиях войны со шведами требование обер-коменданта, направленное на усиление обороноспособности города, было вполне обоснованным и весьма актуальным. Однако, с другой стороны, если раньше, при шведском владычестве, городу действительно приходилось самому содержать в порядке крепостные укрепления, то после капитуляции в 1710 году Ревель, пострадавший от войны и эпидемии чумы в такой мере, что население его уменьшилось в десять раз, был временно освобожден Петром I от фортификационных работ, которые теперь производились военным ведомством. В 1731 году городу удалось добиться новой льготы: правительство освободило Ревель еще на 7 лет от участия в крепостных работах и разрешило использовать портовые доходы в течение этих лет на нужды городского хозяйства. Затем магистрат добился продления этого срока еще на несколько лет. Льготное время истекло окончательно 23 июня 1742 года — во время войны со шведами, в первый год пребывания Ганнибала на посту обер-коменданта Ревеля» (Леец, с.139—140). *Прим. перев.*

Именно к этому письму приложены те 22 пункта, 12 из которых приведены ранее.

61

Гилариус Гартман Геннинг (1713—1792) по окончании университета в Галле, в 1739 г. был приглашен в Петербург воспитателем к сыну своего однофамильца генерал-лейтенанта Видима Ивановича Геннинга, организатора в начале XVIII века горного и металлургического производства на Урале. В 1740 г. Г. Г. Геннинг стал пастором кронштадтской лютеранской общины, а в 1747 г. перешел на место лютеранского пастора при Шляхетном кадетском корпусе. Это место занимал он до конца своей жизни». Прянишников, с.74. *Прим. перев.*

Здесь: к его области знаний. *(Прим. перев.)*

Поведением. *(Прим. перев.)*

64

Имеется в виду план Санкт-Петербургской крепости, утвержденный в 1732 году Анной Иоанновной.

65

Петр Иванович Шувалов родился в 1711 г., служил камер-пажом при Петре I и камер-юнкером цесаревны Елизаветы. Способствовал ее возведению на престол, за что пожалован камергером и генерал-майором в 1741 г.; лентами Анненской и Александровской в 1742 г. Генерал-лейтенант с 1744 г.; возведен в графское достоинство в 1746 г.; получил Андреевский орден в 1752 г., пожалован фельдмаршалом 28 декабря 1761 г. Умер в Санкт-Петербурге 4 января 1762 г. *Прим.перев.*

66

Марк-Пьер д'Аржансон был государственным военным советником во Франции с 1743 по 1759 гг. (Blanchard (1979)).

Генерал-инженер, поясняет М.Д. Хмыров, было звание, а не чин. Нося это звание, генерал-инженер мог иметь специальные поручения. *Прим. перев.*

В этой войне противостояли два альянса: англо-прусский и австро- франко-русский. Война длилась с 1756 по 1763 год.

69

Глебов Иван Федорович, сын майора Преображенского полка, родился около 1720 г.; служил в артиллерии с 1720 г.; офицер с 1727 г.; асессор в 1738 г.; советник в 1742 г., бригадир с 1742 г.; генерал-майор в 1752 г.; генерал-лейтенант в 1755 г.; в 1758 г. награжден Александровской лентой. Генерал-аншеф и киевский губернатор с 1762 г., андреевский кавалер с 1767 г. Умер 3 июня 1774 г. *Прим. перев.*

70

Собственноручная приписка Екатерины.

71

В сентябре 1971 года Гатчинским райисполкомом в Суйде был поставлен новый памятник Абраму Петровичу Ганнибалу в виде гранитной стелы (автор памятника — архитектор М. Н. Майзель).

Фейнберг неверно приписывает данное указание Ганнибалу.

73

На рубеже XIX—XX вв. в Европе и Америке появились многочисленные теории иерархии рас, которые отказывали неграм в разуме, а все проявления высокой культуры в Африке (древние цивилизации Бенин, Зимбабве, Догон, Банту и др.) приписывали мифическим «шамитам», или «хамитам» — белым кочующим носителям цивилизации. Международный научный комитет ЮНЕСКО по всеобщей истории Африки характеризует эти псевдонаучные теории как «одну из самых крупных мистификаций» (Histoire Generate… p.6).

Очевидная апология колониализма и расизма.

75

В.В.Набоков в статье «Пушкин и Ганнибал» высказывал осторожное предположение, не родился ли Ганнибал в Лагоне, в районе озера Чад.

По замечанию Н.К. Телетовой в примечаниях к публикации это го документа, П.А. Ганнибал спутал Вильно и Гродно. (Телетова (1985), с.171 —173, примеч.)

77

Польской королевы не было на крестинах арапчонка. Абрам встретит ее позже, в 1711 г. в Торгау на Эльбе на церемонии бракосочетания царевича Алексея с Шарлоттой Брауншвейгской. Версия о ее присутствии на крестинах приведена здесь (равно как и в биографии Роткирха) для приукрашения рода.

78

Описка: 1733 г.

79

Ошибка: венчание состоялось в Таллине (Ревеле) в 1736 г.

80

Очевидная несообразность в тексте престарелого Петра Абрамовича.

Автор, видимо, не желает вдаваться в подробности скандала.

82

Имя Поликсена впервые появляется здесь. Пушкин взял его, хотя у Роткирха ее зовут Евдокия.

83

Автор ошибается: Елизавета взошла на престол 25 декабря 1741 г. В службу же Ганнибал вступил за год до того, при правительнице Анне Леопольдовне.

84

Указ Петра III об отставке Ганнибала датирован 9 июня 1762 г.

Воскресенском.

Точнее, 569.

В конце еще одна несообразность; автор повторяется.

88

Дата ошибочная. На самом деле крестины состоялись в 1705 г.

89

Польская королева на церемонии не присутствовала. Возможно, она заочно стала крестной матерью Абрама, как в 1742 г. Елизавета и Петр III заочно стали крестными новорожденного Петра Абрамовича.

Пушкин не был знаком с документами, которые имеются в нашем распоряжении, потому не знал, что Ганнибалом его предок стал называть себя сам и лишь с 1727 г.

91

На сегодняшний день не найдено документов, в которых хотя бы косвенно упоминалась эта история. У Абрама, видимо, действительно был в России старший брат, с которым вместе он был привезен Саввой. Этот брат упоминается в официальных документах той эпохи, однако известно о нем весьма мало — только то, что он долгие годы служил гобоистом в Преображенском полку.

92

Имеется в виду рукописная «Немецкая биография», написанная Роткирхом, мужем Софьи Ганнибал в конце XVIII в.

93

Как видно из архивных документов, особенно парижских писем Абрама Петрова, он желал отложить на год возвращение в Россию для того, чтобы закончить военное образование. Пушкин же объясняет не желание арапа возвращаться домой любовной связью с некой парижской герцогиней.

Точнее, в начале 1723 г.

95

На самом деле из ссылки его вернула императрица Анна Иоанновна в 1730 г.

Из архивных документов видно, что Абрам сам просил об отставке после скандала с незаконнорожденной дочерью. Верно лишь то, что он не желал появляться при дворе.

Пушкин не знал, что Кобрино, Суйда и Таицы были приобретены прадедом гораздо позже.

Рагола была пожалована Ганнибалу в 1740 г. правительницей Анной Леопольдовной, которая также пожаловала ему чин подполковника с назначением в Ревель.

99

Роткирх, автор «Немецкой биографии», которая стала основным источником сведений для Пушкина, ввел последнего в заблуждение неверным указанием на возраст. На самом деле умер Абрам Ганнибал 85-ти лет.

100

Евдокия Диопер была сослана в Староладожский монастырь.

На самом деле Абрам заботился о том, чтобы его сыновья получили именно военное образование. Очевидно, он не мог иметь ничего против военной карьеры старшего сына.

Имеется в виду Екатерина II.

103

Мария Алексеевна Пушкина, дочь тамбовского воеводы Алексея Федоровича Пушкина. Последний является братом Александра Петровича Пушкина, деда Сергея Львовича Пушкина.

104

Женясь на Надежде Осиповне, дочери Марии Алексеевны Пушкиной, Сергей Львович Пушкин брал в жены свою двоюродную сестру.

comments

Ссылки

1

Lebeuf, c.212.

2

Barth (1861), c.74-76.

3

Там же, с.82

4

Пушкин, примечание к первому изданию «Евгения Онегина».

5

Rodinson.

Decalo (1987), c.185-186.

Lebeuf, c.215.

UNESCO, том V, с.502.

Kake (1985), c 177-178.

10

Fisher A. & H., c.13.

11

Kake, там же.

12

Lebeuf, c.215.

13

UNESCO, том V, с. 129.

Керсновский (1992), с.13.

Archeologia, №35, июль-август 1970, с.25.

16

Там же.

Encyclopedie de l’Islam, см. статью devshirme.

18

Лаптева, с. 183.

19

Там же, с.188.

Лаптева, с.189.

21

Эйдельман,с.24.

22

Голиков, с.155—156.

23

Телетова (1981), с.133.

Телетова (1978).

25

Чистяков, с.219.

26

De Grunwald, c.169.

27

Чистяков, с.307.

28

De Grunwald, c.155.

29

Походный журнал за 1714 год, с.110.

30

Леец, с.31.

31

Благой, с.75-76. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т.7. М., 1976, с.176.

32

Анекдоты прошлаго столетия, 1877, II, с.284.

33

Голиков, Т.XV, с.156—157.

34

Голиков, т. XV, с.157.

Брокгауз-Ефрон.

Фейнберг, с.45.

Ведомости. 1717. №1.

Хмыров, с.9.

39

Леец, с. 30.

Пекарский (1862), с.166.

41

De Grunwald, c.173.

42

А.С.Пушкин, «Арап Петра Великого».

43

Там же.

Хмыров, с. 9—10.

45

Там же с. 10.

De Grunwald, c.258-261.

47

Леец, с.39,

Пекарский, с. 164—165.

49

Вегнер, с.26.

Ганнибал А., с. 207.

51

Там же. с.206.

Вегнер, с.26.

53

Малеванов, с. 157.

Леец, с. 28.

Blachard (1979).

Там же.

Ганнибал А., с.208-209.

Ганнибал А., с.208—209.

Там же, с.209-210.

Там же, с.207.

Mercury, 1976, c.75-79.

62

Ганнибал А., с.211-212.

63

Там же.

Керсновский, 1992, с.48.

Пекарский, с.42.

Леец, с.49.

67

Леец, с.51.

De Grunwald, c.178.

Вегнер, с.33—34.

Луппов, с.245.

Там же, табл. 13.

72

Шубинский, с.931.

73

Хмыров (1876), с.124.

Леец, с.52.

Шубинский, с.930.

Фейнберг, с.25.

Шубинский, с.933.

Там же, с.934-935.

Там же, с.936.

80

Леец, с.59.

81

Хмыров, с.19.

Сергеев, с.24—25.

Там же, с.20—21.

Там же, с.21—22.

Там же, с. 22.

Сергеев, с.27.

Там же, с.35.

Шубинский, с.949.

89

Вегнер, с.55.

Шубинский, с.962-963.

91

Сергеев, с.38-39.

Там же, с.39.

Там же, с.46—48.

Там же, с.48—49.

Там же, с.52.

Вегнер, с.68.

Телетова (1981), с.145.

Хмыров (1867), с.162-163.

Эйдельман, с.34—35.

Сергеев (1989), с.81.

101

Хмыров, с.30.

102

Опатович, с.71.

103

Там же.

Там же, с.72—73.

105

Опатович, с.74—75.

Опатович, с.75—76.

107

Там же.

108

Вегнер, с.71, 74-75.

109

Леец, с.96.

110

Сергеев, с.83.

111

Вегнер, с.86—87.

112

Леец, с.103.

113

Малеванов, с.161.

Хмыров, с. 33.

115

Хмыров, с. 33.

116

Леец, с.103.

117

Там же.

Гастфрейнд, с, 14—16.

119

Хмыров, с.36—37.

120

Гастфрейнд, с.39—43.

121

Хмыров, с.37.

Эйдельман, с.53—54.

123

Малеванов, с.162.

124

Леец, с.114.

125

Малеванов, с.163.

126

Шубинский, с.965.

127

Русский Архив, 1882, кн.1, с.210.

128

Цит. по Фейнберг, с.101—102.

129

Леец, с.117.

Фейнберг, с.102.

131

Письма Шумахера цитируются по: Ганнибал А.; письма Абрама Ганнибала по: Пекарский (1860), с. 584—585 — 1-я пагинация.

132

Гастфрейнд, с.17—18.

133

Там же, с.23—24.

Там же, с.18-19.

135

Там же, с. 19.

136

Ганнибал А., с.240.

137

Там же, с.241.

138

Гастфрейнд, с.36.

139

Там же, с. 26-30.

140

Гастфрейнд, с.36.

141

Там же, с.34.

Там же, с.37.

143

Малеванов, с.165.

Сергеев, с.108-109.

145

Гастфрейнд, с.37—38.

146

Там же, с.48.

147

Леец, с.144.

Troyat (1977), c.77.

149

Хмыров, с.40.

150

Там же, с.49.

151

Там же, с.48.

Там же, с.49-50.

153

Там же, с.45—47.

Там же, с.46.

155

Леец, с.131.

156

Хмыров, с.72.

157

Там же, с.62—63.

Там же, с.61.

159

Леец, с. 138—139.

160

Там же, с. 141.

161

Гастфрейнд, с.72—74.

162

Малеванов, с.165.

163

Леец, с.142.

164

Там же.

165

Там же. с.146-147.

Телетова, с. 154.

167

Там же.

Телетова (1978), с.278.

169

Опатович, с.75.

Там же, с.76.

171

Там же.

Грановская, с.70—71.

173

Прянишников, с.78—79. Оригинал письма написан по-немецки. Русский перевод Е.А. Прянишникова. *Прим. перев.*

Хмыров, с.57.

175

Леец, с.149,

Малеванов (1962), с.408.

177

Там же, с.408-409.

178

Хмыров, с.57.

179

Малеванов (1962), с.409.

180

Опатович, с.78.

181

Там же.

182

Леец, с.152.

183

Малеванов (1962), с.410.

184

Там же.

185

Малеванов (1962), с.410.

Там же.

187

Там же.

188

Малеванов, с.165.

189

Там же, с.165-166.

Там же, с.166.

191

Малеванов (1962), с.410—411.

192

Хмыров, с.58.

Blanchard (1979), c.216.

Благой, с.85.

195

Хмыров, с.59—60.

Малеванов (1962), с.411.

197

Хмыров, с.60.

Малеванов, с. 165.

199

Там же.

Хмыров, с.60—61.

Blanchard, c.218.

Хмыров, с.61—62.

203

Там же.

204

Леец, с.157.

205

Хмыров, с.63.

Малеванов, с.166.

Troyat, c.161.

Там же, с. 162.

209

Хмыров, с.63.

210

Там же, с.64.

211

Паина, с.413.

212

Леец, с.162.

213

Гастфрейнд, с.13—14,

Прохоров, с. 80—81.

215

Пушкин, примечания к первому изданию «Евгения Онегина». (Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М, 1975, с.389). См. также «Немецкую биографию».

Русский биографический словарь. Том Гааг-Гербель.

217

Там же.

218

Там же.

219

Леец, с.179.

Грановская (1992), с.83.

221

Там же.

Телетова (1981), с.151-154.

223

Там же, с. 154.

Сондоевский, сб. Эти документы хранятся в архиве Псковского музея истории и искусства.

Русский биографический словарь. Том Гааг-Гербель.

Там же, с.7.

Грановская (1992), с.87.

Там же, с.83.

Телетова (1981), с.155-156.

Dolgoroukov, 1867.

231

Телетова (1981), с. 156.

232

Леец, с.171.

Грановская (1992), с.86.

Статья опубликована в Вестнике Российской Академии наук. 1995. Т. 65, № 12, с. 1024-1101.

235

Леец, с. 7.

Фейнберг, с, 19.

Фейнберг, с, 101.

238

Телетова, с.116.

Там же, с. 121—122.

240

Анучин, с.13—14.

241

Там же, с. 17.

242

Анучин, с. 22.

243

Там же, с. 19.

Tsvetaeva, c. 20.

245

Вегнер, с.14.

Фейнберг, с.16.

247

Анучин, с.17.

248

Леец, с.9.

249

Анучин.

250

Хохлов, с.63.

251

Телетова, с.171.

General History…

253

Телетова, с.121.

Фейнберг, с.46—47.